

Научный журнал

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК
РГГУ

Литературоведение
Языкознание
Культурология

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Literary Theory •
Linguistics • Cultural Studies

8
2025

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

8
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 12 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: Igor_sharonov@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 12 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: Igor_sharonov@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testeleets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

I.A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Анищферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

И.А. Шаронов, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

On some directions in modern linguistics. <i>Igor A. Sharonov</i>	12
<i>Andrei V. Grigor'ev, Rita Al'rkhal'</i> Types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18 th century (based on phrases with a dependent noun in genitive case and a possessive adjective with the suffix -ij-)	15
<i>Liudmila L. Fedorova</i> Patterns of compounding in occasional and loan words (based on the Glossary of New Words for 2023–2025)	29
<i>Irina V. Fujaeva</i> <i>Kitayanka</i> and <i>brazil'yanka</i> . The appearance of a non-standard model of Russian feminine ethnonyms	47
<i>Elena V. Bogoyavlenskaya</i> Motivational and gender components in the connotative aspect of phraseological meaning	55
<i>Natalya I. Reinhold</i> “Dictionary Johnson” and the seminal issues of lexicography	66
<i>Svetlana I. Pereverzeva</i> Expressive modals in Telegram media channels and their manipulative potential	77
<i>Olga A. Prokhvatilova</i> On the issue of the specifics of the expressive means of Orthodox Internet preaching	91
<i>Natalia Yu. Gvozdetskaya</i> The image of the poet and poetry in Beowulf. Synthesis of cultures in the Old English poetic language	109
<i>Liliya A. Usmanova</i> Dream narrative in the transition to digital communication	123

СОДЕРЖАНИЕ

О некоторых направлениях в современной лингвистике. <i>Игорь А. Шаронов</i>	12
<i>Андрей В. Григорьев, Рита Альрхаль</i> Типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний с зависимым существительным в родительном падеже и притяжательным прилагательным с суффиксом <i>-ий-</i>)	15
<i>Людмила Л. Федорова</i> Модели сложных слов в новых окказионализмах и заимствованиях (по материалам Глоссария новых слов 2023–2025 гг.)	29
<i>Ирина В. Фуфаева</i> <i>Китайка</i> и <i>бразильянка</i> : Возникновение нестандартной модели русских этнонимов женского рода	47
<i>Елена В. Богоявленская</i> Мотивационный и гендерный компоненты в коннотативном аспекте значения фразеологизмов	55
<i>Наталья И. Рейнгольд</i> «Джонсон Словарь» и актуальные вопросы лексикографии	66
<i>Светлана И. Переверзева</i> Экспрессивные модальные слова в Telegram-каналах СМИ и их манипулятивный потенциал	77
<i>Ольга А. Прохватилова</i> К вопросу о специфике выразительных средств православной интернет-проповеди	91
<i>Наталья Ю. Гвоздецкая</i> Образ поэта и поэзии в «Беовульфе»: синтез культур в древнеанглийском поэтическом языке	109
<i>Лилия А. Усманова</i> Сновидческий нарратив в условиях перехода к цифровой коммуникации	123

О некоторых направлениях в современной лингвистике

Традиционно восьмой номер журнала заполняется тематически связанными статьями, собранными на основе предшествующей номеру конференции. Но номер 2025 года было решено посвятить обзору ряда направлений в современных лингвистических исследованиях. Эти направления охватывают области диахронии и синхронии, словообразования и неологии, стилистики и лексикографии. Разнонаправленность исследований отражает многоаспектный и неисчерпаемо глубокий характер изучаемого объекта, его связи с культурой, духовной и социальной жизнью общества.

В статье А.В. Григорьева и Р. Альрхаль «Типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний с зависимым существительным в родительном падеже и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий*)» проводится детальный статистический анализ синонимичных приименных словосочетаний в русском языке XVIII в. На материале Национального корпуса русского языка демонстрируется процесс постепенной потери доминирования рассматриваемых конструкций с притяжательным прилагательным над конструкциями с зависимым существительным в родительном падеже. Указывается, что несмотря на общее статистическое преобладание конструкций с притяжательными прилагательными, идущее еще из древнерусской традиции, происходит сначала синтагматическое размежевание при выражении субъектных и объектных отношений, в результате которого доминирование в выражении первых еще остается за сочетаниями с притяжательными прилагательными, однако при выражении объектных отношений преобладает уже использование конструкций с зависимым существительным в родительном падеже. А к концу XVIII столетия под влиянием переводных сочинений конструкций с зависимым существительным постепенно проникает и в выражение субъектных отношений.

В статье Л.Л. Федоровой «Модели сложных слов в новых окказионализмах и заимствованиях (по материалам Глоссария новых слов 2023–2025 гг.)» на материале русских и заимствованных неологизмов предлагается возможность взглянуть на современные пути лексического обогащения современного русского языка. Сло-

вообразование – один из самых активных триггеров эволюционно-го развития языка, и внимание к тенденциям последних лет позволяет делать прогностические выводы. В исследовании отмечается значимость композитного способа в формировании неологизмов. Анализируются дефисные и слитные классы единиц, дается классификация их подвидов. Отдельно на материале опросов студентов выявляется способность молодого поколения осознавать значение неологизма по составу его заимствованных компонентов и устоявшихся словообразовательных моделей.

Статья И.В. Фуфаевой «*Китайка и бразильянка: Возникновение нестандартной модели русских этнонимов женского рода*» посвящена активно обсуждаемой в обществе проблеме расширения и изменения феминитивов в русском языке. Язык отражает возросшую социальную активность феминистического движения в мире. Его представительницы используют нестандартную модель этнонимов для маркирования собственной идентичности. Акцент в статье сделан исключительно на лингвистических причинах выбора суффиксов *-ан* и *-к* из ряда суффиксов (например, *-иц*, *-эсс*, *-и*) используемых для наименования женских профессий.

Гендерная семантика нашла отражение также в статье Е.В. Богоявленской «*Мотивационный и гендерный компоненты в коннотативном аспекте значения фразеологизмов*», основанной на материале английских идиом, описывающих привлекательных женщин. Такого рода фразеология показывает, видимо, отраженный в языковой образной семантике мужской взгляд на прекрасную половину человечества. Автор классифицирует собранный набор идиом по ряду критериев: эстетическому, гастрономическому, флористическому и некоторым другим. Демонстрируется, что англоязычная и русская образные системы в описании красивой женщины частично совпадают.

Статья Н.Ю. Гвоздецкой «*Образ поэта и поэзии в “Беовульфе”*: синтез культур в древнеанглийском поэтическом языке» продолжает статьи, посвященные исследованию фразеологии английского языка. Собранные в средневековой английской поэме «Беовульф» древнеанглийские идиомы нравоучительного характера позволяют провести лингвостилистический анализ автора поэмы в его многогранных проявлениях.

Заканчивается обзор исследований английского языка статьей Н.И. Рейнгольд «*“Джонсон Словарь” и актуальные вопросы лексикографии*». Автор обращается к истокам лексикографической традиции, посвящая исследование одному из классических словарей английского языка, составленному в XVIII в. Утверждается, что этот словарь заложил базовые принципы для составления

последующих словарей в Европе и в мире в целом. Интересным в исследовании представляется поведение параллелей проблем и задач, рассматриваемых в словаре Джонсона, с проблемами и задачами, которые ставят в своей работе современные лексикографы. Тем самым в статье подчеркивается неустаревающая актуальность рассмотренного словаря.

Блок статей в номере посвящен стилистическим аспектам исследования языка Интернета. Статья О.А. Прохвятиловой «К вопросу о специфике выразительных средств православной интернет-проповеди» обращена к относительно новому дистанционному проповедческому жанру, контрастному сопоставлению его тропеических средств по сравнению с традиционной проповедью в храме. Отмечается резкое усиление роли в интернет-проповеди тропа иронии, что приводит к определенной модификации стилистической доминанты в исследуемом интернет-жанре.

В статье С.И. Переверзевой «Экспрессивные модальные слова в Telegram-каналах СМИ и их манипулятивный потенциал» рассматриваются модальные усилители утверждений (*поистине, суций* и под.) и вводные слова типа (*вероятно, видимо, разумеется* и под.) и их роль в воздействии на восприятие и формирование оценок *читательской аудитории*.

Статья Л.А. Усмановой «Сновидческий нарратив в условиях перехода к цифровой коммуникации» обращается к материалам форумов, посвященных рассказам о сновидениях. Автор демонстрирует новации в анализе речевого жанра рассказов о сне, активное включение в их описание инструментов цифровой среды, а также рисунков и других визуальных средств, что, по мнению автора, позволяет более наглядно и объемно передать фрагменты сохранившихся в памяти воспоминаний об увиденном во сне.

И.А. Шаронов

Типы отношений
в беспредложных приименных словосочетаниях
в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний
с зависимым существительным в родительном падеже
и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-*)

Андрей В. Григорьев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, greg988@yandex.ru*

Рита Альрхаль

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, reetarhal@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. Были сопоставлены существительные и соответствующие им прилагательные с суффиксом *-ий-*, которые встречались еще в древнейших старославянских и древнерусских памятниках (*Б<б>ожий, вражий, рабий*). Были использованы базы Национального корпуса русского языка, что позволило привлечь к исследованию разнообразные контексты, которые ранее не описывались учеными. Это определило актуальность и новизну исследования. В статье выявлены следующие типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях: отношения принадлежности, сравнения, субъектные, объектные отношения и др., при этом наблюдается обусловленное древнерусской традицией преобладание конструкций с притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* над конструкциями с зависимым существительным в род. п. Отмечена корреляция между выражением субъектно-объектных отношений и типом конструкции. Так, если в сочетаниях с притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* преобладают субъектные отношения, то в конструкциях с зависимым существительным в род. п. – объектные, что продолжает тенденцию, представленную в древнерусских памятниках XVI–XVII вв. В то же время продемонстрировано, что существительные в род. п., обозначающие лиц (как одиночные, так и в составе сочетаний сложной синтаксической структуры), в течение XVIII века использовались достаточно активно не только под влиянием западноевропейских переводных сочинений (оно явно прослеживается к середине и концу века), но и церковнославянских текстов.

© Григорьев А.В., Альрхаль Р., 2025

Ключевые слова: родительный падеж, приименные словосочетания, грамматическая семантика, язык XVIII в., притяжательные прилагательные с суффиксом *-ий-*.

Для цитирования: Григорьев А.В., Альрхаль Р. Типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний с зависимым существительным в родительном падеже и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-*) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 15–28. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-15-28

Types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century (based on phrases with a dependent noun in genitive case and a possessive adjective with the suffix *-ij-*)

Andrei V. Grigor'ev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, greg988@yandex.ru*

Rita Al'rkhal'

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, reetarhal@gmail.com*

Abstract. The article considers the types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century. Nouns and corresponding adjectives with the suffix *-ij-*, which were found in the most ancient Old Slavonic and Old Russian monuments, were compared (*B<b>ozhii, vrazhii, rabii*). The databases of the National Corpus of the Russian Language were used, which allowed for the inclusion in the study a variety of contexts that had not previously been described by scientists. It determined the relevance and novelty of the research. The article identifies types of relations in non-prepositional adnominal phrases: affiliation relations, comparisons, subject and object relations, etc., while the predominance of constructions with a possessive adjective with the suffix *-ij-* over constructions with a dependent noun in genitive case conditioned to the Old Russian tradition is noted. As well as the correlation between the expression of subject-object relations and the type of construction is observed. So, if in combinations with a possessive adjective with the suffix *-ij-*, the subject relations prevail, then in constructions with a dependent noun in genitive case – prevalence is with the object relations, which continues the tradition represented in Old Russian monuments of the 16th – 17th centuries. At the same time, it is demonstrated that nouns in genitive

tive case denoting persons (both singly and as part of combinations of complex syntactic structure) were actively used during the 18th century, not only under the influence of Western European translated works (it can clearly be traced to the middle and end of the century), but also Church Slavonic texts.

Keywords: genitive case, adnominal phrases, grammatical semantics, language of the 18th century, possessive adjectives with the suffix *-ij-*

For citation: Grigor'ev, A.V. and Al'rkhal', R. (2025), "Types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century (based on phrases with a dependent noun in genitive case and a possessive adjective with the suffix *-ij-*)", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 15–28, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-15-28

1. В современном языке мы часто встречаем сочетания, выражающие определительные отношения, с приименными существительными в родительном падеже. Однако, как указывает А. Мейе, исторически в славянских языках именное дополнение заменялось производным прилагательным, в отличие, например, от латинского языка, в особенности для названий одушевленных предметов, сравним: *домъ петровъ*, но *domus Petri* [Мейе 2001, с. 374]. Г.А. Хабургаев отмечает, что, поскольку в данном значении синтаксическая функция существительных близка функции определения, в старославянских памятниках в подобных случаях мы можем найти и существительные в родительном падеже, и прилагательные: *отъ плода виноградаънаго*, *отъ плода винограда*¹, причем на месте одушевленных существительных чаще представлены притяжательные прилагательные (*въ домъ симоновъ*), но могут встречаться и существительные: *въ дому симона*². Также значение принадлежности могло быть выражено и дательным падежом: сравним: *лице отьца* (род. п.) *моего* и *лице отьцю* (дат. п.) *ми* (на древнерусском материале об этом см.: Вайян 1952, с. 215). М.Л. Шатерникова и М. Виднес считают, что конструкции с прилагательным типа N + A были характерны для праславянского языка, а N + N (gen) и N + N (dat)³ – это конструкции, заимствованные из греческого языка [Шатерникова 1940; Виднес 1958; Урысон 1980].

¹ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. С. 388.

² Там же.

³ В данных схемах N – существительное, N(gen) – существительное в род. п., N(dat) – в дат. п., а A – прилагательное. Приводится по работе [Урысон 1980].

В старославянском и древнерусском языках употребление форм существительных в родительном падеже часто было возможно, когда дополнение сопровождалось определением: *сын бога вышняго* [Мейе 2001, с. 374], т. е. в том случае, когда наименование обладателя имело сложную синтаксическую структуру [Зализняк 1993, с. 270], например, по наблюдениям А.А. Зализняка, в берестяных грамотах: *в двѣри т[и е]є ...земль Павьлова (земля ее деверя Павла) 227 (ХІІ2)* [Зализняк 2004, с. 158, 377].

В древнерусском языке словосочетания, выражающие определительные отношения, с приименными существительными в родительном падеже также были представлены очень ограниченно. Как отмечает А.А. Зализняк, «в древних славянских языках отношение принадлежности нормально выражалось не родительным падежом имени обладателя..., а притяжательным прилагательным» [Зализняк 1993, с. 270].

В том случае, когда «наименование обладателя представляло собой одиночное существительное, родительный падеж принадлежности встречается исключительно редко» [Зализняк 2004, с. 158]. С.В. Макарова отмечает такие случаи в книжной литературе уже в памятниках XII в.: Си слышавъши мѣти его и чюдивъшися о премудрости **отрока** («Житие Феодосия Печерского»), И славу возда Богу о спасении души **отрочати** («Путешествие новгородского архиепископа Антония») [Макарова 1954, с. 15]. Однако если книга Антония, описывающая его паломничество 1200 г., известна лишь в поздних списках XVI–XVII вв. и лишь в общих чертах дает нам представление об оригинале, то текст «Жития Феодосия Печерского» по списку XII–XIII вв. содержит не только упомянутое С.В. Макаровой сочетание *премудрость отрока (л.29 г)*, но и другие подобные случаи, например: *прельщение отрока (л. 34 в)*, *търпѣние и смърѣние отрока (л. 34 г)* и др.⁴ Впрочем, в данных примерах мы выделяем у существительного значение не принадлежности, как считает С.В. Макарова, а признака/состояния/качества (первые два примера) и объекта (последний пример). Кроме этого, следует отметить, что соответствующее притяжательное прилагательное *отрочий*, которое встречается в древнейших старославянских и древнерусских текстах, к XIII в. постепенно выходит из употребления и заменяется прилагательным *отроческий* в относительном или даже качественном значении. В бытовых памятниках, как указывает А.А. Зализняк, первый известный подобный случай зафиксирован в берестяной грамоте XIII в.: *а Гришки коожюхе, свита, сорощица, шьпка 141 (ХІІІ2)* [Зализняк 2004, с. 158].

⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. 754 с.

А.А. Зализняк выделяет следующие случаи использования родительного падежа существительных в исследуемых конструкциях в берестяных грамотах:

- как вынужденная замена для притяжательного прилагательного «либо потому, что такое прилагательное... в языке отсутствовало, либо потому, что нужно было избежать нагромождения притяжательных прилагательных» [Зализняк 2004, с. 158];
- в случае, если наименование обладателя представляло собой словосочетание, о чем уже говорилось выше. По А.А. Зализняку были возможны три основных типа подобных конструкций: «1) все члены словосочетания заменяются соответствующими притяжательными прилагательными; 2) один член словосочетания заменяется притяжательным прилагательным, а другой (или другие) – ставится в родительном падеже; 3) все словосочетание ставится в родительном падеже» [Зализняк 2004, с. 158].

В книжных древнерусских текстах, как отмечает С.В. Макарова, с XVI–XVII вв. мы видим тенденцию, когда использование существительного в род. п. становится более свободным и не определяется возможностью или невозможностью употребить в этом контексте притяжательное прилагательное. Однако в языке этого периода «нет еще того широкого и свободного употребления родительного падежа, какое мы наблюдаем в современном языке» [Макарова 1954, с. 18].

XVIII век характеризуют как переходный период от древнерусского к современному русскому языку. Как указывают исследователи, конкретные конструкции N + N (gen) были очень редкими, при этом был возможен как постпозитивный, так и препозитивный родительный [Виднес 1958, с. 100]. Л. Шатерникова отмечает, что приименные сочетания N + N (gen) с неглагольным определяемым словом начинают возникать в XVIII в. в переводных сочинениях [Шатерникова 1940, с. 186], однако «в огромном большинстве случаев» и в оригинальных, и в переводных текстах преобладает конструкция с прилагательным. Эти прилагательные могут приобретать относительные и качественные значения [Шатерникова 1940, с. 188–189]. Подобные конструкции ощущались как книжные и заимствованные, однако только они использовались, если оба существительных имели отвлеченное значение: *чувство осязания*, *враг трудолюбия* [Шатерникова 1940, с. 194, Урысон 1980, с. 127]. По данным М. Виднес, в целом преобладание сочетаний N + N (gen) над N + A относится только к концу XVIII – началу XIX в. и наблюдается лишь у отдельных авторов [Виднес 1958, с. 100]. Так, по на-

блюдениям Д.В. Руднева, в тексте «Древней российской истории» М.В. Ломоносова «встречается 144 случая употребления притяжательных прилагательных и 67 случаев родительного принадлежности» [Руднев 2021, с. 13], однако, например, у Н.М. Карамзина в сочинениях, описывающих события, происходящие за границей, чаще используется родительный принадлежный; в «Истории государства Российского» уже на 12 случаев использования притяжательных прилагательных – 75 употреблений постпозитивного родительного [Виднес 1958, с. 100]. Что касается приименных сочетаний N + N (gen) с глагольным определяемым словом, то в объектном значении прилагательное достаточно рано, еще в древнерусском языке, начинает вытесняться приименным родительным, в субъектном значении фиксируется лишь несколько подобных примеров в памятниках XVII в., в XVIII в. такие конструкции активно используются [Шатерникова 1940, с. 197–198].

2. В настоящей статье мы определим типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в., сравнив использование конструкций с зависимым существительным в род. п. и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* (модель типа N + N (gen) будут противопоставлена модели N + A (poss) с суффиксом *-ий-*) для обозначения лиц.

Рамки статьи позволяют сопоставить существительные и соответствующие им прилагательные с рассматриваемым суффиксом, которые встречались еще в древнейших старославянских и древнерусских памятниках: *Б(б)ожий, вражий, рабий*. Использование базы Национального корпуса русского языка (для XVIII в. это 2 308 текстов) позволит привлечь к исследованию разнообразные контексты, которые ранее не описывались учеными, что определяет актуальность и новизну исследования.

3. Рассмотрим модель типа N + N (gen) *Бога, богов, врага, врагов, раба, рабов*.

В текстах XVIII в. нами найдено более 300 конструкций с приименным родительным типа N + N (gen) в ед. ч. (*Бога (бога)*), около 50 конструкций во мн. ч. (*богов*), 37 примеров типа N + N (gen) (*врага, врагов*) с сущ. в ед. ч. и мн. ч., 40 примеров типа N + N (gen) (*раба, рабов*) с сущ. в ед. ч. и мн. ч.

Как показывает анализ, приименный родительный встречается в большинстве случаев, как и в древнерусском языке, в сочетаниях сложной синтаксической структуры, однако нами обнаружена интересная особенность. Подобные сочетания с приименным родительным используется в значении принадлежности/отношения преимущественно в случаях, если они заимствованы из церковнославянского текста Библии: *имя Бога Иаковля, честь Бога все-*

могущаго, полку Бога жива, крове Бога небеснаго, сын Бога живаго, церковь Бога жива, ко граду Бога жива, мати Бога сына, храм Бога живаго, дома раба вашего. Многие данные сочетания встречаются с родительным приименным в Острожской Библии (1581 г.) и Елисаветинской Библии (1751 г.): *храм Бога живаго* (2Кор 6:16), *имя Бога Иаковля* (Пс 19:2), *сын Бога живаго* (Мф 16:6, Ин 6:69), *церковь Бога жива* (1Тим 3:15), *ко граду Бога жива* (Евр 12:22), *дом раба вашего* (Быт 19:2).

В остальных случаях в сочетаниях сложной синтаксической структуры мы находим формы род. п. в субъектном значении: *единого сердцевида Бога, суд Бога нелицеприемнаго, помощь победодавца Бога, деяния сего первого врага, злодействие сего изменника, врага и тирана, глаголы раба твоего, молитву рабов своих*, и в объектном значении *любление врагов своих, одоление врагов ваших* и др. Как мы видим, обычно в объектном значении и частично в субъектном значении используются отглагольные существительные. В случае если существительное адъективное (реже отглагольное), можно наблюдать диффузное значение субъекта-агенса и субъекта-носителя состояния, например, *хитрость врага нашего* (то есть 'враг хитрит' / 'хитрость как качество, свойство врага, постоянное или временное'), подобные примеры: *смирение врага моего, жертву умиления раба Твоего, милостию Бога всесильнаго*. Такие конструкции также имеют непосредственный (например, сочетание *знев врагов моих* является точной цитатой из Пс 137:7) или опосредованный прототип в библейских текстах.

Мы можем предположить, опираясь на материалы Национального корпуса русского языка, что употребление форм род. п. существительных для наименований лиц в сочетаниях сложной синтаксической структуры определяется не столько влиянием непосредственно структуры, сколько семантикой конструкции (преобладание сочетаний с субъектным и объектным значением) и соотносительностью библейской традицией (значение принадлежности/отношения), для которой такие конструкции были характерны.

Рассмотрим сочетания N + N (gen) с одиночным существительным, обозначающим лицо.

Сочетание с одиночным приименным родительным используется в значении принадлежности/отношения в ед. ч. только однажды (*сын Бога*) в тексте 1800 г. в рассказе о римских императорах и передает под влиянием западноевропейских текстов не библейский, а латинский оборот *divi filius*. Сочетание с притяжательным прилагательным *сын Божий / Божий сын*, напротив, встречается в более чем 200 примерах в постпозиции и 2 примерах в препозиции. Во мн. ч. существительное в род. п. в данном значении *богов* встре-

чается значительно чаще, однако преимущественно во второй половине XVIII в.: *отец богов* (8 примеров), *сын богов*, *кравчий богов*, *храмы*, *алтари богов* и др. Данные сочетания нередко представлены в переводных сочинениях:

– Ганимед, *кравчий богов*, получает ли за службу свою от них жалованье? (Д.И. Фонвизин. Аполлон посещает лес. Перевод басни Л. Хольберга с нем.; 1761–1765; НКРЯ.)

Следует отметить, что предпосылками для возникновения подобных сочетаний также мог стать библейский контекст, сравни: *истуканы богов их*, Втор 12:3. Однако в рассматриваемом случае словосочетания с родительным падежом существительного безусловно предпочтительнее, поскольку «их выразительные способности богаче: они могут выражать принадлежность не только одному лицу, но и группе лиц..., более полно называть обладателя» [Грамматика 1960, с. 232–233].

Достаточно активно мы находим сочетания с преимущественно отглагольными существительными в род. п. в объектном и субъектном значении, наследующими глагольные валентности: *познание Бога*, *призывание Бога*, *любление Бога*, *забвение Бога*, *прогневление Бога*, *поражение врага / врагов*, *усмирение врагов*, *победа врагов*, *одоление врагов* (объектное значение), *творение Бога*, *дар Богов*, *собрание богов*, *спор богов*, *вшествие врагов* (субъектное значение).

Нередко с середины XVIII в. сочетания по модели N + N (gen) в объектном и субъектном значении встречаются в переводных сочинениях:

– Юпитер определил быть всеобщему *собранию богов* (Д.И. Фонвизин. Торг семи Муз. Пер. из И.Х. Кригера с нем.; 1762; НКРЯ) – субъектное значение.

– Часть людей согласилась, а другая ему возопила: «безъ *прогнванія Бога* и оскорбленія отечества не можешь ты пожертвовать жизнию...» (М.И. Веревкин. История о странствіяхъ вообще... Ч. 1. Перевод книги Прево и Лагарпа; 1782; НКРЯ) – объектное значение.

– ...Тот, чьи мысли и поступки точнее сходствуют с мыслями и делами Иисуса Христа, основателя религии нашей, кто далее успел в смирении, кротости, в *люблении бога* и ближнего... (О воспитании и наставлении детей. Перевод; 1783; НКРЯ) – объектное значение.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобные сочетания (с существительными и глагольными формами) в объектном и субъектном значениях встречались в библейских текстах: *познавше*

Бога (Гал 4:9), *любь Бога* (2Кор 13:13), *прогнѣваша Бога* (1Езд 5:12), поэтому даже в переводных текстах могли использоваться библейские прототипы.

Отдельно следует рассмотреть сочетания типа *лице (лицо) Бога, рука Бога* и др., где существительные, от которых зависит приименный родительный (одиночный или в составе сложной синтаксической структуры), с одной стороны, представляют неотчуждаемую часть лиц (*Бога, врагов*), с другой – могут выступать как метонимические заместители пропозиций (Бог направляет, действует, говорит и т. п.) в субъектном значении. Большинство подобных оборотов являются библейскими по происхождению. Так, сочетание *лицо (лице) Бога (Иаковлева)*, которое 6 раз встречается в проповедях архиепископа Платона и 1 раз в независимом употреблении в повести И.М. Долгорукова, восходит к Пс 113:7 *пред лицем Бога Иаковлева* и др. Сочетание *рука Бога (живаго)* 8 раз фиксируется в проповедях архиеп. Платона в сочетании *рука Бога живаго*, сравни подобные обороты: Неем 2:8 *рука Бога моего*, Иез 8:1 *рука Господа Бога*. 1 раз сочетание *рука Бога* с одиночным употреблением родительного приименного мы находим у А.С. Шишкова. Также библейские источники имеют и иные встречающиеся в текстах XVIII в. сочетания: *руки врагов* (например, Суд 2:14), *очи Бога* (Ам 9:8), *очи врагов* (Иер 15:9), *глас Бога* (Втор 4:33), *уста Бога* (в Библии нередко слово *уста* используется в значении ‘речь’: Пс 50:17, Мал 2:6,7).

Кроме того, отметим использование одиночного приименного родительного в значении совокупности: *куча врагов, множество врагов*. Подобные формы существительных в данном значении мы также обнаруживаем в библейских текстах: *множество человеков, скотов* (Зах 2:4) и подобн.

Интересным представляется использование в текстах XVIII в. сочетания *зрак раба* по модели N + N (gen) в значении сравнения (11 примеров, с 1709 г.):

...Бог сам явился во плоти... и беседовал с нами о тайнах вечного царствия, **зрак раба** принял и быв в подобии человечеством (архиепископ Платон <Левшин>. Слово в неделю перед Рождеством Христовым. 1764; НКРЯ).

Использование данного сочетания объясняется тем, что это цитата из Флп 2:7 *Но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек*, где в греческом языке $\mu\omicron\rho\phi\eta\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, которое передается на церковнославянский как *зракъ раба* (Геннадиевская Библия 1499 г., Острожская Библия 1581 г., Елисаветинская Библия 1751 г.), в

более поздних текстах: *видь раба*. Исследуемое сочетание было устойчивым и в западноевропейской религиозной традиции, позднее приобрело переносное значение, в котором мы находим его и в переводной литературе по модели N + N (gen):

Нося еще в сердце *зрак раба* своего, предстанешь ли ты супругу своему? (Д.И. Фонвизин. Иосиф. Перевод поэмы П.Ж. Битобе с французского; 1769; НКРЯ).

В текстах XVIII в. нами отмечено всего 2 примера, где это словосочетание передано по модели N + A в проповеднической литературе:

<Христос> облекся в *рабий зрак*: алкал, жаждал, странствовал, не имея, где главы приклонити (архиеп. Платон <Левшин>. Слово в неделю Ваий; 1777; НКРЯ).

4. Рассмотрим модель типа N + A (poss) *Б(б)ожий, вражий, рабий* / A (poss) *Б(б)ожий, вражий, рабий* + N

Анализ показал, что, хотя в исследуемых текстах нередко конструкции с сущ. в род. п. (суммарно около 400 употреблений), количество сочетаний N + A(poss) *Божий* в постпозиции и препозиции превышает 5000, что объясняется тем, что конструкции с притяжательными прилагательными были исторически предпочтительнее не только в оригинальных, но и переводных текстах. Среди примеров можно указать сочетания с приименным прилагательным в значении принадлежности/отношения (*раб, сын, храм, дом, престол Божий* – в постпозиции, *вражьи стрелы* – в препозиции и др.), в значении сравнения (*рабий зрак*), в диффузном значении субъекта-агенса и субъекта-носителя состояния (*милость Божия*), в субъектном и объектном значениях, причем случаи в субъектном значении преобладают (*помощь Божия, изволение Божие, присутствие Божие, одобрение Божие, вражьи козни, вражье мщенье, ненависть вражья* и др. – субъектное значение, *страх Божий, служение Божие* – объектное значение), в том числе примеры типа *рука Божия, очи Божии, лицо вражие, вья вражия* и др. (неотчуждаемая часть):

Якоже стремленіе водное, тако и сердце царево въ *руцѣ божіеи* (Нравоученія отъ Священнаго писанія по алфавиту избраная. 1710–1717; НКРЯ) – цитата из Прит 21:1.

Отметим, что в переводной литературе в объектном или субъектном значении вполне активно встречается притяжательное прилагательное:

– А понеже *отмщениѣ Божіе* обыче, не скоро дѣиствіе свое произведити, отъ того злымъ чловѣкомъ подается случаи, инымъ винамъ нечестивыхъ чловѣковъ злочлюченія восписовати... (неизвестный. Перевод трактата С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина...» Кн. 2. 1726; НКРЯ).

Есть примеры, где притяжательное прилагательное употребляется в значении качественного (*рабы чувствования, вражий сын*).

Следует отметить, что в рассмотренных текстах XVIII в. обнаружено всего 11 примеров словосочетаний типа N + A (poss) с прилагательным *вражий* и 3 примера с прилагательным *рабий*. Это объясняется тем, что слово *рабий* в древнерусском языке выходит из употребления и заменяется прилагательным *рабский* (более 80 примеров). Чаще всего слово *рабский* используется в значении качественного: *рабская верность, душа, рабское сердце, унижение, рабский страх, поклон*, но есть и случаи употребления данного прилагательного как притяжательного в значении принадлежности: *рабские дети* (= *дети рабов*) и др. К концу XVIII в. снижается частотность употребления слова *вражий*, оно заменяется прилагательным *вражеский*, которое так же, как и *рабский*, чаще используется в значении качественного (*вражеское сердце, иго*).

Итак, анализ материала показывает, что в текстах XVIII в. выявлены следующие типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях: отношения принадлежности, сравнения, субъектные, объектные отношения и др., при этом наблюдается обусловленное древнерусской традицией преобладание конструкций N + A (poss) над N + N (gen). Отмечена корреляция между выражением субъектно-объектных отношений и типом конструкции. Так, если в сочетаниях типа N + A (poss) преобладают субъектные отношения, то в конструкциях N + N (gen) – объектные, что продолжает тенденцию, представленную в древнерусских памятниках XVI–XVII вв. В то же время продемонстрировано, что существительные в род. п., обозначающие лиц (как одиночные, так и в составе сочетаний сложной синтаксической структуры), в течение XVIII в. используются достаточно активно в тех же значениях, что и соответствующие притяжательные прилагательные. Это может быть обусловлено не только влиянием западноевропейских переводных сочинений (оно явно прослеживается к середине и концу века). Важным представляется тот факт, что в начале XVIII в. «книжно-славянский язык значительно расширяет свои литературные функции и обнаруживает явную тенденцию к полифункциональности» [Кутина 1978, с. 252], активно развиваются такие жанры, как панегирик, торжественная ораторская проза, в 1751 г.

выходит в свет текст Елисаветинской Библии, который получает всеобщее распространение. Поэтому сочетания N + N (gen) как с одиночным существительным в форме родительного падежа, так и в сочетаниях сложной синтаксической структуры, могли активно заимствоваться не только из западноевропейских сочинений, но и из библейского текста и проповеднической литературы, в особенности для рассмотренных нами существительных, которые активно встречаются в Библии (*Бог, раб, враг*), в том числе в значении принадлежности, сравнения и совокупности, а также в субъектном и объектном значениях.

Перспективой исследования является описание рассматриваемых в статье конструкций в языке XIX–XX вв. и определение источников и времени активного использования изучаемых сочетаний в различных значениях в современном русском языке.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка, электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов.

Литература

- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 448 с.
- Виднес 1958 – *Виднес М.* О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVIII–XIX вв. // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 99–101.
- Грамматика 1960 – Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова. Т. 2: Синтаксис. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 703 с.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. 352 с.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Кутина 1978 – *Кутина Л.Л.* Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978. 469 с.
- Макарова 1954 – *Макарова С.Я.* Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 262 с.
- Мейе 2001 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001. 492 с.

- Руднев 2021 – Руднев Д.В. Употребление притяжательного прилагательного и родительного принадлежности в середине XVIII в. (на материале «Древней российской истории» М.В. Ломоносова) // Вопросы русской грамматики и исторической стилистики: к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации Замира Курбановича Тарланова. Петрозаводск, 2021. С. 13–18.
- Урысон 1980 – Урысон Е.В. Относительные прилагательные в парадигме древнерусского имени: (на материале Успенского сборника XII–XIII вв.) // Древнерусский язык: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1980. С. 110–132.
- Шатерникова 1940 – Шатерникова Л.Н. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного // Ученые записки Вологодского педагогического института. Вып. 1. Вологда, 1940. С. 176–205.

References

- Kutina, L.L. (1978), “The last period of Slavic-Russian bilingualism in Russia”, in *Slavyanskoe yazykoznanie: VIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady sovetsoi delegatsii* [Slavic linguistics. 8th International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation], Moscow, USSR.
- Makarova, S.Ya. (1954), “The genitive case of belonging in the Russian language of the 11th–17th centuries”, in *Trudy Instituta yazykoznavaniya* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. 3, Moscow, USSR.
- Meillet, A. (2001), *Obshch斯拉vianskii yazyk* [Common Slavic language], Progress, Moscow, Russia.
- Rudnev, D.V. (2021), “The use of the possessive adjective and genitive in the middle of the 18th century (based on the material of “Ancient Russian History” by M.V. Lomonosov)”, in *Voprosy russkoi grammatiki i istoricheskoi stilistiki: k 85-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii Zamira Kurbanovicha Tarlanova* [Issues of Russian grammar and historical stylistics. On the 85th anniversary of Zamir Tarlanov, the Honored Scientist of the Russian Federation], Petrozavodsk, Russia, pp. 13–18.
- Shaternikova, L.N. (1940), “From the history of the syntactic role of the relative adjective”, in *Uchenye zapiski Vologodskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Vologda Pedagogical Institute], Vologda, USSR, pp. 176–205.
- Uryson, E.V. (1980), “Relative adjectives in the paradigm of the Old Russian name. (Based on the material of the Assumption Collection of the 12th – 13th centuries)”, in *Drevnerusskii yazyk: Leksikologiya i leksikografiya* [Old Russian language. Lexicology and lexicography], Nauka, Moscow, USSR, pp. 110–132.
- Vaillant, A. (1952), *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [The Old Slavonic language manual], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
- Vidnes, M.O. (1958), “On some changes in the position of the expression of belonging in the Russian language of the 18th – 19th centuries”, *Voprosy yazykoznavaniya*, no. 5, pp. 99–101.

- Vinogradov, V.V., ed. (1960), *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language], vol. 2, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (1993), "On learning the language of birch bark letters", in Yanin, V.L. and Zaliznyak, A.A., *Novgorodskie gramoty na bereste: Iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod letters on birch bark. From the excavations of 1984–1989], Nauka, Moscow, Russia.
- Zaliznyak, A.A. (2004), *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Андрей В. Григорьев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; greg988@yandex.ru

Рита Альрхаль, аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; reetarhal@gmail.com

Information about the authors

Andrei V. Grigor'ev, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq. Moscow, Russia, 125047; greg988@yandex.ru

Rita Al'rkhal', postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; 1-1, Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119435, Russia; reetarhal@gmail.com

УДК 81'373

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-29-46

Модели сложных слов
в новых окказионализмах и заимствованиях
(по материалам Глоссария новых слов 2023–2025 гг.)

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfvoix@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается обзор моделей словосложения в новых словах, появившихся в период 2023 – начала 2025 г. Выделяются дефисные и слитные классы моделей. В них отмечаются как традиционные (с интерфиксом, сложносоставные, сложносокращенные), так и заимствованные модели (композицы, контаминации). Обсуждаются термины *композицы*, *морфоиды*. Выделены два вида контаминации, для которых предложены термины *слияние* и *наложение*. Показано, что среди новых сложений наибольшую долю составляют композицы, среди которых есть заимствования, кальки и слова на основе русских и освоенных компонентов. В результате пилотного опроса студентов оценены возможности толкования новых слов на основе их структуры. Отмечено, что по сравнению с годами пандемии приток новых слов уменьшился.

Ключевые слова: неологизмы, окказионализмы, сложные слова, композицы, морфоиды, контаминация, заимствования

Для цитирования: Федорова Л.Л. Модели сложных слов в новых окказионализмах и заимствованиях (по материалам Глоссария новых слов 2023–2025 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 29–46. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-29-46

Patterns of compounding in occasional and loan words
(based on the Glossary of New Words for 2023–2025)

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lfvoix@yandex.ru*

Abstract. The paper provides an overview of the patterns of compounding in new words that appeared in the period 2023 – early 2025. Hyphenated

---

© Федорова Л.Л., 2025

and merged classes of compounds are distinguished in the analysis. There are both traditional patterns (with an interfix, with abbreviations, hyphenated composites) and borrowed ones (composites, contaminations) among them. The terms *composite* and *morphoid* are discussed. Two types of contamination are identified, for which the terms *fusion* (“sliyanie”) and *superposition* (“nalozhenie”) are proposed. It is shown that among the new compounds, composites make up the largest share, including borrowings, calques, and words based on Russian and loaned components. Following the pilot survey of students, the author evaluates the possibilities of interpreting new words based on their structure. It is noted that the influx of new words has decreased compared to the pandemic years.

Keywords: neologisms, occasional words, compounds, composites, morphoids, contamination, borrowings

For citation: Fedorova, L.L. (2025), “Patterns of compounding in occasional and loan words (based on the Glossary of New Words for 2023–2025)”, *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 29–46, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-29-46

Появление новых слов – окказионализмов и неологизмов – имеет неравномерный, волновой характер, активизируясь в годы социальных потрясений и межъязыковых контактов.

В постковидные годы приток новых слов, отмечаемых в СМИ и в интернете, заметно сократился. Если в 2020 г. в «Глоссарии новых слов» (Новое в русской лексике. Глоссарий neolexiling, далее Глоссарий) отмечено более 3000 единиц (слов и словосочетаний), в 2021 г. – 1656, то в 2023 г. зафиксировано 142, в 2024 – 97, в первые месяцы 2025 г. – всего 46, т. е. в сумме 285, на порядок меньше. Это объясняется во многом большей вариативностью и серийностью новых номинаций в период пандемии, нередко построенных на базе продуктивных в словосложении ключевых единиц (*вакцина, вирус, ковид, корона...*), как отмечает М.Н. Приемышева в детальном обзоре новых слов 2020 г. (Приемышева 2021). В настоящее время ковидная тематика стала неактуальной, но одним из источников новых слов остаются заимствования: англицизмы, которые приходят в язык вместе с основными трендами и новинками в области моды, дизайна, техники, а также политическими скандалами и сенсациями.

За период с 2023 до мая 2025 г. из 285 новых слов почти половину – 141 – составляют сложные слова, как на русской основе, так и заимствованные. По сравнению с предыдущим периодом их доля сократилась: так, в 2020 г. из более 3000 новых

слов сложные слова составляли около 2500 [Приемышева 2021, с. 36], в 2021 г., по нашей оценке [Федорова 2025], сложных слов порядка 75% от числа новых слов. Это сокращение можно также объяснить обилием серийных образований от ключевых слов во время пандемии. По-видимому, нынешнее соотношение доли сложных слов в составе новообразований отражает более или менее стабилизированную картину, характерную для русского словообразования в целом.

Остановимся на основных моделях сложных слов, зафиксированных в Глоссарии по материалам СМИ за период с 2023 до мая 2025 г.

Прежде всего необходимо отметить, что трактовка сложного слова сама по себе является спорным теоретическим вопросом (см. об этом, например, [Буцева, Зеленин 2022]). Будем придерживаться широкого понимания сложного слова, включающего как традиционные модели, характерные для русского языка – модели с интерфиксом, сложносоставные, сложносокращенные, – так и образования с аффиксоидами, с сокращениями разного рода, заимствованные дефисные модели. При этом в ряде случаев трудно провести границу между традиционным сложным словом и словом с аффиксоидом, между сложным словом и удачной контаминацией, между контаминацией и сложносокращенным словом, между сложносоставным словом и словом с приложением. Это объясняется, в частности, активными процессами выделения новых аффиксоидов из серийных компонентов, преимущественно заимствованных, а также распространением самих заимствованных моделей сложных слов в русском языке.

Для простоты описания выделим прежде всего два больших класса моделей по внешнему орфографическому признаку: слитные и дефисные. Деление на сложные и сложносоставные слова, принятое в СРЯ-XXI [Ваулина, Скляревская, Ткачева и др. 2019, с. 161–162; Буцева, Зеленин 2022], основывается на этом формальном признаке.

1. Дефисные модели

Из 141 сложного слова, зафиксированного в Глоссарии с начала 2023 г., число дефисных примеров составляет 63, т. е. около 45%. Среди них основной является дефисная модель с неизменяемым первым компонентом, часто заимствованным, например: *фудфэшн-дива*, *рёдан-сообщество*, *смурфик-кот*.

1.1. Дефисные модели на базе заимствований

Ряд дефисных образований формируются на базе исконого или освоенного слова, к которому добавляется несклоняемый обычно заимствованный модификатор: *беби-оттенок*, *вайб-программирование*, *йога-дипломатия*, *коала-дипломатия*, *мермейд-кор-платье*, *таба-лапка*, *сюцай-эксперт*; часто опорным компонентом выступает ранее освоенное заимствование, так что целое представляет собой сочетание заимствованных слов, в которых первый компонент уточняет содержание второго: *оливье-бургер*, *фейк-босс*, *кракен-ковид*.

Эти образования представляют собой развитие заимствованной модели, широко распространившейся вместе с заимствованиями. Некоторые примеры являются при этом целиком заимствованными, оформляя дефисом устойчивые двухсловные сочетания, имеющие в английском характер сложных слов (*боди-менеджмент* < body management, *брейнрот-контент* < brainrot content; *вайб-дизайн* < vibe design, *вайб-коддинг* < vibe coding, *оземпик-фейс* < ozempic face, *оземпик-эра* < Ozempic era, *ретинол-сэндвич* < retinol sandwich method, *сайтранс-фестиваль* < psytrance festival (фестиваль психоделического транса), *флэт-круассан* < flat croissant). Другие представляют собой кальки с английского: *вайб-программирование*, *ГМО-волк*, *девушка-помидор(ка)* (от англ. tomato girl). Третьи строятся по этой модели уже в русском языке, на базе русских слов и освоенных заимствований: *беж-безумие*, *ГМО-щенок*, *дрон-баскетбол*, *кофе-рейв*, *мермейдкор-платье*, *скуф-пати*, *телеграм-вирус*, *тревел-заброшка*, *шиптинг-рассказ* (англ. shipping от relationship 'отношения'). Для этой модели характерно то, что и освоенные склоняемые слова (*йога*, *дрон*, *коала*) в позиции модификатора становятся несклоняемыми, с общим атрибутивным значением.

Последовательные объединения слов могут выстраиваться в цепочки: *стимпанк-арт-пространство*: *стимпанк* + *арт-пространство*, причем здесь и первый компонент – заимствованное сложное слово <от англ. steampunk (steam 'пар' и cyberpunk 'киберпанк'>>).

В композитах этого типа могут использоваться заимствования из других языков: *сюцай-эксперт* (из китайского; по Глоссарию, **Сюцай**-...относящийся к китайскому учению о влиянии чисел на характер и жизнь человека).

Первым компонентом композита может выступать также аббревиатура; кроме названных *ГМО-волк*, *ГМО-щенок*, сюда относятся *БПЛА-гексакоптер*, *ЛГБТ-нарушитель*, *РЭБ-автомобиль*, *УФ-одежда*, а также с аббревиатурами, записанными латиницей,

в составе графических гибридов, или «графических кентавров» [Буцева, Зеленин, с. 15]: *W-детки* (по Глоссарию, *W-...* (от англ. generation *W* 'двойной ты'; относящийся к поколению людей, родившихся в начале 2020-х гг., активно пользующихся социальными сетями, различными виртуальными реальностями и создающих виртуальных персонажей, в том числе свои виртуальные личности), *ХЕС-вариант*, *МАГА-актив* (также *Мага-актив*), *МАГА-перестройка* – по Глоссарию, от англ. Make America Great Again букв. 'Сделаем Америку Великой снова' (политический слоган Д. Трампа и общественное движение, поддерживающее его политику; относящийся к этому общественному движению).

В некоторых случаях первым компонентом является сокращенная основа: *квадро-встреча*, *квадро-упражнение* (*квадро-* – по Глоссарию, относящийся к *квадробике* и *квадроберам*).

Иногда первым компонентом становятся имена собственные или близкие к ним номинации, имеющие уже нарицательный характер, мемы молодежной культуры: *скуф-пати* (от фамилии Скуфьев), *скибиди-туалет* (от изобретенного бессмысленного слова *skibidi* в песне), порой они способны присоединять диминутивный суффикс, как *смурфик-кот* (от англ. **smurf cat**, от *smurf* 'голубой гном в белой шапочке, персонаж комиксов и мультфильмов').

Хотя термин *компози́ты* обычно употребляют как синоним понятия сложного слова, Н.В. Габдреева и М.Т. Гурчиани в своем словаре новых слов (Габдреева, Гурчиани 2012) используют его для обозначения новых, современных номинативных единиц, заимствованных или образованных в русском языке по различным моделям. Нам представляется рациональным такое его использование – прежде всего, по отношению к дефисным моделям с заимствованием.

1.2. Традиционные сложносоставные модели

Для русского словосложения типичны пары с аппозитивным или атрибутивным отношением между компонентами – сложносоставные образования типа слов с приложением; таковы в нашем материале *дрон-огнемет*, *танк-сарай*, *линза-обманка*, *девушка-помидорка* (хотя последнее – калька). Здесь склоняются обе части. Такие примеры относятся к классу сложносоставных существительных русского языка. Сюда же можно отнести *гусь-обнимусь* – уникальное образование, основанное на рифме, как и парные слова типа *плюшки-ватрушки*, *стежки-дорожки*, но в отличие от них с субстантивированной глагольной формой в роли определения к опорному слову, так что обе части склоняются:

Названа причина популярности плюшевых гусей-обнимусей у россиян. НовостиМира24 (novostimira24.ru) 31.03.2023 (пример по Глоссарию).

К сложносоставным можно отнести слова с несклоняемым вторым компонентом атрибутивного характера: *БТР-камикадзе, бронетранспортер-камикадзе, пейджер-камикадзе.*

Также отмечены характерные дефисные образования с русскими, но несклоняемыми модификаторами в первой позиции с оценочным значением, т. е. на базе атрибутивных отношений: *царь-скуф, царь-мангал.*

Среди новых образований есть и дефисное прилагательное: *тихо-роскошный*, образованное от названия стиля «тихая роскошь»; это нормативное образование относительного прилагательного, но чаще в подобном случае используется слитное написание (ср. *железная дорога > железнодорожный, Красная армия > красноармейский*).

В числе новых слов немного примеров, которые можно отнести к традиционным сложносоставным словам, всего 9%. Гораздо большую долю 41% составляют композиты, большинство из которых основаны на заимствованных компонентах. Дефисные написания удобны тем, что выделяют заимствованное слово в отдельную позицию, облегчая его узнавание.

Итак, дефисные образования представляют собой обширный класс, обладающий большим потенциалом для введения и освоения заимствований и вместе с тем опирающийся на существующие в языке дефисные модели.

2. Слитные образования

Здесь также обнаруживается ряд моделей, традиционная классическая и маргинальные.

2.1. Классическая модель с интерфиксом

Это прежде всего слова, в которых объединяются две именные основы или два слова: *дамбогрыз, орехопад, трампусоровоз, шаманофанатка, заготовкошеринг, кабачкошеринг.* В составе сложного слова может быть и освоенное заимствование (*Трамп, шеринг*).

Другой вариант – сложносuffixальные образования, использующие одновременно сложение и суффиксацию: *многокорие* (от сленгового *core* – стиль субкультуры), *головечеринковый, головечеринщик* – оба от мема «голая вечеринка».

Хотя слов с интерфиксом немного, они сохраняют свою центральную позицию в системе русского словосложения. Так, для калькированного *ГМО-волк* есть и русское *лотоволк*, появившееся ранее.

2.2. Модель из двух основ без интерфикса

Эта модель не является собственно русской: объединение слов без интерфикса требует дефиса. Исключением являются случаи, когда первая основа оканчивается на гласный – в наречиях и заимствованных словах (напр., *быстрорастворимый*, *кинофильм*, *коронабедствие*). Сюда можно отнести заимствования, восходящие к английским сложным словам, но недостаточно прозрачные по составу, чтобы легко было понять их устройство и смысл. Например, *брейнрот* (< brainrot; в Глоссарии дается в разных орфографических версиях: **brain rot**, **brainrot**, **brain-rot** < brain ‘мозг’ и rot ‘гниль’; букв. ‘гниение мозга’ >), *скинфлудинг* (от англ. skin flooding, букв. ‘затопление кожи’, косметическая процедура) или *сликбэк* (танцевальное движение, от англ. slickback dance < букв. ‘прилизанный назад’ >). Впрочем, степень понимания таких слов зависит от знания языка-источника, интернет-сленга, профессионального сленга и, соответственно, различается у разных поколений. При внедрении производных образований с этим словом происходит его постепенное освоение: так, *брейнрот-контент* уже понятен в соответствующем контексте, а *байкшеринг* понятен благодаря *байкерам* и *каршерингу*. Однако примеры *агроквадровер*, *альяскапокс*, *дипсик*, *ситтервайзинг*, хотя и членимые, не всегда однозначно понимаемы из-за возможной омонимии.

С другой стороны, среди новых есть и вполне прозрачные сложения: *фотомоджи/фотомодзи* – эмодзи на основе фотографии. Здесь основа на -о приближает слово к классическому виду (однако опущение э- позволяет рассматривать эти примеры и как результат контаминации). Аналогичные случаи с основой на -о – *натосатанат*, *экоэйблизм* (по Глоссарию: Забота об окружающей среде в ущерб удобству инвалидов, людей с ограниченными возможностями здоровья. От англ. eco-ableism), – также помогают разграничить составляющие.

2.3. Образования с аффиксоидами

В последние годы наблюдается рост использования образований с аффиксоидами – как классическими, на базе латинских и греческих основ, так и современными, заимствованными и русскими.

В материалах встретятся такие примеры: *биодрон* (метафорически о человеке), *брайдалкор*, *геосотрясение* (о политической дискуссии европейских стран по поводу помощи странам Азии, пострадавшим от землетрясения), *капибаромания*, *кокеткор*, *комфорткор*, *мермейдкор*, *нейроскрайб*, *финикирия* (о магазинах изделий из фиников, ср. *пиццерия*), *флауэркор*, *фэшнфудкор*, *квадробесие*, *ковбойкор*, *невзлингейт*, *техноповязка*, *нормандобесие* (о помпезном праздновании годовщины высадки союзных сил в Нормандии в 1944 г.), *скуфология*, *твиксогейт*, *гиблификация* (внедрение анимационных изображений в стиле японской студии Ghibli), *сигналгейт*, *чатгейт* (ранее *катаргейт*, *патигейт*), *микроотставка*, *микроненсия*. Часть из них являются целиком заимствованиями, однако членимыми благодаря аффиксоидам-интернационализмам.

Можно отметить неоклассические префиксоиды *био-*, *гео-*, *микро-*, *нейро-* и суффиксоид *-лог(ия)*. В примерах *биодрон* и *геосотрясение* присутствует языковая игра (ср. *землетрясение*).

Большую активность приобрел суффиксоид *-гейт*, заимствованный из английского и обозначающий скандал, обычно политический, по поводу, представленному в первом компоненте; в нашем материале 4 примера, ранее отмечены *вакциногейт/вакцинагейт*, *лосегейт*, *рашкингейт*, *шваброгейт*, а также с сокращением *ФСИНгейт*.

Другой очень популярный английский суффиксоид *-кор* (*-core*), использующийся в интернет-сленге как обозначение эстетики, субкультуры соответствующего стиля – в духе того, что обозначено в первом компоненте: так, *флауэркор* – цветочный стиль, *мермейдкор* – в стиле русалки, *брайдалкор* – свадебный стиль; ранее также *барбикор* – стиль Барби; в нашем материале 7 примеров, с 2014 г. отмечены еще 9: *клонкор*, *нормкор*, *коттеджкóр*, *клаттеркор*, *гоблинкóр*, *гремлинкор*, *кикиморакóр*, *барбикóр*, *блумкор*. Широкое распространение этой модели привело к образованию сложносуффиксального окказионализма *многокорие*. В Глоссарии приводится пример:

Исчезновение трендов, «многокорие» и укрупнение брендов: к чему идет мода. И хотя от самого слова «кор» уже укачивает, «многокорие» – это, возможно, то, куда и должна в итоге прийти мода (РБК. Бизнес-стиль, style.rbc.ru, 01.09.2023).

Среди русских аффиксоидов по-прежнему актуальны *-мания* и *-бесие*, активизировавшиеся еще с периода пандемии [Федорова 2025]; образования с ними носят экспрессивный характер. Суф-

фиксоид -*фикация* также традиционный, хотя на заимствованной основе (ср. *газификация*, *радиофикация*). Можно отметить аббревиатуры с аффиксоидами – *РЭБмобиль*, *СВОномика*. Суффиксоид -*номика* (от *экономика*) является относительно новым; он отмечен также в более ранних примерах *рейганномика*, *викиномика*, *тикток-номика*, *трампономика*.

Как видно из примеров, освоение заимствованной единицы на основе ее широкого использования в сложениях приводит к тому, что она приобретает функцию аффиксоида. Здесь можно обратить внимание на слова со вторым компонентом -*шеринг* (*кабачкошеринг*, *заготовкошеринг*, *байкшеринг*, ср. ранее *дворник-шеринг*); можно считать его усеченным элементом от *каршеринг*, ведущим себя как аффиксоид, или собственно аффиксоидом – результатом непосредственного заимствования английского слова, но неспособным в самостоятельному употреблению. Однако если единица есть в свободном употреблении, она не может считаться аффиксоидом по статусу: так, в отличие от -*шеринг*, единицы *зум*, *ковид*, *вакцина*, *корона* и под., хотя и широко используются в сложениях, остаются самостоятельными словами, лишь ведущими себя как аффиксоиды в серийных сложениях. Надо отметить, что в расширенном понимании их иногда рассматривают и как аффиксоиды (см. Глоссарий; Аффиксоиды), а также иногда причисляют к аффиксоидам и слова, и свободные корни (глагольные -*вод*, -*воз*), участвующие в серийных образованиях (Немченко 1984, с. 187).

2.4. Контаминации: слияния и наложения

Игровые образования с контаминацией, т. е. объединением основ при возможной потере их частей, характерны для английского языка, но они получили большое распространение и в русском словосложении, особенно в эпоху пандемии, в частности благодаря английским заимствованиям. Так, М.Н. Приемышева приводит примеры получивших распространение заимствований из английского *ковидиот*, *ковидиворс*, *коронапокалипсис*, *коронагеддон*, отмечая, что контаминацией образовано в 2020 г. около 250 единиц. На базе русских лексем в 2021 г. образованы *винорьянка*, *заразно-образие*, *козлоумышленник* и многие другие.

В работе по материалам новых слов 2021 г. [Федорова 2025] было предложено рассматривать две основные модели контаминации: *слияния* и *наложения*. При *слиянии* у двух слов нет общей части, в результате выпадает часть у одного из слов или даже у двух, так что надо догадаться по остатку, как восстановить це-

лое, например: *трампцина* – из *Трамп* + *вакцина*, *винорьянка* – из *вино* + *валерьянка*, *вакцилейбус* – из *вакцина* + *троллейбус*, *вегурман* – из *веган* (или *вегетарианский*, *вегетарианство*) + *гурман*. При *наложении* в результирующем слове присутствует общая часть на стыке двух основ, иногда всего одна буква, иногда несколько: *скепшышарить* – из *скепшыш* + *шарить*, *козлоумышленник* – из *козел* + *злоумышленник*. При *слияниях* выпадает середина часть объединяемых слов, но сохраняются начало и конец цепочки; при *наложении* оба слова или части слова присутствуют в целом, при этом одно из слов может как бы растворяться в другом, допуская каламбурное прочтение: *куарепостной*, *куаркодил*, *кувыркод*.

В материалах 2023–2025 гг. находим примеры слияний: на английской основе, по Глоссарию, – *бумераскинг* (boomerang + ask-ing, т. е. ‘привычка задавать вопрос, чтобы рассказать о себе, по принципу бумеранга’), *бумераскер* (boomerang + ask-er), *буммейт* <от boomer ‘представитель поколения беби-бумеров, тех, кто родился в период 1946–1964 гг.’ и roommate ‘соквартирант, сосед’>, *страмбл* <strawberry + bumble (coffee)>, *барбенгеймер* (от названий конкурирующих фильмов Barbie и Oppenheimer), *дринкфляция* (от drink ‘напиток’ и shrinkflation ‘снижение веса или количества товара в упаковке’), *квшинг* (QR code <от Quick Response ‘быстрая реакция + phishing’ фишинг, интернет-мошенничество), *крафлс* (croissant ‘круассан’ и waffle ‘вафля’>, крони-гири (английское заимствование на японской основе: croissant ‘круассан’ и onigiri), *свайси* и *свисси* (от sweet ‘сладкий’ и spicy ‘острый’), *Трамперика* (от Trump и America), *чиллейншип* (chill + relationship), также *чиллшип*.

Слияния на русской (и смешанной) основе: *ингорубль* (Ингостра́х (имя собств.) + рубль), *квитономика* (квитанция + экономика, либо слияние с аффиксоидом -номика), СВОэкономика (СВО + экономика), *яйцефляция* (яйц-е-(ин)фляция), *драгитиада* (драг + олимпиада, по Глоссарию: **Драг-кв́ин** (англ. drag queen; артист (обычно мужчина), переодевающийся в эпатажный женский костюм; здесь: об актерах, выступавших на открытии Олимпиады в подобных образах; о такой доминанте мероприятия + **и** + **Олимпиа́да** <здесь: Летние Олимпийские игры 2024 г. в Париже>), *натосатанат* (НАТО + (сатана + султанат); в Глоссарии предлагается другой анализ: НАТО + сатана + ат).

Примеры наложений на английской основе – заимствования и кальки: *бролигарх* (бро + олигарх, bro + oligarch), *бролигархия* (бро + олигарх, bro + oligarchy), *нетпоезданварь* (Notrainuary – название январской забастовки железнодорожников: *нет поезда* + *январь*),

флифон (по Глоссарию: от англ. хештега #bringback**flip**phones (от flip phone ‘раскладной мобильный телефон’).

Наложение с русской основой – *легквэйринг* (легкость осуществления какого-л. действия) + *эквэйринг* (банковская услуга безналичной оплаты); пример неполного наложения, когда совпадают начала слов: *круглоссан* – *круглый* + *круассан*. Передко контаминации строятся с использованием интерфикса -о- /-е-/ -и-.

Восстановить исходную пару в слиянии не всегда бывает просто, поскольку не сохраняется морфемное членение; при наложении проще, но не всегда сразу возможно устранить межъязыковую омонимию.

2.5. Слова с сокращенными основами

Особый случай представляет использование сокращенных основ, не соответствующих морфемам, например таких, как *чел* в примере *жимчел* (‘субтильный мужчина, стремящийся накачать мышцы с помощью силовых тренировок...’). Само слово является переосмыслением английской контаминации-слияния *джимцел* – **gymcel** (по Глоссарию: gym ‘тренажерный зал’ и incel ‘инцел’, в которой **incel** является сокращением от **involuntary celibate** ‘невольно воздерживающийся’); существует также вариант *жимцел*. Все они – *джимцел*, *жимцел*, *жимчел* – отражают разные этапы переосмысления структуры слова, при котором *жим* связывается с *отжиматься*, а *цел* заменяется на *чел*. Сокращения типа *cel*, *чел* не соответствуют морфемным единицам, но сохраняют связь со значением исходной морфемы, поэтому их можно назвать *морфоидами* (существуют также параллельные термины для сокращений – *абброморфемы* (Немченко 1985: 15) со ссылкой на словарь Д.И. Алексеева, см. (Алексеев 1984) и *абброконструкты* [Теркулов 2023]).

Надо заметить, что *cel*, *чел* в сложных образованиях не являются результатом контаминации, при которой, как правило, сохраняется конечная часть второго компонента, а не начальная. Больше всего они обнаруживают сходство с компонентами сложносокращенных слов в русской традиции (*stumps*, *clips* – ‘отрезки, осколки’ в английской терминологии [Benigni, Masini 2009, с. 173–174]), распространившимися начиная с 1920-х гг. (в словах типа *совхоз*, *завуч*, *прораб*) и утвердившихся в современном канцелярите (*Минздрав*, *Главмосстрой* и под.). Иногда такие единицы входят в самостоятельное употребление в разговорной речи (*госы*, *замы*, *чел* в жаргоне).

В материалах 2021 г. также обнаруживаются подобные сокращения-морфоиды в составе сложных образований: *инфо-*, *мед-*, *фем-* (*инфодемия*, *мед-диссидентка*, *фем-фанатик*); они могут быть как слитными, так и дефисными [Федорова 2025].

Итак, в современном языке СМИ, а также в интернет-сленге наблюдается постоянное привлечение заимствованных композитов и англоязычного материала для построения сложных слов на базе русских и освоенных компонентов. При этом создание окказионализмов часто опирается на имеющиеся в языке единицы с одним из задействованных корней, русские или заимствованные, т. е. использует аналогию и системность [Fedorova, Naccarato 2019].

3. Опрос студентов

Чтобы проверить, насколько новые слова поддаются осмысленному толкованию, был проведен опрос студентов, в котором им был предложен список 16 слов из появившихся в 2023–2025 гг.: *бумераскер*, *трамперика*, *чиллейншип*, *агроквадробер*, *бролигарх*, *жимчел*, *кабачкошеринг*, *квадробесие*, *квитономика*, *кронигири*, *круглоссан*, *легквейринг*, *страмбл*, *яйцефляция*, *гусь-обнимусь*, *комфорткор*. Студентам предлагалось задание:

«Знакомы ли вам эти слова? Если да, поставьте +, если нет –.

Даже если вы не знаете этих слов, попытайтесь понять, как они устроены и что означают».

Многие слова были неизвестны большинству студентов, однако они предложили свои толкования. Наиболее известными оказались слова: *агроквадробер*, *гусь-обнимусь*, *квадробесие*, *комфорткор*, *круглоссан*, *чиллейншип*.

Результаты опроса приводятся в таблице.

В ней даны с опорой на Глоссарий словообразовательная структура и толкования слов, а также толкования студентов, упорядоченные по частоте.

Результаты опроса о толковании сложных слов

№ п/п	Словообразовательная структура (по Глоссарию)	Толкование (по Глоссарию)	Толкования студентов
1.	Boomerang + ask-er	Тот, кто склонен к бумераскину – привычке задавать вопрос, чтобы рассказать о себе.	Бумер, который спрашивает (у молодежи о сленге); бумер – нудный взрослый.
2.	Trump + America	О США в период президентства Д. Трампа.	Америка при Трампе.
3.	Чиллейншип, чилшип	chill + relationship	Спокойные (чилловые) отношения, без рутины.
4.	Агроквадробер	англ. сленг agro, aggro 'агрессивный, злой, беспричинно злой' + квадробер	1. Злой/агрессивный квадратбер. 2. Дети притворяются растениями; сельский квадратбер.
5.	Бролигарх	bro+oligarch	Друг-/ братан-олигарх.
6.	Жимчел	От жимчёл, переосмысление с заменой и на ч (чел – 'человек, жарг.')	1. Качок; завсегдатай спортзала. 2. Робкий парень; человек, который либо атлет, либо боится.

№ п/п	Словообразовательная структура (по Глоссарию)	Толкование (по Глоссарию)	Толкования студентов
7.	Кабачко-шеринг Кабачок (о → о) + о + шеринг (совместное использование вещей, услуг, пространства); квадробесие + .. бесие	О мобильном пункте приема и раздаче кабачков. Ажитаж, истерия вокруг квадробики – субкультуры детей и подростков, подражающих поведению животных, имитирующих их бег, прыжки. Идея отказаться от бумажных квитанций в целях экономии бумаги.	1. Делиться кабачками / тем, что выросло на огороде; когда бабушка дает кабачки с дачи. 2. Обмен подарками. 1. Массовое помешательство на квадробинге. 2. Бурное негативное обсуждение квадробинга. 3. Одержимость квадробингами.
9.	Квитономика квитанция (здесь: документ с указанием суммы денег, причитающихся за услугу) + экономика (организация, структура и состояние хозяйства или какой-л. отрасли хозяйственной деятельности)		1. Quit + экономика: импортозамещение; экономика, построенная на экспорте. 2. Экономика по принципу «мы квиты». 3. Квитанция + экономика: переход на онлайн-сайт при оплате.
10.	Кронигири Англ. cronigiri (croissant 'круассан' и onigiri 'рисовый треугольник или шаприк с начинкой, обычно обернутый в лист нори <морских водорослей>')	Треугольный круассан в виде онигири (со сладкой или соленой начинкой).	1. Какой-то онигири; круглый + онигири; онигири с креветкой; онигири с кроликом. 2. Онигири-круассан.

11.	Круглоссан	к^руглый + о + круассан.	Круглый круассан	Круглый / очень округлый, крупный круассан.
12.	Легквайринг	легко (легкость осуществления какого-л. действия) + экв^айринг.	Банковская услуга безналичной оплаты онлайн.	1. Легкий + эквайринг. 2. Leg + эквайринг: экваринг лежа. 3. Легкий вариант приготовления чего-то.
13.	Страмбл	Англ. stramble (от strawberry 'клубника, клубничинный' и bumble coffee 'кофейный напиток (бамбл)').	Вариация холодного кофейного напитка бамбл, куда добавляют клубничинный сок; бамбл – Кофейный напиток на основе эспрессо и апельсинового и др. сока (и обычно также карамельного сиропа), расположенных слоями, цвет которого напоминает окрас пчелы (bumble).	1. Странный бамбл (возм., с другим соком); бамбл со стачательной; бамбл с трубочкой (straw). 2. Странный омлет (скрэмпбл). 3. Странный бамбл.
14.	Яйцефляция	яйца (здесь: куриные яйца как продукт питания) + е + инфляция; От англ. eggflation.	О повышении цен на куриные яйца; о товарном дефиците этой продукции.	Подорожание яиц в магазинах; инфляция на яйца.
15.	Гусь-обнимусь	гусь + обнимусь (<i>обдущ</i> , <i>вр., ед. ч., 1 л. глаг.</i> обниматься; созвучный первой части слова компонент).	Большая мягкая игрушка в виде гуся, которую приятно обнимать.	1. Большая мягкая игрушка в виде гуся (с большими крыльями). 2. Подушка в виде гуся. 3. Человек, любящий объятия.
16.	Комфорткор	Англ. comfortcore (-core 'в интернет-сленге: субкультура, эстетика').	Стиль одежды и дизайна, характеризующийся нейтральной цветовой гаммой, пастельными тонами, удобством, естественными материалами, создающими ощущение уюта и комфорта.	Стиль проведения времени в комфорте; набор признаков комфортной среды; что-то, что ассоциируется у людей с комфортом; картинки и видео, вызывающие комфорт.

Результаты опроса показывают, что даже вне контекста многие слова поддаются толкованию благодаря известным английским словам, хотя иногда межъязыковая омонимия компонентов вызывает иное осмысление сложных слов. Так, хотя большинство опознало сленговый компонент *агро*- со значением ‘агрессивный’, некоторые связывали его с аффиксоидом *агро*- в значении ‘сельский’. Не всегда легко распознать и внутриязыковую омонимию: в контаминации *бумераскер* первый компонент является усечением от *бумеранг*, однако прочитывается как сокращение от *беби-бумер*; в результате *бумераскер* был определен как «спрашивающий их (студентов) о сленге бумер» (хотя для такого толкования естественней было бы дефисное написание). Как и ранее в опросах о новых сложных словах [Федорова 2025; Федорова 2024], студенты выказали достаточную осведомленность в заимствованных номинациях, связанных с едой, стилем жизни, отношениями, и легко восстановили значения слов с русскими компонентами. В некоторых случаях они предложили иронические переносные значения, которые со временем могли бы выработаться в речевой практике: *кабачкошеринг* как ‘обмен подарками’, *гусь-обнимусь* как ‘человек, который любит объятия’.

Завершая обзор новых слов последних лет, можно отметить, что ковидная тематика, вызвавшая к жизни массу неологизмов и окказионализмов, исчерпала ресурс, и в настоящее время наблюдается спад словообразовательной активности. В результате тематика новообразований оказывается более равномерно распределенной между сферами политики, технологий, гастрономии, стиля жизни, моды. Мы не анализировали нововведения 2022 г., но ожидаем, что в этот год может быть всплеск политической и военно-технической тематики. Зато период 2023–2025 гг. может дать более уравновешенную картину и отражать более долгосрочную тенденцию, связанную с усиленным внедрением заимствований, в том числе и в рамках модели композитов.

При том, что композиты составляют значительное большинство новых сложных слов, все же языковое творчество использует и традиционные модели при создании колоритных новых номинаций.

Словари и источники

Алексеев 1984 – Алексеев Д.И. Словарь сокращений русского языка / Д.И. Алексеев, И.Г. Гозман, Г.В. Сахаров. М.: Русский язык, 1984. 488 с.

Аффиксоиды – Аффиксоиды русского языка. СПб.: ИЛИ РАН, 2021–2025. URL: <https://affixoid.iling.spb.ru/>

- Габдреева, Гурчиани 2012 – *Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т.* Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: Флинта: Наука, 2012. 280 с.
- Глоссарий – Новое в русской лексике: Глоссарий. СПб.: ИЛИ РАН, 2021–2025. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/>
- Немченко 1984 – *Немченко В.Н.* Краткий словарь словообразовательных терминов // Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.
- Немченко 1985 – *Немченко В.Н.* Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Красноярский ун-т, 1985. 215 с.

Литература

- Буцева, Зеленин 2022 – *Буцева Т.Н., Зеленин А.В.* Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 3. С. 8–22.
- Ваулина, Склярёвская 2019 – *Ваулина Е.Ю., Склярёвская Г.Н., Ткачева И.О. и др.* Проект «Словаря русского языка XXI века»: Образцы словарных статей // Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019. № 1. С. 136–311.
- Приемышева 2021 – *Приемышева М.Н.* Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 16–51.
- Теркулов 2023 – *Теркулов В.И.* Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–96.
- Федорова 2024 – *Федорова Л.Л.* От *вакцинации* до *карантикул*: как молодежь оценивает новую лексику периода пандемии // Неология. Неография. 2023: Сб. научных статей / под ред. Н.В. Козловской. СПб., 2024. С. 122–133.
- Федорова 2025 – *Федорова Л.Л.* Модели окказионального словосложения в языковом творчестве (по материалам глоссария онлайн-ресурса «Новое в русской лексике» за 2021 г.) // Неология. Неография – 2024. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2025. С. 140–163.
- Benigni, Masini 2009 – *Benigni V., Masini F.* Compounds in Russian // *Lingue e Linguaggio*. 2009. Vol. 8. Iss. 2. P. 171–193.
- Fedorova, Naccarato 2019 – *Fedorova L., Naccarato Ch.* Окказиональное словосложение в русском языке: продуктивность и аналогия // *Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca*. Venezia: Edizioni CaFoscari, 2019. P. 155–173. (Studi e ricerche)

References

- Benigni, V. and Masini, F. (2009), “Compounds in Russian”, *Lingue e Linguaggio*, vol. 8, iss. 2, pp. 171–193.
- Butseva, T.N. and Zelenin, A.V. (2022), “Issues of describing compounds and their initial components in explanatory lexicography”, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 44, no. 3, pp. 8–22.
- Fedorova, L.L. (2024), “From ‘vakkhtsinatsia’ to ‘quarantikuly’”. How do young people assess the new vocabulary of the pandemic period”, in Kozlovskaya, N.V., ed., *Neologiya. Neografiya. 2023*. Collected scientific articles, Saint Petersburg, Russia, pp. 122–133.
- Fedorova, L.L. (2025), “Models of occasional word formation in linguistic creativity (based on the glossary of the online resource ‘New in Russian vocabulary’ for 2021)”, in Kozlovskaya, N.V., ed., *Neologiya. Neografiya – 2024*, Institut lingvistichestkikh issledovaniy RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 140–163.
- Fedorova, L. and Naccarato, Ch. (2019), “Occasional compounding in Russian. Productivity and analogy”, in *Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca*, Edizioni CaFoscari, Venezia, Italy, pp. 155–173. (*Studi e ricerche*)
- Priemysheva, M.N. (2021), “Covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexico-semantic system during the pandemic of the COVID-19 coronavirus infection”, in Priemysheva, M.N., ed., *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi* [The Russian language of the coronavirus era], ILI RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 16–51.
- Terkulov, V.I. (2023), “Paradigmatics of the compound abbreviated word as a means of predicting the equivalence relations”, in *Russian Language Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 79–96.
- Vaulina, E.Yu., Sklyarevskaya, G.N., Tkacheva, I.O., et al. (2019), “The Dictionary of the Russian Language of the 21st Century project. Samples of dictionary entries”, *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, no. 1, pp. 136–311.

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, lfvox@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6 Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvox@yandex.ru

Китайка и бразильянка:
Возникновение нестандартной модели
русских этнонимов женского рода

Ирина В. Фуфаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iriel@inbox.ru*

Аннотация. Русские этнонимы женского рода стандартно образуются с помощью суффикса *-к(а)*: *немец – немка, армянин – армянка, таджик – таджичка*. Но в нескольких десятках таких единиц выделяется суффикс *-анк(а)/-енк(а)/-янка*: *грек – гречанка, француз – французженка*. В статье описывается процесс генерации этого форманта на базе суффиксов *-ан-* и *-к(а)*, начавшийся на рубеже XVIII–XIX вв. Показывается, что выделение данного суффикса в современных этнонимах женского рода является результатом двух разных процессов. Ряд таких слов напрямую образован с его помощью, включая такие малоизвестные и опциональные, как *вепсянка* от *вепс*. Другие же исходно были образованы со стандартным суффиксом *-к(а)* от этнонимов, вытесненных впоследствии коротким вариантом, например, *черкешенка* от засвидетельствованного этнонима *черкешенин*, вытесненного однокоренным синонимичным *черкес*. Рассматриваются факторы, обусловившие возникновение нового словообразовательного форманта. Выявляются закономерности его употребления: артикуляционные и семантические. Выбор этого суффикса позволяет избежать речевых затруднений двух типов: скопления групп согласных (поскольку начинается на гласную, см. *вепсянка* vs. *вепска*) и омонимии номинации представительницы национальности и неодушевленного предмета (см. *китайка* vs. *китайка*). Делается вывод о системной обусловленности возникновения данного форманта в рамках соответствующей словообразовательной категории.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, этнонимы, феминитивы, суффикс, образование суффиксов

Для цитирования: Фуфаева И.В. *Китайка и бразильянка:* Возникновение нестандартной модели русских этнонимов женского рода // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 47–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-47-54

Kitayanka and *brazil'yanka*.
The appearance of a non-standard model
of Russian feminine ethnonyms

Irina V. Fufaeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iriel@inbox.ru

Abstract. Russian feminine ethnonyms are typically formed using the suffix *-k(a)-*: *nemets – nemka, armenin – armianka, tajik – tajikchka*. However, several dozen such terms feature the suffix *-ank(a)/-enk(a)/-yank(a)*: *grek – grechanka, frantsuz – frantsuzhenka*. The article describes the generating process of such a formant, which emerged at the turn of the 18th – 19th centuries. It demonstrates that featuring such suffix in modern feminine ethnonyms results from two distinct processes. Some words are formed directly with its help including rare and optional forms like *vepsyanka* (from *veps*). Others were originally formed with the standard suffix *-k(a)-* from ethnonyms that were subsequently replaced by a short variant – for example, *cherkeshenka* derives from the attested but now obsolete *cherkeshenin*, which was displaced by the shorter synonym *cherkes*. The study considers the factors behind the emergence of that new derivational formant and identifies its usage patterns, including articulatory and semantic motivations. The choice of the suffix helps avoid two types of speech difficulties: consonant cluster accumulation (since it begins with a vowel, cf. *vepsyanka* vs. *vepska*) and homonymy between ethnonyms and names of inanimate objects (cf. *kitayanka* vs. *kitayka*). The analysis concludes that the rise of such a formant is systemically determined within the framework of its respective derivational category.

Keywords: Russian language, word formation, ethnonyms, femininives, suffix, suffix formation

For citation: Fufaeva, I.V. (2025), “*Kitayanka* and *brazil'yanka*. The appearance of a non-standard model of Russian feminine ethnonyms”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 47–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-47-54

Феминитивы от русских этнонимов, катойконимов и близких к ним по смыслу обозначений человека стандартно образуются с помощью суффикса *-к(а)* от существительных с разной структурой: *немец – немка, армянин – армянка, одессит – одесситка, казак – казачка, таджик – таджичка, заводчанин – заводчанка, прихожанин – прихожанка* и т. д. С помощью суффикса *-к(а)* образовано подавляющее большинство таких существительных.

В то же время в нескольких десятках феминитивов к этнонимам, катойконимам и под. выделяются разные варианты суффикса *-анк(а)/-енка/-янк(а)*: грек – *гречанка*, француз – *французженка*, китаец – *китайка*, бразилец – *бразильянка*. и т. п. В настоящей статье описывается происхождение и факторы возникновения этого русского суффикса.

Русские названия этносов и близкие по смыслу слова часто содержат суффикс *-ан/-ян-*: *волжане, россияне, англичане, прихожане, крестьяне* и пр. Соответствующие этнонимы женского рода включают последовательность суффиксов *-ан/-ян* и *-к(а)*. Поэтому во многих феминитивах к этнонимам есть сегмент *-анка/-янка*: *росси-янка, англич-анка, волж-анка, прихож-анка, крестья-янка*.

В некоторых этнонимах женского рода сегмент *-анк(а)* это не последовательность суффиксов, а единый феминитивный суффикс.

Ранний, а возможно, и самый ранний пример такого образования – слово *чукчанка*. Оно встречается в путевых записках еще в самом начале XIX в.: «Сонная *чукчанка* нечаянно задыхает своего ребенка»¹. Характерно, что образование от *чукча* с суффиксом *-к(а)* – *чукка* – невозможно артикуляционно.

При этом этнонима *чукчане* обнаружить не удалось. Вероятно, этноним *чукчанка* образован по аналогии с феминитивами типа *россиянка, прихожанка* и подобными, и в данном акте словообразования *-анк(а)* как последовательность суффиксов превратилась в новый суффикс, как это часто и бывает в истории языка.

Что касается более раннего этнонима *гречанка*, встречающегося еще у Ломоносова, нельзя интерпретировать его аналогичным образом, как образованный с помощью суффикса *-анк(а)* от *грек*, хотя сейчас, с синхронической точки зрения, в нем этот суффикс действительно выделяется. Здесь надо отделять синхроническое словообразование от диахронического, исторического. С исторической точки зрения, нельзя не учитывать, что ко второй половине XVIII в., когда начинает встречаться этноним *гречанка*, уже функционировал этноним *гречанин*, употреблявшийся наряду с этнонимом *грек*: «Новым мастерам грекам вели делать галеры по указу, а старому мастеру *гречанину* до времени в прихотях его умолчи»². *Гречанин*, впоследствии исчезнувшее, оставило след в

¹ Путешествие капитана Биллинга через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога... извлечено из разных журналов вице-адмиралом... Гавриилом Сарычевым. СПб., 1811. С. 44.

² Материалы для истории русского флота / ред. С.И. Елагин. Ч. 1. СПб., 1865–1883. С. 25.

русской фамилии *Гречанинов*. К этому этнониму *гречанка* является стандартным образованием с суффиксом *-к(а)*. При этом, разумеется, *гречанка* могло в числе других этнонимов женского рода на *-анк(а)* служить образцом для образования этнонима *чукчанка* по аналогии.

Кроме того, в XVIII в. иногда использовался феминитив от *грек* – *грекия* по архаичной модели. Об утрате первых компонентов в таких парах, как *гречанин* – *гречанка*, будет сказано ниже.

Итак, суффикс *-анк(а)*, по-видимому, появился в начале XIX в. в связи с этнонимом *чукчанка*. В дальнейшем этнонимы женского рода на *-анк(а)* образуются нечасто, но регулярно.

В первой половине XIX в. оживление отношений с Китаем вызвало образование соответствия женского рода к этнониму *китаец*. Сначала оно образовалось по стандартной модели на *-к(а)*: *китайка*. В описании путешествия по зарубежному Дальнему Востоку в 1820-х гг. Егора Тимковского фигурирует подпись «*Простая китайка*» к изображению жительницы Пекина³. Уже в текстах 1830-х гг. появляется и становится единственно возможным образование на *-анк(а)*, *китайка*.

В конце XIX в. история повторилась: *корейка*, стандартный феминитив на *-к(а)* к этнониму *кореец*, вытеснилось образованием на *-анк(а)*, *корейка*.

С первой половины XX в. встречается феминитив к этнониму *курд* – *курдянка* и к сословному обозначению *патриций* – *патрицианка*.

В очень интересной статье З.И. Минеевой «Он *вепс*, а она – ?» описывается современная ситуация с женскими соответствиями этнониму *вепс*. Показывается, что стандартный этноним *вепска*, включенный в «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова в 1985 и 1990 гг., практически не используется в реальной речи в Карелии, где, собственно, и употребляется название самого этноса. В нейтральных и положительных разговорных контекстах, в книжном и возвышенном стиле (при пересказе преданий в СМИ) используется *вепсянка*, впервые зафиксированное в 1932 г. Кроме того, употребляется слово *вепка*, иногда оцениваемое как разговорное, и *вепсячка*, иногда как пейоратив. «Этноним *вепсянка* использовался в официальных документах при переписи населения в Карелии 1989 г. Данная лексема, наряду с *вепс* и

³ *Тимковский Е.Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. / отв. ред. Д.Д. Васильев, авт. предисл., коммент. Д.Д. Васильев, Д.В. Дубровская, В.Г. Дацышен; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВРАН, 2017.

ветка, активно использовалась при заполнении паспортов старого образца, в которых имелась графа “национальность”» [Минеева 2008, с. 51–56]. Наконец, современную продуктивность суффикса подтверждает этноним *бразильянка* к *бразилец* (хотя возможна и преемственность с ранее образованным *бразильянок* от старого *бразильянин*) и опциональное название *ямайчанка* при стандартном *ямайка*, омонимичном названию островного государства Ямайка).

Тот же суффикс в настоящее время выделяется в феминитивах *гречанка* (см. выше), *турчанка*, *горянка*, *индианка*, *персиянка*, *финикиянка*. Но, по-видимому, здесь он возник в результате другого процесса: утраты вариантов этнонимов с суффиксом *-ан-*, от которых они произошли: *гречанин*, *турчанин* (ср. фамилии *Гречанинов* и *Турчанинов*), *индианин* (так в том числе называли в XVIII в. американских индейцев) и др. *Горянин* имеется в словаре Даля⁴. Этноним *персиянин* встречается в текстах с первой половины XVIII в. *Финикиянин* встречается в текстах XVIII в., среди которых издание Императорской Академии наук за 1767 г. «Русская летопись по Никонову списку. До 1094 г.»⁵.

Все эти этнонимы на *-анин* были вытеснены конкурирующими, часто более обычными вариантами: *грек*, *индеец*, *горец*, *перс*, *финикиец*, *турок* (в XVIII–XIX вв. использовался и еще один вариант: *турка*). Все победившие варианты более короткие: бессуффиксные или с суффиксом *-ец*. Однако с названиями женщин этого не произошло, они образовались от более длинных этнонимов на *-анин*, даже если те были менее распространенными, и закрепились в языке.

Сюда же надо отнести редкие этнонимы женского рода *ассириянка* и *половчанка*, соответствующие этнонимам *ассирияне* и *половчане*. Этноним *ассирияне* более редок, чем *ассирийцы*, но все же встречается со вт. пол. XVIII в. Этноним *половчане* встречался в древних летописях и затем иногда использовался в исторических трудах XIX в. наряду с более обычным вариантом *половцы*.

Феминитивы *черкешенка* и *французженка* тоже соответствуют утраченным сейчас вариантам *черкешенин* и *французенин*.

Этноним *черкешенин*, наряду с *черкес* и *черкас*, часто встречается в текстах XVIII в.

---

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1863–1866.

⁵ Русская летопись по Никонову списку / Изданная под смотрением Императорской Академии наук. СПб.: При Императорской Академии наук, 1767–1792.

*Оркан Черкешенин, неукротимый, смелый,
Вращая острый меч, полк Русский гонит целый*
(М.М. Херасков, «Владимир, поэма эпическая», 1797).

Благодаря стихотворному размеру очевидно ударение на 2-м слоге в слове *черкешенин*, как и в слове *черкешенка*, т. е. изменение безударного *-а* после шипящего создало безударные варианты финалей *-енк(а)* и *-енин*. Ср. также фамилию *Черкашенинов*. Можно вспомнить и «черкешенина Микеладзе», одного из градоначальников города Глупова, причем этот архаичный для второй половины XIX в. этноним был использован М.Е. Салтыковым в целях стилизации языка XVIII столетия.

Что касается этнонима *французенин*, он отмечен в словаре Фасмера: «француз род. п. *-а*, французский... также французенин, при Петре I»⁶. В XVII в. известен выходец из Брабанта Сава Французанин, в Курмышском уезде в XVII в. владели землей помещики Французениновы, потомки крещеного иноземца Этьена Дюрана.

Феминитиву *петербурженка*, появившемуся в конце XIX в., соответствует использовавшийся в XIX в. этноним *петербуржане*. Он же иногда употребляется и в XX в.

Аналогично утрата этнонима XVIII в. *негритяне (нигритяне)* привела к выделению в феминитиве *негритянка* уникального суффикса *-тянк(а)*.

Итак, суффикс *-анк(а)* с орфографическим вариантом *-янк(а)* и фонетико-орфографическим безударным вариантом *-енк(а)* возник из слияния двух суффиксов: суффикса *-ан-/ян-* и феминитивного суффикса *-к(а)* в результате двух процессов: выпадения этнонимов мужского рода на *-анин* типа *гrecанин, черкешенин*, использовавшихся в основном в XVIII в., от которых были образованы этнонимы женского рода *гrecанка, черкешенка* и пр., и образования этнонимов женского рода сразу с новым суффиксом: *чукчанка, китайанка*.

Интересно понять, каковы факторы появления нового суффикса, почему в описанных случаях этот суффикс оказался предпочтительнее для образования этнонимов женского рода, чем стандартный *-к(а)*. Ответы на эти вопросы, как представляется, помогут лучше понять причины возникновения новых словообразовательных моделей в целом.

Во-первых, можно заметить, что часть этнонимов, которым соответствуют феминитивы на *-анка, -янка* и *-енка*, содержат на

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.

конце основы группу из двух согласных, и прибавление к ней суффикса *-к(а)* дало бы группу уже из трех согласных, причем в некоторых случаях крайне сложную для русской артикуляции: *-кчк-* для *чукча*, *-грк-* для *негр*, *-пск-* для *вепс*, *-ржк-* для *петербуржец*, *-рск-* для *перс*.

В упоминавшейся статье о феминитивах к *вепс* автор приводит языковую рефлексию носителей этих слов, в том числе такое высказывание: «*На мой взгляд, нормально звучит вепска, хотя сложнее для произношения*» [Минеева 2008, с. 55], что подтверждает наличие артикуляционного фактора избегания этнонима.

Во-вторых, если бы от таких этнонимов, как *китаец*, *кореец*, *индеец*, *грек*, *горец*, *курд*, *черкес*, образовались бы феминитивы с суффиксом *-к(а)*, они бы стали омонимичны неодушевленному существительному с различной семантикой: *китайка*, *корейка*, *индейка*, *гречка*, *горка*, *куртка* (фонетически), *черкеска*. Ср. в отсутствие потенциальной омонимии пару *черногорец* – *черногорка*. Отметим по поводу существительного *китайка*, что основным его значением на протяжении ряда столетий, включая XIX в., было название хлопковой ткани, предмета импорта из Китая. Она была настолько популярна, что возникло специальное название сарафана из этой ткани – *китаецник*, а когда в России появились собственные фабрики по производству хлопковой ткани, они сначала назывались *китаецными* [Фуфаева 2020, с. 28].

Таким образом, существует по крайней мере два очевидных фактора образования суффикса этнонимов женского рода *-анк(а)/-янк(а)/-енк(а)*, о котором идет речь: артикуляционный (помогает избегать скопления согласных) и семантический: будучи моносемантическим, суффикс более ярко, однозначно выражает значение лица женского пола, чем полисемантический суффикс *-к(а)* и позволяет избегать омонимии.

Можно сделать вывод о системной обусловленности возникновения форманта *-анк(а)/-янк(а)/-енк(а)* в рамках соответствующей словообразовательной категории.

Литература

- Минеева 2008 – Минеева З.И. Он вепс, а она – ? // Русская речь. 2008. № 1. С. 51–56.
- Фуфаева 2020 – Фуфаева И.В. Как называются женщины: Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.

References

- Mineeva, Z.I. (2008), "He is a Veps, and she is a – ?", *Russkaya rech'*, no. 1, pp. 51–56.
- Fufaeva, I.V. (2020), *Kak nazyvayutsya zhenshchiny: Feminitivy: istoriya, ustroistvo, konkurenciya* [What women are called. Feminitives: history, structure, competition], Corpus, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина В. Фуфаева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva, Cand. of Sci. (Phylology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; iriel@inbox.ru

Мотивационный и гендерный компоненты в коннотативном аспекте значения фразеологизмов

Елена В. Богоявленская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helen.bog58@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является раскрытие взаимосвязи мотивационного компонента коннотативного аспекта значения фразеологизма и его гендерной окрашенности. Мотивационный компонент значения фразеологической единицы принадлежит коннотативному аспекту ее значения и показывает взаимозависимость внутренней формы, образности и мотивированности. Образность фразеологической единицы мотивируется ее внутренней формой. Анализ внутренней формы фразеологизма позволяет установить, что, в некоторых случаях, внутренняя форма играет определяющую роль в формировании гендерных смыслов. Для уточнения гендерной референции идиомы используется метод дефиниционного анализа. Кроме того, для уточнения гендерной референции идиомы, в статье предлагается использование словарных иллюстративных примеров ее употребления, как типичных контекстов ее функционирования. В качестве материала исследования были выбраны фразеологические синонимы, так как фразео-синонимические ряды, при схожести значений членов ряда, интегрируют фразеологизмы с различными образными основами. Все исследуемые идиомы используются для описания красивого, привлекательного внешне человека. Проведенное исследование показало, что фемининная референция идиом, описывающих красивую, внешне привлекательную женщину, обуславливается наличием определенных образов в их внутренней форме.

Ключевые слова: коннотативный аспект значения, мотивационный компонент, внутренняя форма, образная основа, гендерная маркированность, интергендерная референция, фемининная референция

Для цитирования: Богоявленская Е.В. Мотивационный и гендерный компоненты в коннотативном аспекте значения фразеологизмов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 55–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-55-65

Motivational and gender components in the connotative aspect of phraseological meaning

Elena V. Bogoyavlenskaya

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, helen.bog58@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to reveal the interconnection between the motivational component of the meaning of a phraseological unit, which belongs to the connotative aspect of its meaning and demonstrates the interdependence between inner form, image component and motivation. Image component in phraseological unit is often motivated by its inner form. The analysis of inner form allows us to understand how it affects the formation of gender connotations in some cases. Furthermore, to clarify the gender reference of the idiom, the article suggests using dictionary illustrative examples of its usage as typical contexts for its functioning. Phraseological synonyms were selected as the research material, since phraseological synonymic series, while having similar meanings among their terms integrate phraseological units with different image bases. All the studied idioms describe a beautiful and attractive person. The research showed that feminine reference in idioms describing a beautiful woman is determined by the existence of certain images in their inner form.

Keywords: connotative aspect of meaning, motivational component, inner form, image basis, gender specificity, intergender reference, feminine reference

For citation: Bogoyavlenskaya, E.V. (2025), “Motivational and gender components in the connotative aspect of phraseological meaning”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 55–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-55-65

Являясь коммуникативными раздельнооформленными языковыми единицами, фразеологизмы служат средством образно-экспрессивной характеристики действительности. Значение фразеологизма является сложной конструкцией, интегрирующей ряд семантических компонентов.

В 1990 г. В.Н. Телия предложила гетерогенную функционально-параметрическую модель коннотативного аспекта значения фразеологизма, состоящую из следующих параметров или зон коннотации: мотивационной зоны, зоны эмотивно-оценочной модальности и зоны стилистической маркированности [Телия 1990, с. 34–37]. Предложенное В.Н. Телия понятие мотивационной зоны, или мотивационного параметра, позволяет установить взаимосвязь

между внутренней формой фразеологизма, образностью и мотивированностью, раскрывая их роль в формировании коннотативного аспекта значения фразеологизма.

Внутренняя форма фразеологизма «основана на деривационных связях фразеологического значения со значением прототипа»¹ и играет ведущую роль в коннотативном аспекте его значения, участвуя в формировании функционально-стилистической принадлежности, эмотивной оценочности и экспрессивности фразеологизма. В семантической структуре фразеологизма внутренняя форма присутствует как имплицитный компонент, хотя она может эксплицироваться в словарном толковании фразеологизма. В случае гендерной маркированности идиомы внутренняя форма служит имплицитным источником гендерных смыслов [Зыкова 2007, с. 39].

В данном исследовании предпринимается попытка раскрыть ключевую роль внутренней формы в создании гендерной окрашенности фразеологизма. Оптимальным материалом для анализа являются фразео-синонимические ряды, так как различные образные основы синонимичных фразеологизмов выступают главным условием существования фразео-синонимического ряда. При анализе гендерной маркированности исследуемых фразеологических синонимов использовались метод дефиниционного анализа, элементы когнитивного моделирования и контекстуальный анализ. Ввиду того, что в современной лексикографии не всегда в словарных толкованиях присутствуют гендерно маркированные лексемы, что обусловлено стремлением англоязычного общества к гендерной нейтральности, в данной статье для уточнения гендерной референции идиомы также изучается информация, содержащаяся в иллюстративных примерах ее использования. Типичные контексты употребления единицы указывают на ее гендерную окрашенность. Так, Т. Сенде писал о том, что иллюстративные примеры сообщают о коммуникативной ситуации употребления слова, его семантических, морфологических, синтаксических и стилистических характеристиках [Szendé 1999].

Материалом исследования послужили фразеологические синонимы, используемые для описания красивого, привлекательного внешне человека. Рассмотрим фразео-синонимический ряд со значением «очень привлекательный/привлекательная внешне» Этот фразео-синонимический ряд представлен компаративными идиомами, обладающими высокой интенсивностью, которая экс-

---

¹ *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. С. 149.

плицируется в словарных толкованиях при помощи лексем *very*, *extremely*. Членами данного синонимического ряда являются такие фразеологизмы, как *as pretty as a picture*, *as pretty as a peach*, *as pretty/cute as a speckled pup*.

Идиома *as pretty as a picture* обладает живым, осязаемым образом. Анализ внутренней формы идиомы *as pretty as a picture* и этимологические изыскания показывают, что существительное *picture* в XIX в. означало «произведение искусства» – *...the picture in question means a work of art*². Лексикографические источники, в основном, в иллюстративных примерах указывают, что данная идиома имеет фемининную референцию. Интересно, что словарь “The Free Dictionary” в словарной статье, рассматривающей фразеологизм *as pretty as a picture*, ссылается на окказиональную версию данной идиомы в романе Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», где субъект – мужчина: “He was pretty enough to frame”³. Действительно, не вызывает сомнения то, что данный окказиональный фразеологизм – это трансформированная идиома *as pretty as a picture*, образ «произведение искусства» сохранен автором, несмотря на расширение компонентного состава и замену компонента – произведение искусства вставляют в рамку. В примерах, приведенных в Британском национальном корпусе, компаративная идиома *as pretty as a picture* описывает в основном женскую красоту. Лишь в одном примере этот фразеологизм употребляется по отношению к мужчине: *WAN-REAN? – The horrified expression on Rex’s face wasn’t as pretty as a picture. – Could that be pronounced Barry by any chance?*⁴. Очевидно, что данная идиома в большинстве случаев имеет фемининную референцию, хотя встречаются редкие случаи маскулинной референции. Возможно, преобладание фемининной отнесенности можно объяснить тем, что привлекательность девушки/женщины нередко является результатом тщательно продуманного образа – “she is as pretty as a picture” emphasizes her beauty by suggesting she is visually appealing as a well-crafted image⁵. Внутренняя форма фразеологизма *as pretty as a picture* показывает, что в данной идиоме красивая женщина сравнивается с произведением искусства. Интересно, что в словаре *Urban Dictionary* фиксируется следую-

² The free dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

³ Ibid.

⁴ English-corpora: BNC-BYU. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 12.04.2025).

⁵ Brainly. URL: <https://brainly.com/> (дата обращения 12.04.2025).

шее значение лексемы *work of art* – привлекательная женщина – *a woman that is appealing to the eye*⁶.

Еще один фразеологический синоним со значением «очень привлекательная внешне» – это идиома *as pretty as a peach*. В словаре “Urban Dictionary” содержится информация о том, что данная идиома появилась на юге США и означает исключительно красивую женщину – *a southern phrase meaning that a woman is exceptionally beautiful*⁷. Многие лингвисты отмечают, что в английском языке красивая, сексуально привлекательная женщина часто сравнивается с десертом или сладким фруктом. Так, К. Хайнс и З. Ковечес рассматривают концептуальные метафоры, объективирующие концепт «женщина» в английском языке: *woman is dessert, women are appetizing (sweet) food* [Hines 1999; Kövecses 2006]. Следует отметить, что в русском языке для описания красивой женщины также могут использоваться гастрономические метафоры [Телия 1996].

Еще один фразеологический синоним, член фразео-синонимического ряда «очень привлекательный/привлекательная внешне» – это фразеологизм *as pretty/cute as a speckled pup*. Словарь “The Free Dictionary” утверждает, что данная идиома появилась в США⁸. Во всех иллюстративных примерах в словаре “The Free Dictionary” идиома имеет фемининную референцию, что подтверждает предложенный З. Ковечесом тезис об употреблении концептуальной метафоры *women are small young animals* – женщины – это детеныши животных – для объективации концепта «женщина» [Kövecses 2006].

Примечательно то, что в английском языке существует еще один ряд адъективных фразеологических синонимов со значением «очень привлекательный/привлекательная внешне». Это фразеологические синонимы *as cute as a bug’s ear, as cute as a button, as cute as a cupcake*. Употребление данных идиом характерно для американского английского. Члены данного синонимического ряда будут иметь добавочные смыслы из-за семантики первого компонента *cute* – *attractive or pretty in a childish, youthful or delicate way*⁹ – миленький, милый. Неудивительно, что в словарных толкованиях значений членов этого фразео-синонимического ряда,

---

⁶ Urban dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

⁷ Ibid.

⁸ The free dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

⁹ Merriam-Webster: America’s most trusted dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 10.04.2025).

идиом *as cute as a bug's ear*, *as cute as a button*, имеется указание на субъекта-ребенка: *more often said of children*¹⁰. Таким образом, два фразеологизма, члены данного синонимического ряда, используются для описания привлекательных внешне, хорошеньких детей. Интересно, что лексикографические источники сообщают, что в компаративной идиоме *as cute as a bug's ear* первый компонент *cute* первоначально был синонимом прилагательного *acute* – *sharp*, *quick-witted*, *shrewd* – умный, сообразительный, находчивый. Дело в том, что в XVIII в. в Англии слово *cute* употреблялось в значении «умный, сообразительный, находчивый», так как было редуцированной формой прилагательного *acute*. В середине XIX в. лексема *cute* в значении «умный, сообразительный, находчивый» стала употребляться в США, а позже приобрела значение «милый, привлекательный»¹¹. Примечательно, что в американском английском прилагательное *cute* в значении «умный, проницательный» может употребляться и сегодня, но с отрицательной коннотацией: *clever or shrewd, often in an underhanded manner*¹².

В основе внутренней формы идиомы *as cute as a bug's ear* лежит знание о том, что насекомые обладают очень острым слухом и могут улавливать тихие звуки и звуки высокой частоты, то есть изначально в данной идиоме компонент *cute* был синонимом слова *acute*¹³. Тем не менее в наши дни данная идиома служит для описания привлекательного внешне, хорошенького ребенка, возможно, ее значение изменилось под влиянием значений других членов данного фразеосинонимического ряда. Что касается синонима *as cute as a button*, имеется две версии происхождения данной идиомы. Так, существует предположение о том, что первый компонент *cute* (= *acute*) со значением «умный, сообразительный, находчивый» стал использоваться в данной идиоме, поскольку пуговицы были полезным, «умным» изобретением¹⁴. Интересно, что в русском языке образ «пуговица» также может ассоциироваться с умным человеком. Подобное образное сравнение наблюдается в пословице «умная умница, что светлая

¹⁰ The free dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

¹¹ Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/> (дата обращения 10.04.2025).

¹² Merriam-Webster: America's most trusted dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 10.04.2025).

¹³ Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/> (дата обращения 10.04.2025).

¹⁴ English language and stack exchange. URL: <https://english.stackexchange.com/> (дата обращения 10.04.2025).

пуговица». Кроме того, есть предположение о том, что объектом сравнения в данной идиоме служит не пуговица, а цветочный бутон¹⁵. Скорее всего, речь идет о бутоне василька – bachelor's button¹⁶. Если придерживаться второй версии происхождения данной идиомы, в основе ее внутренней формы будет лежать образное сравнение привлекательного внешне ребенка с бутончиком цветка. Еще одним членом данного фразеологического ряда является фразеологизм as cute as a cirsake. Эта идиома имеет фемининную референцию, так как слово cirsake – кекс – в американском сленге означает сексуально привлекательную женщину¹⁷. В основе внутренней формы данного фразеологизма лежит сравнение привлекательной женщины с десертом. Анализ живой внутренней формы данной идиомы вновь показывает, что для описания внешне привлекательной женщины может использоваться гастрономическая метафора.

Примечательно, что существует еще один синонимичный компаративный фразеологизм, используемый для описания очень привлекательной внешне женщины, as fair as a rose и его вариант as fair as a lily. Первый компонент fair может рассматриваться как синоним лексем pretty и cute. В основе сравнения лежит образ прекрасного цветка, розы или лилии. Красота и нежный аромат этих цветов обуславливают метафорический перенос в значении данных компаративных идиом. Немаловажно и то, что в Англии цветок розы имеет огромную культурную и историческую значимость¹⁸. Многие лексикографические источники в качестве одного из самых известных примеров употребления компаративного фразеологизма as fair as a lily цитируют предложение из текста VII главы романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»: “Both sisters were fair as lilies”¹⁹. Любопытно, что справочные пособия, рассматривая компаративный фразеологизм as fair as a rose также цитируют известный литературный источник – поэму Д. Чосера «Легенда о примерных

---

¹⁵ Grammarist. URL: <https://grammarist.com/> (дата обращения 10.04.2025).

¹⁶ Answerbag. URL: <https://www.answerbag.com/> (дата обращения 12.04.2025).

¹⁷ Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

¹⁸ The symbolic blooms of Britain: secrets of our national flowers. URL: <https://www.funnyhowflowersdothat.co.uk/symbolic-blooms-britain-secrets-our-national-flowers#:~:text=England%3A%20Tudor%20Rose,of%20York%2C%20who%20wore%20white> (дата обращения 12.04.2025).

¹⁹ *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

женщинах», а именно, легенду о Клеопатре: “And she was fair as is the rose in May”²⁰. Следует отметить, что компаративный фразеологизм *as fair as a lily* почти не употребляется в наше время, но идиома *as fair as a rose* остается достаточно частотной. В музыкальном альбоме американского композитора Адама Габмана (Adam Gubman) «Эльсинор» (2019), который является оригинальным саундтреком компьютерной игры «Эльсинор», одна из композиций называется “Fair as a Rose”. В ней звучат следующие строчки: “With hair like fire, in love’s desire the Maiden, fair as a rose”²¹. Несомненно, идиома *as fair as a rose* принадлежит к книжной фразеологии, что соответствует сценарию компьютерной игры «Эльсинор», события которой происходят в мире шекспировского «Гамлета». Можно утверждать, что компаративная фразеологическая единица с компонентом фитонимом *rose* имеет фемининную референцию. Таким образом, анализ внутренней формы рассмотренных выше синонимичных компаративных фразеологизмов с значением «очень привлекательный/привлекательная внешне» показывает, что идиомы, у которых в основе сравнения лежат образы произведения искусства, десерта, сладкого фрукта, детеныша животного, прекрасного цветка, обладают фемининной референцией.

В процессе исследования нами были обнаружены любопытные синонимичные номинативные, частично предикативные идиомы *a face that would/could stop traffic*, *a face that would/could stop a clock*, *a face that launched/could launch a thousand ships*. Фразеологизм *a face that would/could stop traffic* имеет интергендерную референцию и описывает очень привлекательного внешне человека. Сама фраза *to stop traffic* означает привлекать к себе внимание, так как речь идет об очень привлекательном, необычном или знаменитом человеке – *to attract a lot of attention because of being very attractive, unusual or famous*²². В данном случае идиома обладает живым, прозрачным образом: настолько привлекательная внешность, что водители не могут проехать мимо. Удивительно, но фразеологический синоним с аналогичной структурой *a face that would/could stop a clock* в большинстве случаев описывает очень непривлекательного внешне человека – такая физиономия, что лошади шарахаются²³.

²⁰ BrainyQuote. URL: <https://www.brainyquote.com/> (дата обращения 10.04.2025).

²¹ Gubman A. Fair as a rose: lyrics. URL: <https://genius.com/Adam-gubman-fair-as-a-rose-lyrics> (дата обращения 12.04.2025).

²² Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 11.04.2025).

²³ Кунин А.В. Большой англо-русский словарь...

Словарь “The Free Dictionary” фиксирует еще одно, мало распространенное значение – *shockingly attractive* – потрясающе привлекательная внешность²⁴. В этом значении идиома *a face that would/could stop a clock* является синонимом фразеологизма *a face that would/could stop traffic*. Однако, почти все рассматриваемые лексикографические источники фиксируют только значение «очень уродливая внешность». Возможно, негативная семантика данной идиомы связана с символизмом часов. В искусстве и литературе часы нередко являются символом течения времени и неизбежности смерти²⁵. Фразеологический синоним *a face that could launch/launched a thousand ships* обладает фемининной референцией благодаря своей внутренней форме. Фразеологические словари отсылают нас к пьесе Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста». “Was this the face that launched a thousand ships and burnt the topless towers of Ilium?”²⁶. Эта фраза, произнесенная доктором Фаустом, относится к персонажу древнегреческой мифологии Елене Троянской. Доктор Фауст мечтает о том, чтобы Елена Троянская стала его возлюбленной, и, по приказу Мефистофеля, Елена предстает перед Фаустом. Согласно древнегреческим мифам, Елена Троянская (Елена Прекрасная, Елена Спартанская) была самой красивой женщиной в древнем мире. Таким образом, анализ внутренней формы рассматриваемой идиомы показывает, что в ней содержится аллюзия на мифологический персонаж, прекраснейшую из женщин, что объясняет фемининную референцию идиомы *a face that could launch/launched a thousand ships*.

Рассмотрим пример, в котором используются указанные выше идиомы *a face that would/could stop a clock*, *a face that could launch/launched a thousand ships*: “We realize that all women are fair only in theory and that if we arranged them in the order of fairness we should have at one end the face that launched a thousand ships and at the other end the face that would stop a clock” (With a face that would stop a clock). Данный контекст иллюстрирует противоположные значения данных идиом: очень привлекательная внешность vs очень уродливая внешность. Автор предлагает шкалу женской привле-

---

²⁴ The free dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

²⁵ The cultural significance of clocks. URL: <https://cloudnola.com/blogs/news/the-cultural-significance-of-clocks-timekeeping-in-art-literature-and-film#:~:text=In%20many%20cultures%2C%20clocks%20are,and%20the%20passage%20of%20life> (дата обращения 12.04.2025).

²⁶ The free dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 12.04.2025).

кательности, где полюсами будут вышеуказанные антонимичные идиомы. В этом контексте обе идиомы имеют фемининную референцию.

Итак, анализ внутренней формы адъективных компаративных фразеологических синонимов и номинативных фразеологических синонимов, служащих для описания очень привлекательного внешне человека, позволяет прийти к следующему выводу: в основе внутренней формы фразеологизмов с фемининной референцией, используемых для описания очень привлекательной внешне женщины, лежат соответствующие образы: произведение искусства, десерт, сладкий фрукт, детеныш животного, прекрасный цветок. Также внутренняя форма такой идиомы может содержать аллюзию на мифологический персонаж – символ женской красоты. Мотивация актуального значения фразеологизмов, служащих для описания женской привлекательности, основывается на концептуальных метафорах: «красивая женщина – это произведение искусства», «красивая женщина – это десерт», «красивая женщина – это сладкий фрукт», «красивая женщина – это детеныш животного», «красивая женщина – это прекрасный цветок», «красивая женщина – это богиня» (если придерживаться версии, что Елена Троянская была дочерью Зевса и Немезиды).

Литература

- Зыкова 2007 – *Зыкова И.В.* Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: УРСС, 2007. 232 с.
- Телия 1990 – *Телия В.Н.* Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. 208 с.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 228 с.
- Hines 1999 – *Hines C.* Rebaking the pie. The woman as dessert metaphor. URL: <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/Hines1999.pdf> (дата обращения 14.04.2025).
- Kövecses 2006 – *Kövecses Z.* Metaphor and ideology in slang: the case of WOMAN and MAN // *Revue d'Études Françaises*. 2006. No. 11. URL: http://cief.elte.hu/___HTTrack/cief.elte.hu/sites/default/files/19_kovecses_zoltan.pdf (дата обращения 14.04.2025).
- Szende 1999 – *Szende T.* Problems of exemplification in bilingual dictionaries // *Lexicographica. International annual for lexicography*. 1999. Iss. 15. URL: <https://hal.science/hal-01371375/file/lexicographico.pdf> (дата обращения 14.04.2025).

References

- Hines, C. (1999), *Rebaking the pie. The woman as dessert metaphor*, available at: <https://web.stanford.edu/~eckert/PDF/Hines1999.pdf> (Accessed 14 Apr. 2025).
- Kövecses, Z. (2006), *Metaphor and ideology in slang. The case of WOMAN and MAN*, available at: http://cief.elte.hu/___HTTrack/cief.elte.hu/sites/default/files/19_kovecses_zoltan.pdf (Accessed 14 Apr. 2025).
- Szende, T. (1999), “Problems of exemplification in bilingual dictionaries”, in *Lexicographica. International annual for lexicography*, iss. 15, available at: <https://hal.science/hal-01371375/file/lexicographico.pdf> (Accessed 14 Apr. 2025).
- Telia, V.N. (1990), “Semantics of idioms in functional-parametric mapping”, in *Frazeografiya v mashinnoy fonde russkogo yazyka* in [Phraseography in the machine fund of the Russian language], Nauka, Moscow, USSR.
- Telia, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects], Moscow, Russia.
- Zykova, I.V. (2007), *Sposoby konstruirovaniya gendera v angliiskoi frazeologii* [Methods of constructing gender in English phraseology], URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Богоявленская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 66; helen.bog58@mail.ru

Information about the author

Elena V. Bogoyavlenskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaia Sq., Moscow, Russia, 125047; helen.bog58@mail.ru

УДК 81'374

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-66-76

«Джонсон Словарь»
и актуальные вопросы лексикографии

Наталья И. Рейнгольд

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalya.reinhold@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется первый полнотекстовый перевод на русский язык «Предисловия к “Словарю английского языка”» (Preface to “A Dictionary of the English Language”; 1755) Сэмюэла Джонсона (1709–1784)¹. Предмет статьи – частная история лексикографии. Объектом исследования выступает совокупность представлений Джонсона о принципах составления словаря национального языка. В заключении статьи сделан вывод об установлении в исторической ретроспективе актуальности данного текста в свете текущих вопросов лексикографии.

Ключевые слова: «Джонсон Словарь», неупорядоченность в языке, закономерные способы словообразования, общеупотребительные слова, мера, заимствования

Для цитирования: Рейнгольд Н.И. «Джонсон Словарь» и актуальные вопросы лексикографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 66–76. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-66-76

“Dictionary Johnson”
and the seminal issues of lexicography

Natalya I. Reinhold

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, natalya.reinhold@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the recent translation into the Russian of “The Preface to *The Dictionary of the English Language*” (1755) by Dr. Johnson

---

© Рейнгольд Н.И., 2025

¹ *Джонсон С.* Предисловие к «Словарю английского языка» / пер., примеч. Н.И. Рейнгольд // Джонсон С. Жизнеописания прославленных английских поэтов и критические обзоры их сочинений: В 3 кн. / Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд, Т.А. Гуревич; отв. секретарь Е.В. Халтрин-Халтурина. М.: Ладомир: Наука, 2023. Кн. 3. С. 26–54; 247–257. (Литературные памятники)

(1704–1784). The subject of the article is the history of English lexicography. Its object is Johnson's views on the principles of compiling a dictionary of the English language. The article concludes with defining the scholarly significance of the above-mentioned text as related to the seminal issues of current lexicography.

Keywords: “Dictionary Johnson”, linguistic irregularity, the usual modes of derivation, common use, measure, language borrowings

For citation: Reinhold, N.I. (2025), “ ‘Dictionary Johnson’ and the seminal issues of lexicography”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 66–76, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-66-76

Двухтомный «Словарь английского языка» (“The Dictionary of the English Language”), составленный Сэмюэлом Джонсоном (Samuel Johnson; 1709–1784), был опубликован в 1755 г.² История его создания описана в нескольких первоисточниках и во многих научных, библиографических и критических трудах, например, в биографии Дж. Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791), в трудах Дж.Б. Хилла (1880–1890), в сборнике материалов, изданном Дж.Т. Болтоном (1971), в очерке А.В. Дружинина (1851–1852; 1865), в статьях и примечаниях к трехтомному изданию в русском переводе «Жизнеописаний прославленных английских поэтов» (2023) и др.

«Словарь английского языка» – единичное достижение Джонсона (при использовании труда нескольких переписчиков словарных статей). На фоне словарей итальянского и французского языков, изданных в описываемый период академиями этих стран, труд Джонсона – безусловный национальный памятник.

По выходе «Словаря» соотечественники стали называть его составителя “Dictionary Johnson” – Джонсоном Словарем. На эту интересную подробность указывает Дж. Босуэлл в своей «Жизни Сэмюэла Джонсона»: «...моего прославленного друга часто называли Джонсоном Словарем в память о его гениальном достижении, создании “Словаря английского языка”»³. Двухтомный словарь

---

² *Johnson S.* A dictionary of the English language // Which the words are deduced from their originals, and illustrated in the different significations by examples from the best writers. To which are prefixed, a history of the language, and an English grammar. In 2 vols. L.: Printed by W. Strahan et al., MDCCLV <1755>.

³ *Boswell J.* Boswell's “Life of Johnson”, together with Boswell's “Journal of a tour to the Hebrides” and Johnson's “Diary of a Journey into North Wales”.

Джонсона, опубликованный 270 лет назад, до сих пор используется специалистами, лексикографами, историками английского языка. Он оцифрован, к нему прибегают как к аргументу в споре о вопросах семантики, узуса, коннотаций и т. д.; достаточно сказать, что словарь лег в основу первого издания Оксфордского словаря английского языка.

Публикацию «Словаря» сопровождало предисловие, позднее ставшее известным как «Предисловие к “Словарю”». На русский язык оно было переведено и издано впервые в 2023 г.⁴

Мы предполагаем, что рассмотрение перевода «Предисловия» как средства экспликации скрытых в оригинале смыслов позволяет обнаружить актуальность этого старинного памятника слову. Обратимся к тексту.

Джонсон понимает язык как знаки идей, подверженные изменениям, регрессу, упадку: «Язык – лишь орудие науки, а слова – не более чем знаки идей: жаль, однако, что орудие это имеет свойство приходить в упадок, а знаки не обладают тем постоянством, каким обладают обозначаемые ими вещи»⁵. Как видим, на этапе донаучной рефлексии о языке Джонсон опирался на разграничение означаемого и означающего («знаки» и «обозначаемые ими вещи»).

Джонсон подчеркивает существенное различие между своим первоначальным представлением о скопосе лексикографии по отношению к языку («...закрепить наш язык (в словаре. – *Н. Р.*) и тем самым покончить с теми изменениями, которые время и случай до сей поры беспрепятственно в него вносили»⁶), которое отразилось в «Плане словаря»⁷, и окончательным воплощением своего замысла в словаре. Самокритичный пересмотр своего намерения Джонсон

In 6 vols. / ed. by G.B. Hill, D.C.L.; revised and enlarged edition by L.F. Powell. Oxford: Clarendon Press, MCMXXXIV – MCML <1934–1950>. Vol. 1. P. 385. О «Джонсоне Словаре» см. также в статье Н.И. Рейнгольд «Сэмюэл Джонсон и его “Жизнеописания английских поэтов”» [Рейнгольд 2023, кн. 1, с. 490].

⁴ *Джонсон С.* Предисловие к «Словарю английского языка»... Далее ссылки приводятся по этому изданию.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ *Johnson S.* The plan of an English dictionary // The works of Samuel Johnson, LL.D. A new edition. In 12 vols. To which is prefixed an essay of his life and genius by Arthur Murphy. L.: J. Haddon, 1820. Vol. 2. P. 3–30. Историко-литературный комментарий к плану словаря приводит Дж.Т. Болтон в разделе книги «Сэмюэл Джонсон: критическое наследие» [Boulton 1971, pp. 90–93].

выразил сравнением жизни языка с жизнью человека: «...можно посмеяться над лексикографом, который, будучи не способен привести пример хотя бы одного народа, уберегшего слова и фразы родного языка от порчи, вообразил, что его словарь, подобно бальзаму, превратит его язык в мумию и сохранит его в целостности и сохранности...»⁸.

Главной целью Джонсона в составлении словаря было преодолеть неупорядоченность в языке, словообразовании, в орфографии, в узусе. Примечательно, какие факторы называет Джонсон в качестве причин языкового «хаоса»: «время», «мода», «новшества»⁹. Сегодня мы другими словами обозначаем сходные причины: время новых технологий, мода на английский язык, новшества искусственного интеллекта (ИИ).

В качестве принципа отбора слов Джонсон ориентировался на положение латинских классиков о степени употребляемости языковых единиц как главном критерии, недаром «Предисловию» предпослан эпиграф из «Послания» Горация¹⁰. Джонсон разделяет практический взгляд, основанный на оценке лексикографом положения языковой единицы в *современной* речи. Свой замысел он определяет как создание «словаря общепотребительных слов»¹¹.

Приверженность Джонсона принципу меры видна также в системности его подхода, которая восходит к классическому рационализму: изменять всю систему орфографии невозможно, а менять один элемент не стоит: «*Quid te exempta juvat spinis de pluribus*

---

⁸ Джонсон С. Предисловие к «Словарю английского языка»... Кн. 3. С. 50.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ *Cum tabulis animum censoris sumet honesti; Audebit quæcunque parum splendoris habebunt / Et sine pondere erunt et honore indigna ferentur / Uerba mouere loco, quamuis inuita recedant / Et uersentur adhuc intra penetralia Vestæ; / Obscurata diu populo bonus eruet atque / Proferet in lucem speciosa uocabula rerum, / Quæ priscis memorata Catonibus atque Cethegis / Nunc situs informis premit et deserta vetustas.* (лат.) Ср. в переводе: Должен быть честен и строг, как цензор со списками граждан: Все без различья слова, в коих блеска почти не осталось, Те, что утратили вес, недостойными признаны чести, Смело он выгонит вон, хоть уходят они неохотно И хоть поныне возвращаются где-нибудь в капище Весты; Те, что скрывались во тьме, он снова откроет народу, Выберет много таких выразительных слов и речений, Коими прежде владели Катоны, Цетеги, а ныне Плесень уродует их, покрывая забвения прахом (II.2.110–118). Пер. Н.С. Гинцбург.

¹¹ Джонсон С. Предисловие к «Словарю английского языка»... Кн. 3. С. 34.

ипа” – переиначивать все было бы слишком хлопотно, а менять что-то одно не стоит»¹² – ссылается на Горациево послание Джонсон.

Джонсон – последовательности рационализма, сторонник принципов логической последовательности (*modus ponens*): «требовалось проследить развитие его (слова. – *Н. Р.*) значения, показав все промежуточные этапы... так чтобы... эти стадии были последовательно увязаны, начиная с первого употребления и заканчивая последним»¹³.

Отдельной задачей Джонсон видит установление «закономерных способов образования слов и флексий»¹⁴ (курсив мой. – *Н. Р.*), что указывает на общенаучный подход Джонсона.

В духе современной научной этики Джонсон ссылается на труды лексикографов, послужившие для него источниками: Нэтана Бейли, Роберта Эйнсуорта, Эдварда Филлипса. Согласно Дж.Т. Болтону, Джонсон использовал «Британский словарь» (“*Dictionarium Britannicum*”) Н. Бейли. Что касается двух других упомянутых лексикографов, то речь предположительно идет о латинско-английском словаре Р. Эйнсуорта «Сокращенный тезаурус латинского языка, или сокращенный словарь латинского языка, предназначенный в основном для использования жителями Британии» (“*Thesaurus Linguae Latinae compendarius: or, a Compendious Dictionary of the Latin Tongue, designed principally for the use of the British Nations*”; 1736), а также о словаре английского языка Э. Филлипса «Новый мир слов, или Генеральный словарь, содержащий толкования трудных слов, образованных от других языков... вкупе с терминами, относящимися к искусствам и наукам... дополненный значениями имен собственных и т. д.» (“*A New World of Words, or a General Dictionary, containing the Interpretations of such Hard Words as are Derived from Other Languages... together with Terms that Relate to the Arts and Sciences... to which are Added the Significations of Proper Names etc.*”; 1658). Джонсон также признает большой вклад в предпринятое им изучение этимологии Франциска Юниуса, автора труда по английской этимологии «*Etymologicum Anglicanum*» («Английская этимология»), опубликованного посмертно в 1743 г., и Стивена Скиннера, автора «Этимологии английского языка» (“*Etymologicon Linguae Anglicanae*”), опубликованной в 1671 г.

Подход Джонсона-лексикографа отличают методологическая корректность, рационализм, логика, последовательность, анализ, обобщение данных, что и сегодня есть прерогатива научного исследования.

---

¹² Там же. Кн. 3. С. 28.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 32.

За иллюстративную основу словаря Джонсон взял опыт словоупотребления посредством «пристального чтения наших авторов»¹⁵. Все примеры взяты из литературы, поэзии конца XVI – середины XVII в., хотя первоначально Джонсон предполагал включить примеры из всех областей «английской литературы и науки»¹⁶.

Актуальность «Предисловия» связана, на наш взгляд, с рассуждением Джонсона об изменчивости языка как важнейшей характеристике любого естественного языка. Множественные заимствования из других языков, замещение иностранными словами единиц родного языка, пути защиты последнего от потока иноязычных слов, – эту сторону состояния языка Джонсон видит источником основных проблем в лексикографии. Актуальны его замечания о заимствованиях из других языков, свидетельствующих о «глупой привычке натурализовать бесполезных иностранцев в ущерб коренному населению»¹⁷.

В свете этих вопросов он с иронией оценивает деятельность академий, утвержденных в роли «блустителей порядка в языке»¹⁸. Язык все равно меняется вне любых заслонов, которые ставят на пути новых слов, заимствований и т. д. К «академиям» Джонсон относит итальянскую и французскую академии, создавшие словари соответствующих языков¹⁹.

Рассуждения Джонсона об академиях и их роли в развитии и защите родного для данного народа и страны языка, безусловно

---

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 42–43.

¹⁷ Там же. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 50.

¹⁹ Речь идет об академии делла Круска (*Accademia della Crusca*), основанной во Флоренции в 1583 г. в целях поддержания чистоты итальянского языка. Название академии происходит от слова «*crusca*» (*ит.* – «отруб») – и связано с ее пуристской методологической установкой на очищение итальянского языка от всего наносного, неграмотного. В 1612 г. академики опубликовали первый словарь итальянского языка «Словарь академиков делла Круска» («*Vocabolario degli Accademici della Crusca*»), на который, видимо, и ссылается несколько иронически Джонсон. Скептически говорит Джонсон и о словаре французского языка «*Le Dictionnaire de l'Académie françoise dédié au Roy*» («Словарь французской академии, посвященный королю»), первое издание которого вышло в свет в 1694 г. Первому полному изданию 1694 г. предшествовало предварительное издание 1687 г., создававшееся в течение пятидесяти лет, с момента основания Французской академии в 1635 г.

подсказанные событиями второй половины XVIII в. и давно отошедшие к разделу истории, сохраняют свою значимость в свете современных споров об изменениях в языке, вызванных множественными заимствованиями из языков иностранных, в первую очередь, английского.

Здесь выявляется особая актуальность позиции автора «Предисловия...»: заслонами «сверху» изменения в языке не прекратить. В этом наблюдении Джонсона можно увидеть перспективную оценку сегодняшних упований на разные способы искоренения определенных слов, заимствованных из обиходного или иностранного языка. По убеждению Джонсона, эти способы бездейственны по определению. К ним он относит, в частности, работу о реформировании языка ценимого им современника Дж. Свифта «Предложение об исправлении, улучшении и закреплении английского языка» (“A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue”; 1712): «Свифт в своем мелком трактате об *английском* языке допустил возможность появления новых слов, зато исключил вероятность отмирания прежних» [Джонсон 2023а, с. 52].

Вместо прямого запретительного действия по отношению к потоку заимствований (а в эпоху Свифта главную угрозу английскому языку составляла мода на французский язык), Джонсон ставит вопрос о внешних и внутренних причинах «порчи языка»²⁰.

Главный внешний источник «порчи языка и разложения нравов» Джонсон видит в торговле, «деле, казалось бы, совершенно необходимом и прибыльном...»²¹ (читай: глобальном рынке). Кажется, очевидная мысль, но кто сегодня выскажет ее так, как Джонсон: источник засорения языка и проникновения разлагающего влияния субкультуры – это мировая торговля? По сути же, наблюдение Джонсона по-прежнему справедливо: «...те, кто часто общается с чужестранцами и по роду занятий должен приравниваться к их языку, со временем выучивает смешанный диалект, подобно тому жаргону, который обслуживает трафик на берегах *Средиземноморья* и *Индии*. Будучи лишь до поры до времени ограничен товарообменом, складами и портом, этот говорок обязательно просочится в другие сословия и в конце концов сольется с обиходной речью»²².

К «внутренним причинам» множественных изменений языка Джонсон-диалектик относит развитие, повышение материального

²⁰ Джонсон С. Предисловие к «Словарю»... Кн. 3. С. 52.

²¹ Там же. С. 50.

²² Там же.

и культурного уровня жизни людей в стране; развитие науки, появление новых предметов, вещей, а также проникновение слов устной речи в письменную²³. Еще один источник изменений в языке, на пути которого невозможно установить какие-то барьеры, это развитие образования и изучение иностранных языков, при котором «неизбежно происходит смешение двух языков, порождающее третий, отличный от них обоих. ...память переполнена иностранными словами и словосочетаниями, и... она ментально подсказывает... заимствованные слова и экзотические выражения»²⁴. Здесь налицо еще одна параллель с сегодняшней ситуацией. Наше образование немислимо без иностранных языков. Джонсон лишь проявляет диалектическую гибкость мысли, указывая на парадоксальное сочетание положительного и отрицательного в развитии цивилизации: то, что обеспечивает развитие человека и общества, несет им угрозу, засоряет и портит их родной язык. Отметим также тонкое наблюдение Джонсона над тем, что язык переводных текстов представляет собой «третий, отличный от них обоих»²⁵. Такие наблюдения, поданные как новаторские, можно встретить у переводоведов 1980–2010-х гг. [Lefevere, Bassnett 1990].

Самый угрожающий источник порчи языка Джонсон видит в росте объема переводов: «Сильнейшую угрозу речи несет частый перевод»²⁶. Это наблюдение Джонсона приобретает сегодня повышенную значимость в связи с резко возросшим объемом перевода информативных текстов, документооборота. В эпоху Интернета в условиях цифровизации переводится все. Примечательно, что не только и не столько масштабы перевода вызывают опасения у Джонсона, сколько воздействие перевода на переводящий язык. Полезно разобраться в аргументации лексикографа.

Джонсон обращает внимание, что при частом переводе происходят заимствование фразеологии и изменение склада (читай: синтаксиса) речи. Эти сдвиги способны изменить основание переводящего языка: «Нет такой книги, которая, будучи переложенной с одного языка на другой, не привнесла бы в него что-то от собственного склада речи; из нововведений это самое злокозненное и всеобъемлющее; отдельные слова могут усваиваться тысячами, но основа языка от этого не меняется; с появлением же новой фразеологии очень многое сразу приходит в движение: не просто меняются местами отдельные камни в основании здания,

---

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

но и самый ордер колонн»²⁷. Джонсон недаром вводит сравнение основ языка с основанием архитектурной постройки, – орнаментальные детали могут изменяться, но изменения в фундаменте чреваты тектоническими сдвигами и обрушением всего здания: «поставить предел вольности переводчиков, чьи праздность и невежество вскоре низведут нас до состояния лепечущих на одном из *французских* диалектов, если мы вовремя не одумаемся»²⁸. В качестве противоядия безграмотному переводу Джонсон предлагает дополнительную контролируемую деятельность академий, изначально утвержденных для изучения, развития и сохранения языков²⁹. В «Предисловии...» его предложение носит скорее риторический характер, детали он не уточняет.

Актуальная тема! Можно перефразировать выражение Джонсона с поправкой на сегодняшнее состояние русского языка: «праздность и невежество вскоре низведут нас до состояния лепечущих на одном из *англизычных* диалектов». Расширяя общее утверждение Джонсона о «вольности переводчиков», следует иметь в виду, например, такие факты, как прямое воспроизведение тема-рематических отношений в тексте при переводе на русский язык с западноевропейских языков, пословный перевод фразеологизмов или «креативное» их «воссоздание» вместо подбора аналогов в переводящем языке или использования (за неимением лучшего) объяснительного перевода и т. д. В эпоху массового употребления цифровых и нейросетевых программ перевода, разнообразных онлайн-переводчиков такие разрушительные для переводящего языка экзерсисы становятся повсеместными.

В нашем случае функцию ограничения «вольности, праздности и невежества» берущихся перекладывать тексты с помощью онлайн-переводчиков могут взять на себя университетские программы по переводу. «Вседозволенность» онлайн-переводчиков, перекладывающих текст пословно, буквально, с неизбежным изменением синтаксического строя переводящего языка можно уменьшить, обучая студентов грамотно переводить на русский язык с сохранением строя языка, подбором соответствий, трансформацией тема-рематических связей в тексте и т. д. В эпоху ИИ, чат-ботов, онлайн-переводчиков именно человеческий, ручной, грамотный перевод может содействовать сохранению и развитию языков.

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 52–53.

²⁹ Там же. С. 52.

При анализе инвективы Джонсона в адрес «праздных невежественных переводчиков» важно помнить, что он сам был опытным переводчиком с латыни, с современных ему европейских языков. Следует оценить по достоинству диалектику мысли Джонсона: перевод – источник порчи языка и противоядие от нее.

В заключение: в ходе анализа выявлены значимые для современной лексикографии наблюдения Джонсона о динамике языка, лингвистических и экстралингвистических факторах его потенциальной и реальной деградации, а также способах противодействия последним.

Литература

- Рейнгольд 2023 – *Рейнгольд Н.И.* «Сэмюэл Джонсон и его “Жизнеописания английских поэтов”» // Джонсон С. Жизнеописания прославленных английских поэтов и критические обозрения их сочинений: В 3 кн. / изд. подгот. Н.И. Рейнгольд, Т.А. Гуревич; отв. секретарь Е.В. Халтрин-Халтурина. М.: Ладомир: Наука, 2023. Кн. 1. С. 489–543. (Литературные памятники).
- Boulton 1971 – Johnson’s plan of a dictionary of the English language // Samuel Johnson: The critical heritage / ed. by J.T. Boulton. L.; N.Y.: Routledge, 1971. P. 90–93.
- Lefevere, Bassnett 1990 – *Lefevere A., Bassnett S.* Introduction. Proust’s grandmother, and “The Thousand and One Nights”. “The cultural turn” in translation studies // Translation. History. Culture / ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. L.: Pinter, 1990. P. 1–13.

References

- Boulton, J.T., ed. (1971), “Johnson’s plan of a dictionary of the English language”, in *Samuel Johnson: The critical heritage*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 90–93.
- Lefevere, A. and Bassnett, S., eds., (1990), “Introduction. Proust’s grandmother, and ‘The Thousand and One Nights’ ‘The cultural turn’ in translation studies”, in *Translation, History, Culture*, Pinter, London, UK, pp. 1–13.
- Reinhold, N. (2023), “Samuel Johnson and his ‘Lives of the English poets’”, in Johnson, S., *Zhizneopisaniya proslavlennykh angliiskikh poetov i kriticheskie obozreniia ikh sochinenii* [The lives of the most eminent English poets, with critical observations of their works], Ladomir: Nauka, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 489–543.

Информация об авторе

Наталья И. Рейнгольд, доктор филологических наук, международная докторская степень по английской литературе (PhD in English), профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; natalya.reinhold@gmail.com

Information about the author

Natalya I. Reinhold, Dr. of Sci (Philology), PhD in English, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalya.reinhold@gmail.com

Экспрессивные модальные слова
в Telegram-каналах СМИ
и их манипулятивный потенциал

Светлана И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com*

Аннотация. В работе исследуется частота употребления модальных единиц экспрессивной лексики, передающих смысл 'категорическая, настойчивая утвердительность' (слов *сущій, такаий, поистине, форменный*) в новостных текстах 17 русскоязычных официальных Telegram-каналов СМИ. Проверяется гипотеза о наличии корреляции между частотой употребления этих лексем и, во-первых, стилистическими особенностями Telegram-каналов, во-вторых, частотой употребления вводных слов и выражений с эпистемической модальностью (*конечно, вероятно, видимо, может быть* и др.) в текстах этих каналов. Мы приходим к выводу, что редкое употребление экспрессивных модальных показателей в редакционных новостных текстах может свидетельствовать не только о «сдержанном» стиле СМИ, но отчасти и об их политической ориентации (все заблокированные на территории РФ источники скорее избегают употребления таких слов), а частое употребление таких показателей, напротив, позволяет сделать предположение о чрезмерной субъективности источника и, как следствие, его возможных манипулятивных намерениях; в то же время прямой корреляции с превышающим/не превышающим ожидание количеством вводных слов (не)уверенности в новостях разных СМИ не обнаруживается.

Ключевые слова: модальная экспрессивная лексика, Telegram-каналы СМИ, речевое воздействие, манипуляция, стилистика СМИ

Для цитирования: Переверзева С.И. Экспрессивные модальные слова в Telegram-каналах СМИ и их манипулятивный потенциал // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 77–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-77-90

Expressive modals in Telegram media channels and their manipulative potential

Svetlana I. Pereverzeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, P_Sveta@hotmail.com*

Abstract. The paper studies the frequency of expressive modals, which mean ‘categorical affirmation’ (the words *sushchii*, *ehtakii*, *poistine*, *formennyi*) in the news of 17 official Telegram media channels in Russian. We test the hypothesis whether there is a correlation between the frequency of use of those lexemes and, firstly, the stylistic features of the Telegram channels, and secondly, the frequency of use of parentheses with epistemic modality (*konechno* ‘of course’, *veroyatno* ‘probably’, *vidimo* ‘apparently’, *mozhet byt’* ‘maybe’, etc.) in the texts of these channels. We conclude that the rare use of expressive modals in editorial texts may indicate not only the “restrained” style of the media, but also partly their political orientation (all sources that are blocked in Russia rather avoid using such words), while the frequent use of such modals, on the contrary, allows us to assume excessive subjectivity of the source and, as a consequence, its possible manipulative intentions. However, no direct correlation is found with the exceeding or not exceeding expectations of the number of parentheses of (un)certainty in the news of different media.

Keywords: expressive modals, Telegram media channels, speech influence, manipulation, stylistic features of media

For citation: Pereverzeva, S.I. (2025), “Expressive modals in Telegram media channels and their manipulative potential”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 77–90, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-77-90

Статья продолжает серию исследований, посвященных языковым средствам выражения субъективной модальности в текстах русскоязычных новостных Telegram-каналов с целью выявления в них признаков речевой манипуляции. Ранее нами были подробно рассмотрены вводные слова и словосочетания со значением неуверенности – *вероятно*, *видимо*, *возможно*, *может быть* и под. [Переверзева и др. 2023; Переверзева 2024а; Переверзева 2024б; Переверзева, Котов 2025]. В настоящей статье объектом нашего внимания стали лексемы, занимающие противоположный полюс эпистемической шкалы, а именно единицы экспрессивной лексики, передающие смысл ‘категорическая, настойчивая утвердительность’. К ним относятся, в частности, слова *сущий*, *этакий* (вариант:

эдакий), *поистине*, *форменный* (в значении 'действительный, настоящий'). Поскольку, согласно Е.С. Яковлевой, высказывания со словами такого типа предполагают ситуацию вынесения оценок и характеристик [Яковлева 1994, с. 202–203], а в любом оценочном суждении присутствует субъективный компонент [Вольф 2002, с. 22], мы считаем возможным включить такие единицы в список маркеров субъективности.

Перечисленные выше четыре слова были выбраны для поиска в базе данных новостных Telegram-каналов (о ней см. в [Kotov et al. 2018]). Ряд экспрессивных лексем «категорической утвердительности» не исчерпывается приведенным списком, однако такие слова, как *буквально*, *подлинно*, *настоящий*, *натурально*, *истинный* и некоторые другие мы были вынуждены исключить из рассмотрения по причине большого количества примеров, в которых потребовалось бы вручную снимать омонимию, разграничивая «модально отмеченные» (ср. *На улице начался настоящий переполох*) и нейтральные значения данных лексем (ср. *Это настоящая рукопись XIII века*; см. об этих значениях [Яковлева 1994, с. 209–211])¹.

Мы попытаемся ответить на вопрос, существует ли зависимость между частотой употребления экспрессивных лексем и стилистическими особенностями новостных Telegram-каналов. К таким особенностям относятся «развлекательная» или «серьезная» тематика канала, а также ярко выраженный пропагандистский или скорее нейтральный, «осторожный» характер освещения событий. Наша гипотеза заключается в том, что для тех новостных источников, которые в значительной мере стремятся дать оценку сообщаемым событиям и донести до читателей личную позицию своих авторов, более характерно использование специальных лексических показателей экспрессивности, чем для тех, которые нацелены на максимально нейтральное, «сухое» освещение действительности.

Кроме того, как мы показали ранее, стиль новостных источников определяет их предпочтения, связанные с употреблением отдельных вводных слов с эпистемической модальностью [Переверзева и др. 2023], поэтому мы предполагаем, что тем источникам, которые склонны активно использовать эти вводные слова,

---

¹ Как кажется, исчерпывающего списка экспрессивных слов и словосочетаний со значением категорической утвердительности до сих пор не было составлено. Попытка такого «более или менее полного» списка из 25 единиц была предпринята в работе [Ушакова 2018], однако и в нем обнаруживаются лакуны: так, отсутствует слово *чистый* (ср. *чистая случайность*), при том что имеются слова и выражения *чистойшей воды*, *чистейший*, *чистой воды*.

может быть также свойственно частое употребление показателей экспрессивности. В пользу этого предположения говорит и замечание Е.С. Яковлевой о том, что «по функции экспрессивные модификаторы вполне сопоставимы с модально-вводными словами» [Яковлева 1994, с. 269].

В проверке этих двух гипотез и состоят две основные задачи данной работы.

Материалом исследования послужили тексты новостей, опубликованные с октября 2022 г. по июль 2023 г. семнадцатью Telegram-каналами СМИ, имеющими наибольшее влияние в современной медиасреде (по данным компании «Медиалогия» на осень 2022 г.): 360tv (360), BBC News – русская служба (BBC), LIFE.ru (Life), NEWS.ru (News), Russia Today (RT), The Insider (Ins), ВЗГЛЯД.РУ (ВЗГ), Газета.Ru (Газ), Голос Америки (ГАм), Комсомольская правда (КП), Лента дня (Лен), Медуза – LIVE (Мед), Москва 24 (М24), Московский комсомолец (МК), Радио Свобода (РСв), РБК.Новости.Главное (РБК), Царьград ТВ (Ц)². Общий объем корпуса составил $\approx 1,05$ млн предложений, из которых только 180 содержат четыре рассматриваемых маркера экспрессивности.

Вслед за работами [Котов, Переверзева 2024, с. 46] и [Переверзева и др. 2023, с. 163–164] мы разделили семнадцать источников, с одной стороны, на федеральные (поддерживающие государственную политику и доступные для граждан РФ) и заблокированные (основной сайт которых заблокирован в РФ из-за нарушения законодательства и/или отражения оппозиционной идеологии), с другой стороны, на «серьезные» (hard-news, освещающие актуальные вопросы политики, социальные проблемы и противоречия) и «развлекательные» (soft-news, направленные на поддержание интереса и развлечение широкой публики); впрочем, вторая граница достаточно условна. Получившиеся группы источников можно представить в виде таблицы.

---

² В скобках приводится сокращенное название канала, которым мы будем пользоваться далее. Каналы «Медуза – LIVE», «Радио Свобода», «The Insider», «Голос Америки» признаны в РФ иностранными агентами.

Таблица 1

Классификация новостных источников по их доступности и общему содержанию

	Федеральные	Заблокированные
«Серьезные»	360, Life, News, RT, ВЗГ, Газ, КП, МК, РБК, Ц	ВВС, Ins, Гам, РСв, Мед
«Развлекательные»	М24, Лен	–

Наблюдения, сделанные нами ранее на материале новостей канала RT [Переверзева и др. 2023, с. 171–172], показали, что языковые средства выражения модальности могут употребляться по-разному в текстах, написанных от имени редакции канала, и в текстах, за которые редакция официально не несет ответственности. Поэтому в рамках данного исследования мы сочли целесообразным рассмотреть по отдельности три случая употребления экспрессивных маркеров: 1) в редакционных текстах; 2) в авторских рубриках; 3) в цитатах.

Ниже мы приведем таблицу, отражающую частотность экспрессивных маркеров *суций*, *этакий* (*эдакий*), *поистине* и *форменный* в трех типах текстов наших Telegram-каналов, и прокомментируем результаты. Числа в таблице обозначают количество вхождений данного слова для каждого источника. Жирным шрифтом выделены заблокированные источники (РСв, ВВС, Мед, Гам, Ins), курсивом с подчеркиванием – федеральные развлекательные источники (Лен, М24).

Частота употребления экспрессивных маркеров в новостных Telegram-каналах

	суций (42)		этакий/эдакий (49)		поистине (73)		форменный (16)		ИТОГ (180)		ВСЕГО		
	Ред.	Цит.	Ред.	Цит.	Ред.	Цит.	Ред.	Цит.	Ред.	Цит.			
Ц	2		17	1	13	5	5	3		35	5	6	46
КП	1	1	13		5	4				19	4	1	24
Дел	15				2					17	0	0	17
МК		1	4		7			2		13	0	1	14
ВЗГ		1	3		3	2	2	1	2	7	4	5	16
News	1	2			3		1			4	0	4	8
РСв	1	2					2			1	0	4	5
ВВС	1	3					4		2	1	0	9	10
M24					1					1	0	0	1
Life		1	1				1		1	1	0	3	4
Мед							1			0	0	2	2
360		1		1		3	2			0	4	3	7
РБК		3					2			0	0	5	5
RT	2	1		7		2	2	3		0	14	3	17
ГАм										0	0	0	0
Газ		3					1			0	0	4	4
Ins										0	0	0	0
	21	2	19	38	8	3	34	16	23	6	5	50	180

Комментарии к таблице:

1. Примечательно, что слово *этакий* значительно чаще встречается в редакционных текстах, чем в цитатах (38 примеров ~ 3 примера; ср. *сущий* 21 ~ 19, *поистине* 34 ~ 23, *форменный* 6 ~ 5). На наш взгляд, такое неравномерное распределение отчасти объясняется семантико-прагматическими свойствами этого экспрессивного маркера. По наблюдению Е.С. Яковлевой, в семантике адекватива *этакий* заложено «сравнение объекта описания с каким-либо общеизвестным, ходульным “образцом”» [Яковлева 1994, с. 271], а, как показывают наши наблюдения над текстами Telegram-каналов, проводя подобное сравнение, автор нередко старается как бы оправдать его в глазах читателя – формулирует основания, описывает контекст происходящего и т. п., ср.: *В Ташкенте мужик построил себе кирпичный дом на крыше. Этакий узбекский Карлсон* (КП, <https://t.me/truekpru/109818>); *Так что это за книженция такая? Текста в ней минимум, зато картинок, многие из которых можно назвать «порнографическими» – сколько угодно. <...> То есть перед читателями *этакая* «Содом-камасутра» с прицелом на детей* (Ц, <https://t.me/tsargradtv/37565>); *Херсон без света и тепла, с остатками жителей, которые не захотели или не смогли выехать, сейчас представляет собой *этакий* город постапокалипсиса...* (МК, https://t.me/mk_ru/20069). По-видимому, редакционные тексты дают больше возможностей для подобных рассуждений, чем цитаты, которые могут быть небольшими по объему и содержать не столько предпосылки, сколько выводы из них.

2. В ряде работ о слове *сущий* утверждалось, что сочетающиеся с ним существительные имеют семантические ограничения: «<К>ак правило, речь идет об отрицательных свойствах: *сущий дьявол*, но не *сущий ангел*; *сущий негодяй*, но не *сущий гений*» [Яковлева 1994, с. 270]; «<Л>ексема *сущий* присоединяется к именам со значением ‘малозначительный’ или к словам, референты которых оцениваются как ‘плохие’. Ср.: *сущий подлец*, *сущий негодяй*, *сущий бездельник* и *сущий пустяк*, *сущая ерунда*, *сущая мелочь*» [Крейдлин 1993, с. 39]. Особо выделяя сочетание *сущая правда*, где «слово *сущая* еще хранит в себе “отголосок” устаревшего значения ‘имеющийся в действительности’», Г.Е. Крейдлин в то же время приводит пример из рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья» *Всякое новое знакомство было для нее *сущим* праздником* с комментарием, что он «не отвечает современной норме» [Крейдлин 1993, с. 39].

Наблюдения о важности семантических признаков ‘плохой’ и ‘малозначительный’ подтверждаются нашим материалом. В текстах новостных Telegram-каналов слово *сущий* сочетается со следующими существительными:

- (а) 'плохой' (31 пример): *кошмар* (13), *ад* (7), *бес* (4), *дьявол* (2), *неправда* (2), *безумие* (1), *беспредел* (1), *бойня* (1);
- (б) 'малозначительный' (11 примеров): *копейки* (9), *пустяк* (1), *формальность* (1).

Справедливости ради заметим, что с экспрессивной лексемой *сущий* могут сочетаться и существительные с положительной оценкой. Хотя их сравнительно немного, они достаточно часто встречаются в художественных произведениях, а иногда и в публицистике, образуя своего рода клише, ср. *сущий ангел* (вопреки [Яковлева 1994]; Основной подкорпус НКРЯ 32 примера ~ Газетный подкорпус НКРЯ 25 примеров), *сущий рай* (32 ~ 7), *сущий клад* (52 ~ 6); *сущя находка* (11 ~ 3).

По поводу трех наиболее частотных сочетаний со словом *сущий* – *сущий кошмар*, *сущий ад* и *сущие копейки* – следует сделать ряд оговорок. Во-первых, *сущий кошмар* и *сущий ад* – это излюбленные выражения источника Лен (о нем см. ниже п. 6): на его долю приходится 13 из 14 вхождений сочетания *сущий кошмар* и 3 из 7 вхождений сочетания *сущий ад*. Во-вторых, 7 из 9 вхождений сочетания *сущие копейки* представляют собой цитату из интервью Рамзана Кадырова: «Учитывая его [коня] реальную стоимость и прекрасную родословную, это *сущие копейки!*» (Газ, <https://t.me/gazetaru/14941>; см. также РБК, https://t.me/rbc_news/74111; ВВС, <https://t.me/bbcrossian/46270> и <https://t.me/bbcrossian/46409>; News, <https://t.me/nwsru/56237>). Любопытно также, что выражения *сущие копейки* и *сущий кошмар*, согласно НКРЯ, входят в употребление только во второй половине XX в.³ (первый пример с *сущие копейки* в современном значении датируется 1996 г., «Независимая газета»⁴; первый пример с *сущий кошмар* – 1962–1963 гг., Александр Галанин «Дневники и размышления о прожитом») и встречаются главным образом в публицистических текстах (ср. *сущие копейки*: Основной подкорпус НКРЯ 43 примера ~ Газетный подкорпус НКРЯ 211 примеров; *сущий кошмар*: 7 ~ 78).

³ В основном подкорпусе XIX в. находятся только примеры с обратным порядком компонентов и в ед. ч. – *копейка сущяя*, – причем только в двух пьесах А.В. Сухова-Кобылина, ср. *Михайло Васильич! помилуйте! да на какие деньги? копейки сущей нет* (А.В. Сухова-Кобылин. Свадьба Кречинского; 1855); *Мечтал вот тут хоть копейку сущую заручить на черный день – нет! нет! и нет!! говорит судьба* (А.В. Сухова-Кобылин. Дело; 1861]. Значение здесь тоже немного другое: 'денег настолько мало, что нет даже копейки'.

⁴ Не считая романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», датированного 1980–2006 гг.

3. Как и *сущий*, более редкое слово *форменный*, по замечанию Г.Е. Крейдлина, сочетается «только с отрицательно оцениваемыми словами» [Крейдлин 1993, с. 39], и тексты Telegram-каналов это скорее подтверждают, ср. *беспредел* (3 примера), *болван* (2), *истерика* (2), *безумие*, *девьяностые* (*Это кошмар, **форменные девьяностые*** <Life>), *дичь*, *допрос*, *казнь*, *педераст*, *скандал*. Исключение из этого негативного ряда представляют два примера со словами *фантастика* и *пророк*: *Понятно, что никто и близко не ожидал от Киева официальных извинений в адрес Кишинева <...>. Это было бы уже **форменной фантастикой*** (RT, https://t.me/rt_russian/139231); *И лишь теперь, когда его слова начали сбываться, Такер Карлсон превратился в **форменного пророка*** (RT, https://t.me/rt_russian/153183), поэтому закономерность, сформулированная Г.Е. Крейдлиным, представляется нам скорее тенденцией, чем правилом.

Замечание. Прокомментируем два неединичных примера в нашем материале – слова *беспредел* и *истерика* (слово *болван* встречается дважды в одной и той же цитате, поэтому может считаться единичным). Слово *беспредел* появилось в русском языке сравнительно недавно – ближе к 1980-м гг.; интересно, что в то время негативная оценка носителей языка относилась не только к его смыслу, но и к самому факту его употребления, ср. *Кстати, только наши практики решили вместо слова «произвол» пользоваться словом «беспредел», которого нет ни в одном словаре русского языка* (Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике; 1976–1999). Что касается слова *истерика*, то оно существовало и ранее, но употреблялось немного иначе; так, по данным НКРЯ, в XIX – первой половине XX в. была частотна конструкция *с X-ом сделалась истерика*, а с середины XX в. начала распространяться конструкция *X устроил истерику*, из чего можно заключить, что в XX в. истерика постепенно стала осмысляться не как неконтролируемое нервное расстройство, а как вполне контролируемый скандал, сопровождающийся сильными эмоциями.

4. Слово *поистине* – самое частотное в нашем корпусе; сочетается оно, как правило, с прилагательными (*впечатляющий*, *суверенный*, *исторический* и др.), гораздо реже – с глаголами и глагольными сочетаниями (*возмущать*, *становиться одной большой семьей*, *найти иголку в стоге сена*) или, тоже редко, находится в синтаксически независимой позиции в начале фразы (*Поистине <> нужно быть безумцем, чтобы пытаться руками неонацистов уничтожить ядерную державу, уже однажды победившую нацизм* <Ц, <https://t.me/tsargradtv/34513>>). Е.С. Яковлева отмечает, что «с помощью слов типа *поистине* говорящий сообщает, что кон-

кретный случай, о котором идет речь, можно считать образцовым проявлением описываемого свойства» и связывает его с эталонной оценкой [Яковлева 1994, с. 74]; в этом отношении оно функционально сближается со словом *этакий*. Наблюдение Е.С. Яковлевой подтверждается нашими примерами, ср. *Трагедия поистине шекспировского уровня произошла в одном из районов Рима Монтеверде – там жена одного из местных жителей решила зажечь камин и случайно сожгла 20 тыс. евро...* (News, <https://t.me/nwsru/46926>); *В различных городах Саудовской Аравии... из-за длящихся несколько дней сильных дождей начался поистине библейский потоп* (News, <https://t.me/nwsru/47118>). Материал Telegram-каналов показывает, что с *поистине* обычно сочетаются прилагательные не просто с эталонной оценкой, но гиперболизированные, ср. два предыдущих примера, а также *Хитрейший лис, достигший поистине велиаровых высот лукавства!* (360, <https://t.me/tv360/106213>); *У трети банков... не получается отследить и заморозить российские активы из санкционного списка. <...> Это поистине детсадовские ошибки.* (КП, <https://t.me/truekpru/123188>).

5. Как видно из табл. 2, деление текстов на редакционные, авторские и цитируемые позволяет отчетливо проследить корреляцию между частотой употребления экспрессивных лексем в некотором источнике и его типом. Так, в цитатах экспрессивные лексемы встречаются у многих СМИ, и числовые разрывы между ними небольшие. В редакционных же текстах (по которым и упорядочены источники в таблице) видно, например, что заблокированные каналы употребляют экспрессивные маркеры крайне редко. Федеральные каналы не образуют по этому признаку единой группы – вероятно потому, что между ними имеется больше стилистических различий, которые отражаются, в частности, в том, насколько данный источник склонен использовать вводные слова (не)уверенности (см. о них в статье [Переверзева и др. 2023]). На одном полюсе шкалы находится, например, проправительственный канал Ц, активно использующий как показатели экспрессивности, так и вводные слова различной эпистемической модальности; этот стиль вполне отвечает разоблачительным лозунгам Ц «Не боимся говорить правду»; «Этого не покажут по телевизору. Честно обо всем происходящем в России и мире». На противоположном полюсе находится другой проправительственный канал RT, избегающий использовать в редакционных текстах как показатели экспрессивности, так и вводные слова неуверенности (об «осторожном» стиле RT см. в статьях [Переверзева и др. 2023; Переверзева 2024б]), но привлекающий для этого авторские тексты. II–IV места после канала Ц в таблице занимают, соответственно, источники КП, Лен

и МК. Мы затрудняемся объяснить, с чем связано количественное преимущество этих источников по сравнению с другими федеральными каналами, однако отметим, что Ц, КП, Лен и МК часто задают читателям от лица редакции вопросы со вводными словами неуверенности (ср.: *Так **может быть**, стоит прислушаться к голосу народа?* <Ц>); источники же с минимальным количеством экспрессивных маркеров в редакционных текстах (от 4 до 0) – например, News, РСв, ВВС, РБК, RT, Газ – обычно избегают такого рода вопросов [Переверзева 2024, с. 98]⁵.

6. Источник Лен содержит 15 вхождений слова *сущий*, которые представлены всего двумя сочетаниями – *сущий кошмар* (12 примеров) и *сущий ад* (3 примера). Оба они составляют часть оценочного речевого клише, которое можно описать как ‘Произошло событие Р, и после этого *начался сущий ад / кошмар*’ и которое часто используется источником Лен, ср. *Девушка познакомилась в сети с пользовательницей по имени Хадиджи<, > и тут начался сущий ад* (Лен; <https://t.me/lentadnya/69477>); *Когда личность невесты попытались установить уже в участке, начался сущий кошмар* (Лен; <https://t.me/lentadnya/66878>); *После этого поста в соцсетях бренда начался сущий кошмар* (Лен; <https://t.me/lentadnya/73340>). Примечательно, что чуть более чем в половине случаев (8 примеров из 15) это клише помещается в заголовок (2 раза) или в последнюю фразу новости (6 раз), т. е. занимает выделенную позицию в тексте⁶, привлекая внимание читателей и побуждая их к эмоциональному отклику.

* * *

Подведем итог. Подход к количественному анализу новостных Telegram-каналов, предполагающий разделение текстов на редакционные, авторские и цитационные, как кажется, вполне оправдал себя при исследовании экспрессивных лексем. Хотя наша гипотеза о том, что частота употребления таких лексем может быть прямо связана с частотой употребления вводных слов с эпистемической

---

⁵ Исключением здесь являются два источника – Мед и М24, которые, при минимальном количестве экспрессивных маркеров, скорее предпочитают задавать вопросы от лица редакции.

⁶ О выделенных позициях в текстах новостных Telegram-каналов речь шла в докладе С.И. Переверзевой «Линейная позиция вводных слов со значением неуверенности в новостных текстах», прочитанном на VIII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика в динамике» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 9–13 октября 2024 г.).

модальностью, не подтвердилась, нам удалось показать, что каналы с наиболее «осторожной» стилистикой (к которым, в частности, относятся все пять заблокированных источников) в целом избегают использовать слова *сущий*, *этакий*, *поистине* и *форменный* в редакционных текстах. Кроме того, было обнаружено, что в редакционных текстах именно этих каналов, как правило, не встречаются вопросы с вводными словами неуверенности. С другой стороны, в нашей подборке имеются источники (например, Ц и МК), чьи авторы активно используют субъективные суждения с экспрессивными маркерами. Представляется, что такой способ выражения личной позиции авторов может носить манипулятивный характер, поскольку по меньшей мере два из четырех маркеров (*этакий* и *поистине*) отсылают адресата к культурно значимым оценочным стереотипам [Яковлева 1994, с. 271, 275], а обращение к стереотипам является одним из инструментов убеждающего воздействия [ван Дейк 2013].

Благодарности

Публикация данной статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00594.

Acknowledgments

The publication of the article is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594.

Литература

- Вольф 2002 – *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
- ван Дейк 2013 – *ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
- Котов, Переверзева 2024 – *Котов А.А., Переверзева С.И.* Автоматический анализ фреймов для оценки воздействия текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 3. С. 41–54.
- Крейдлин 1993 – *Крейдлин Г.Е.* Таксономия и аксиология в языке и тексте // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 30–40.
- Переверзева и др. 2023 – *Переверзева С.И., Котов А.А., Жеребцова Я.А., Зинина А.А.* Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-

- каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 153–185.
- Переверзева 2024а – *Переверзева С.И. Вероятно, чтобы vs возможно, потому что*: две когнитивно-речевые стратегии авторов новостных текстов // Десятая Международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Пятигорск, 26–30 июня 2024 г.: В 2 ч. Ч. 2. Пятигорск: ПГУ, 2024. С. 316–317.
- Переверзева 2024б – *Переверзева С.И.* Вопросительные предложения с вводными словами неуверенности как инструмент речевого воздействия в текстах Telegram-каналов СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 93–103.
- Переверзева, Котов 2025 – *Переверзева С.И., Котов А.А.* Вводные слова неуверенности как инструмент манипулятивного воздействия в новостных текстах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 3. С. 118–128.
- Ушакова 2018 – *Ушакова И.Б.* Лексические средства указания на прототипичность «объекта» номинации (на материале современного русского языка) // Филологические открытия. 2018. № 6. С. 229–235.
- Яковлева 1994 – *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
- Kotov et al. 2018 – *Kotov A., Arinkin N., Filatov A., Zaidelman L., Zinina A.* Semantic comprehension system for F-2 emotional robot // *Advances in intelligent systems and computing*. 2018. Vol. 636. P. 126–132.

References

- van Dijk, T. (2013), *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. The representation of dominance in language and communication], Knizhnyi dom "Librokom", Moscow, Russia.
- Kotov, A., Arinkin, N., Filatov, A., Zaidelman, L. and Zinina, A. (2018), "Semantic comprehension system for F-2 emotional robot", in *Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 636, pp. 126–132.
- Kotov, A.A. and Pereverzeva, S.I. (2024), "Automatic frame analysis for the evaluation of text influence", *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 41–54.
- Kreidlin, G.E. (1993), "Taxonomy and axiology in a language and in a text", in *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya* [Logical analysis of language. Mental acts], Nauka, Moscow, Russia, pp. 30–40.
- Pereverzeva, S.I. (2024), "Questions with parentheses expressing uncertainty in the Telegram media channels. An instrument of manipulation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 93–103.
- Pereverzeva, S.I. (2024), "*Veroyatno, chtoby vs vozmozhno, potomu chto*. Two cognitive speech strategies of the news writers", in *Desyataya mezhdunarodnaya konfer-*

- entsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Pyatigorsk, 26–30 iyunya 2024 g.* [Proceedings of the 10th International Conference on Cognitive Science, Pyatigorsk, 26–30 June 2024], part 2, PGU, Pyatigorsk, Russia, pp. 316–317.
- Pereverzeva, S.I., Kotov, A.A., Zherebtsova, Ya.A. and Zinina, A.A. (2023), “Parentheses expressing (un)certainly in the Telegram media channels. Word frequency”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 153–185.
- Pereverzeva, S.I. and Kotov, A.A. (2025), “Parentheses of uncertainty as a tool of manipulation in the news”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 118–128.
- Ushakova, I.B. (2018), “Lexical means of indicating the prototypicality of the nomination ‘object’ (based on the material of contemporary Russian language)”, in *Filologicheskie otkrytiya*, no. 6, pp. 229–235.
- Volf, E.M. (2002), *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Yakovleva, E.S. (1994), *Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception)], Gnozis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; P_Sveta@hotmail.com

Information about the author

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

К вопросу о специфике выразительных средств православной интернет-проповеди

Ольга А. Прохвятилова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olgaprohvatilova@yandex.ru*

Аннотация. Работа обращена к описанию номенклатуры выразительных средств православной интернет-проповеди и установлению особенностей их функционирования на фоне классической проповеди. Материалом для исследования послужили расшифровки более 40 интернет-проповедей, размещенных на православных сайтах, каналах и в видеоблогах православных священнослужителей, а также храмовых проповедей из фонотеки автора. Показано, что система выразительных речевых средств в православных интернет-проповедях основывается на традиционных тропах и фигурах, таких как метафоры, эпитеты, сравнения, антитеза, повтор, синтаксический параллелизм, и включают специфические элокутивные средства – иронию и контрастное использование в узком контексте семантически не связанных, но стилистически противопоставленных лексических единиц. Последовательно рассмотрены особенности употребления и функции тропов в интернет-проповеди. Показано, что при проповедании в Интернете используются образные и концептуальные метафоры, которые выступают в прагматической, активационной, концептуальной и моделирующей функциях. Продемонстрировано, что специфика функционирования эпитетов заключается в употреблении суперлативных, метафорических и концептуальных эпитетов, основными функциями которых являются прагматическая, активационная и эстетическая. Обнаружено, что сравнения представлены в православной интернет-проповеди своими многообразными структурными вариантами и выполняют интерпретирующую и текстообразующую функции. Выявлено, что специфичным для интернет-проповеди является использование такого тропа, как ирония, который служит для усиления воздействия на слушателей и активизации их внимания. Отмечено, что употребление иронии приводит к трансформации стилистической доминанты проповеди.

Ключевые слова: православная интернет-проповедь, выразительные средства интернет-проповеди, тропы, метафора, эпитет, сравнение, ирония, функции тропов

Для цитирования: Прохвятилова О.А. К вопросу о специфике выразительных средств православной интернет-проповеди // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 91–108. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-91-108

On the issue of the specifics of the expressive means of Orthodox Internet preaching

Olga A. Prokhvatilova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, olgaprokhvatilova@yandex.ru*

Abstract. The work is aimed at describing the nomenclature of expressive means of Orthodox Internet preaching and establishing the specifics in their functioning against the background of classical preaching. The material for the study was the transcription of more than 40 Internet sermons posted on Orthodox websites, channels and video blogs of Orthodox clergy, as well as temple sermons from the author's library. It is shown that the system of expressive speech tools in Orthodox Internet preaching is based on traditional tropes and figures, such as metaphors, epithets, comparisons, antithesis, repetition, syntactic parallelism, and includes specific elocutionary means – irony and contrasting use in a narrow context of semantically unrelated but stylistically opposed lexical units. The features of the use and function of tropes in online preaching are consistently considered. It is shown that when preaching on the Internet, figurative and conceptual metaphors are used, which act in pragmatic, activation, conceptual and modeling functions. It is demonstrated that the specifics of the epithets functioning lies in the use of superlative, metaphorical and conceptual epithets, the main functions of which are pragmatic, activation and aesthetic. It is found out that comparisons are presented in the Orthodox Internet sermon with their diverse structural variants and perform interpretative and text-forming functions. It is revealed that the use of such a trope as irony, which serves to enhance the impact on listeners and activate their attention, is specific for Internet preaching. It is noted that the use of irony leads to the transformation of the stylistic dominant of the sermon.

Keywords: Orthodox Internet preaching, expressive means of Internet preaching, tropes, metaphor, epithet, comparison, irony, functions of tropes

For citation: Prokhvatilova, O.A. (2025), “On the issue of the specifics of the expressive means of Orthodox Internet preaching”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 91–108, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-91-108

Выразительные средства современной православной проповеди относятся к числу наименее изученных элементов ее речевого строя и в гомилетике, и в лингвистике. Что касается гомилетики, то это отчасти можно объяснить существованием в ней с середины XIX в. базирующихся на различном понимании природы пастырского слова нескольких точек зрения в оценке возможностей привлечения выразительных средств при создании проповеди¹ и доминированием долгое время так называемого антириторического направления, отвергавшего необходимость использования в проповеди специальных средств убеждения и особых словесных украшений. До начала XXI в. в гомилетиках отсутствовало описание средств выразительности пастырского слова², и лишь в последние годы появились небольшие разделы, посвященные выразительным средствам проповеди. Однако и они, как правило, включают лишь краткий перечень общеизвестных тропов и фигур.

Лингвистические работы в изучении православной проповеди, как правило, обращены к рассмотрению разноуровневых единиц, обеспечивающих жанровое и стилистическое своеобразие проповеди. Вместе с тем в специальной литературе отмечается важная роль эмоциональной включенности в православном религиозном дискурсе³. Исследователи обращают внимание на то, что священники и проповедники используют различные риторические приемы, чтобы вызвать у слушателей глубокие чувства и побудить их к действиям [Баклыкова, Кондратьев 2024]; подчеркивается, что «художественные средства выразительности: эпитеты, метафоры, градация, антитеза – придают проповедям звучность и поэтичность, гармонично воздействуя на сознание адресата» [Щукина, Хазанжи 2014, с. 41]; отмечается, что «употребление выразительных средств эстетизирует текст, дополняет его содержание» [Щукина, Хазанжи 2014, с. 41].

---

¹ Подробнее см.: [Прохватилова 1999; Прохватилова 2011]. См. также: Бурега В.В., *архимандрит Симеон (Томачинский)*. Гомилетика: учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Издат. дом «Познание», 2018. 452 с.

² См., например: Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство по гомилетике. М.: Изд-во Свято-Тихоновского Богословского института, 2001. 143 с.; *Епископ Полоцкий и Глубский Феодосий*. Гомилетика: теория церковной проповеди. Сергиев Посад: Издат.-полиграфический комплекс «Звезда», 1999. 324 с.

³ См.: [Амельченков 2020; Агафонова 2019].

Тем не менее можно назвать лишь несколько работ, в которых предпринимаются попытки описания системы выразительных средств пастырского слова, большей частью они написаны на материале памятников духовной речи XVIII–XIX вв. [Фролова 2021; Моллаева 2004; Шабанова 2006; Колобаев 2019]. Интернет-проповедь в этом аспекте не становилась объектом специального изучения.

Между тем православная церковь очень активно осваивает интернет-пространство, особенно после 2012 г., когда патриарх Кирилл призвал духовенство к проповеди в социальных сетях и других современных интернет-площадках, и Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ был подготовлен и опубликован документ «Видеоблоги священников Русской Православной Церкви: рекомендации и советы», определяющий специфику проповедания на платформе Интернета. Появились многочисленные православные сайты, каналы, видеоблоги, где православные священники размещают ответы на вопросы о православном вероучении и правилах церковной жизни, а также записи своих храмовых проповедей и проповедей, сделанных специально для интернет-аудитории.

В данной статье мы обратимся к описанию инвентаря выразительных средств православной интернет-проповеди и выявлению их особенностей на фоне классической проповеди. В качестве материала для исследования использованы расшифровки более 40 интернет-проповедей, размещенных на православных сайтах, каналах и в видеоблогах православных священнослужителей, а также храмовых проповедей из фонотеки автора.

Основу системы средств выразительности в интернет-проповеди составляют традиционные тропы и фигуры. В числе тропов – наряду с обычными для классической проповеди метафорами, эпитетами и сравнениями – используется и такой троп, как ирония. Что касается фигур – то важнейшими для проповеди, как известно, являются антитеза, повтор и синтаксический параллелизм. Этот список в интернет-проповеди дополняется еще одним приемом, основанном на контрастном использовании в узком контексте семантически не связанных, но стилистически противопоставленных лексических единиц. Остановимся подробнее на рассмотрении специфики употребления в интернет-проповеди таких выразительных средств, как тропы.

Метафора, как известно, представляет собой «троп, или механизм речи, суть которого состоит в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо

наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении»⁴.

В религиозном тексте метафора занимает особое место. Ее относят к числу важнейших речевых средств, позволяющих передать сложные христианские концепции и предания. В западной когнитивистике религиозный язык рассматривается как система метафор, эвристические возможности которых позволяют выразить «невыразимое»⁵. Как отмечает П.М. Шитиков, «авторы данного направления сходятся во мнении, что религиозная метафора не может рассматриваться в рамках ставшего классическим субституционального подхода (метафора как сравнение)» и полагают, что это может «привести к ошибочному, безграмотному и прозаичному конкретизированию метафорического образа», поэтому, по их мнению, «акцент исследования должен сместиться с чисто риторических на эвристические возможности метафоры» [Шитиков 2011, с. 60].

Эту точку зрения разделяют и отечественные исследователи. Так, по мнению А.М. Прилуцкого, метафора в религиозном дискурсе обеспечивает образное представление и интерпретацию «онтологически значимых феноменов, их аксиологического статуса и взаимоотношений» [Прилуцкий 2013, с. 21]. Это, как отмечает А.В. Наумова, «позволяет метафоре стать ключевым элементом в процессе концептуализации и осмысления религиозных идей и учений, придавая глубину и многоуровневость религиозному опыту и пониманию» [Наумова 2024, с. 205].

Вместе с тем существует мнение, что метафоры используются в религиозных текстах в своей традиционной функции – для создания ярких образов, «которые вовлекают слушателя и делают информацию более доступной для восприятия» [Баклыкова, Кондратьев 2024]. Например, «когда речь заходит о грехе, священник может использовать метафору «черная дыра», чтобы объяснить, как грех тянет человека вниз и лишает его внутреннего света. Эта метафора помогает аудитории визуализировать последствия греховной жизни и сделать выбор в пользу добра» [Баклыкова, Кондратьев 2024].

В интернет-проповедях используются метафоры разных видов. Прежде всего это образные метафорические сочетания, которые «опираются на обычное значение слов и предложений» [Дэвидсон 1990] и придают выразительность речи священника, например: *воцаряется добро, церковь призывает, правда совести, выраста-*

---

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 296.

⁵ См., например: [Рикер 1990; Маккормак 1990; Лакофф 1990].

ют преступления, произрастает смирение, на злобу дня, духовный сдвиг, раны души, движения души и т. п. В этом случае следует говорить о прагматической (воздействие на слушателя) и об активационной (активизация восприятия адресата) функциях метафоры. Например:

...и потихоньку значение слова святой начало дрейфовать в сторону и обозначать тех людей, которые не просто крестились, но своей жизнью показали пример святости...⁶;

...в этой связи буквально несколько слов на злобу дня, где малая трещина, образовавшаяся в результате вмешательства человеческой воли, грозит привести к духовному сдвигу...⁷

Метафоры такого типа характерны и для храмовых проповедей, а значит, их можно отнести к числу жанровых маркеров речевого строя православной проповеди. Ср.:

Вера наша стоит, если Христос воскрес, она падает, если Христос не воскрес из мертвых. Вот таково великое значение воскресения Христа для нашей веры...⁸

Вместе с тем имеющийся в нашем распоряжении материал дает основания утверждать, что в интернет-проповедях так же, как и в храмовых, используются и метафоры другого типа, которые выступают «в качестве инструмента передачи религиозного знания» [Прилуцкий 2013, с. 26]. Мы имеем в виду включение в пастырское слово метафорических вариаций таких библейских метафор, как «жизнь – это путь», «жизнь в вере – это путь к жизни», «жизнь в грехе – это путь к смерти», «свет – это хорошо, тьма – это плохо» и др., что наблюдается в классических проповедях, например:

...круг церковного богослужебного чина снова подвел нас к вратам Великого поста <...> мы начнем беседу нашу сегодняшнюю с первых шагов с обращения к Богу, начнем с Сапфея мытаря, ибо, подобно ему, мало ли людей еще блуждают по распутьям жизни во мгле житейского тумана, озираясь туда и сюда, водимые призрачными целями вдали от Бога...⁹

⁶ Проповедь «О святых» протоиерея Александра (Кухты).

⁷ Проповедь «О квиетизме» протоиерея Федора (Повного).

⁸ «Слово на Пасху» архимандрита Кирилла (Павлова).

⁹ «Проповедь об Иоанне Златоусте» архимандрита Иоанна (Крестьянкина).

Подобные метафорические вариации обнаруживаются и в речи интернет-проповедников, например:

...мы лишь можем указывать на некоторых людей и говорить, что такой-то человек прожил так-то и его путь был достойным. Делай так же, как он, и спасен будешь...¹⁰;

...и только-только в этой взаимной связанности прощения нашего и прощения свыше очищается совесть и воцаряется свет, которого на глубине и ищет и жаждет человек, потому что по-настоящему важны для него не внешний порядок, хотя и он важен, но на первом месте – чистая совесть, тот внутренний свет, без которого не может быть подлинного счастья...¹¹;

...хочется хотя бы намекнуть, не объясняя и не разжевывая, на то другое, без чего все разговоры о религии звучат нестерпимой фальшью. Это другое можно назвать по-разному, здесь все слова приблизительны: это радость веры, это огонь пятидесятницы, это свет и полнота евхаристии, это свобода знающих истину, это какое-то предчувствие, предвосхищение того, что не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку...¹²

Особенно часто, по нашим наблюдениям, священники прибегают к образу пути, восходящему к одной из важнейших библейских метафор «Я есть путь», представленной в Евангелие от Иоанна: «Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Логика развертывания этой метафоры в евангельском тексте может быть представлена следующим образом: «Если Вы двигаетесь к цели, вы должны пройти определенным путем. Духовная жизнь имеет две направляющие. Если цель пути – жизнь вечная, жизнь с Богом, жизнь в свете, то помощник, проводник и главное условие ее достижения – Христос: путь, свет и истина. Если же человек идет дорогой зла и лжи, то его цель – тьма и погибель» [Шитиков 2016, с. 75]. Вариации отдельных фрагментов этой концептуальной метафоры находят отражение в интернет-проповедях:

...святой – такой же человек, как и каждый из нас, и ему не чужды обычные земные проблемы. Но в своем круговороте повседневности он смог найти тропинку к Богу...¹³;

---

¹⁰ Проповедь «О святых» протоиерея Александра (Кухты).

¹¹ Проповедь «О молитве Господней» протоиерея Федора (Повного).

¹² Проповедь «О квиетизме» протоиерея Федора (Повного).

¹³ Проповедь «О святых» протоиерея Александра (Кухты).

...и когда наши святые предки выбирали термины для описания духовного своего пути, их внимание становилось на термине аскеза от глагола «аскео». Это греческий глагол, который в расхожем словоупотреблении имел значение «делать какие-то упражнения, в том числе физические», а в первичном еще во времена Гомера он использовался для описания работы над произведением искусства, то есть «Я сейчас аскео» – это значит «Я делаю какое-то произведение искусства». То есть это творческий порыв. Вот и покаяние – это творческий порыв...¹⁴;

...не ищите формул, позвольте своему сердцу подсказать вам тот творческий жест, найти свой, тот оригинальный путь покаяния, который приемлем только для вас...¹⁵;

...понятно, что все эти титулы условны, путь к Богу намного сложнее и не ограничивается одной стороной жизни человека...¹⁶

Приведенные и подобные примеры показывают, что здесь метафора, выступая «мостом между абстрактными духовными концепциями и конкретным опытом верующих» [Наумова 2024, с. 205], выполняет концептуальную и моделирующую функции, т. е. не только формирует представление христианских ценностей в удобном для восприятия интернет-аудитории формате, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем. В целом можно сказать, что метафоры используются в интернет-проповеди так же активно, как и в проповеди храмовой, а виды и функции метафор соответствуют требованиям жанра.

В состав выразительных средств православной интернет-проповеди входят и эпитеты – образные, экспрессивные, стилистически значимые определения предмета (явления, действия). Традиционно эпитеты рассматриваются как средство создания образности, экспрессивности, выразительности речи. Вместе с тем исследователи обращают внимание на то, что эпитеты могут выступать не только как средство художественного изображения, но и в гораздо большей степени – как средство раскрытия смысла, поскольку всегда связаны с содержанием, формируют и воплощают его [Лотман 1998, с. 413].

В классической православной проповеди мы имеем дело с тремя функционально разнородными группами эпитетов. Во-первых, это эпитеты, указывающие на внутреннюю, религиозную сущность явлений, вскрывающие церковную сущность предмета, называющие признак, которые составляет его духовный смысл (*добродетельная*

¹⁴ Проповедь «О покаянии» архимандрита Саввы (Мажуко).

¹⁵ Проповедь «О покаянии» архимандрита Саввы (Мажуко).

¹⁶ Проповедь «О святых» протоиерея Александра (Кухты).

жизнь, молитвенная память, благодатная речь, святые праведники, возлюбленное творение). Данные эпитеты можно назвать концептуальными, поскольку в качестве таких эпитетов обычно используются слова, однокоренные важнейшим понятиям православного вероучения (*благо, добродетель, любовь, молитва, святость*). Во-вторых, в современной православной храмовой проповеди употребляются эпитеты, создающие ее образность и экспрессивность (*страдающие глаза, грозный приговор, духовная леность, огненное испытание, духовная радость, жестокие гонения* и др.). Это метафорические эпитеты, которые служат средством украшения речи. В-третьих, в классической православной проповеди используются эпитеты смешанного типа, которые выражают значение высокой степени качества, указывают на идеальный, желаемый признак или на высокую степень проявления признака и зачастую включают лексемы со значением 'бесконечный, не перестающий существовать' (*великие дела, великие бедствия, великая вера, совершенная награда, великий праздник, величайшее обетование, огонь вечный, жизнь вечная, вечное блаженство, беспредельная возможность*). Это суперлативные эпитеты, употребление которых в составе атрибутивных сочетаний приводит не только к достижению эстетического эффекта выразительности, но и позволяет передать смысловую доминанту духовного текста¹⁷.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет утверждать, что здесь наиболее частотны суперлативные и метафорические эпитеты, тогда как концептуальные эпитеты представлены единичными случаями, например: *нравственное возрождение, радостное событие, патетический протест, скучный мир, плоский реализм, удушающе скучная дилемма, крутые парни, самые фантастические праведники, нестерпимая фальшь, фатальные проблемы, вековой сон, духовная засуха, духовная проблема, духовный подвиг, добрые дела* и т. п.). Преобладание метафорических эпитетов и специфика семантики суперлативных эпитетов, включающих, как правило, лексемы со значением высокой степени проявления признака, приводит к тому, что этот троп в интернет-проповеди выступает в эстетической, прагматической и активационной функциях, придавая речи проповедника выразительность, экспрессию, образность, и в меньшей степени привлекается для интерпретации важнейших понятий православно-христианского вероучения. Ср.:

...большинство верующих людей прекрасно понимают, что покаяние – это большой труд. Это не шутки, здесь нету механического

---

¹⁷ См. подробнее: [Прохватилова 2007].

действия. Это большая глубинная работа, которая требует времени, больших сроков, если хотите...¹⁸;

...я могу не совершать злых поступков, делать добро вокруг себя, но все равно пройти мимо рая, потому что мое сердце при этом остается черствым...¹⁹

Еще одним традиционным для жанра проповеди тропом, который активно используется интернет-проповедниками, является сравнение²⁰. В основе этого тропа лежит сопоставление по каким-либо признакам одного предмета с другим с целью более точного и одновременно образного описания первого. В классической православной проповеди сравнение может выражаться разными способами (словосочетанием в союзе *как* или словами *похож, подобен*; предложением со составным именным сказуемым и т. п.) и употребляться в разных функциях (изобразительной, оценочной, интерпретирующей), например:

...и смиряя себя постом, будем помнить, что пост – это не самоцель, а средство для того, чтобы покорить плоть духу...²¹;

...как волки, на пастыря Церкви собрались языческие философы и готовы уже были устремиться на это простое сердце, не знавшее языческой премудрости...²²

Специфика использования сравнения в интернет-проповеди проявляется прежде всего в многообразии его структурных вариантов. Наиболее распространенными в нашем материале можно назвать сравнения в форме предложений с составным именным сказуемым, так называемые отрицательные сравнения, сравнительные обороты с существительным в творительном падеже («творительный сравнения»), а также введение сравнений с помощью

¹⁸ Проповедь «О покаянии» архимандрита Саввы (Мажуко).

¹⁹ Проповедь «О покаянии» протоиерея Александра (Кухты).

²⁰ Мы рассматриваем сравнение в числе других тропов и не обсуждаем здесь полемический вопрос о статусе сравнения. Подробнее об этом см., например: *Емельянова О.Н.* Сравнения // Энциклопедический словарь-справочник: Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта. Наука, 2009. С. 306–309.

²¹ Проповедь «О Прощеном воскресенье» митрополита Волгоградско-го и Камышинского Германа.

²² «Слово в день святителя Спиридона Тримифунтского» о. Артемия (Владимирова).

таких специализированных слов, как *похож, видится, напоминает*, например:

...свеча – это церковный мерч, если хотите, смысл которого – быть символом вашего участия в жизни храма...²³;

...покаяние – это не математика, а это поэзия...²⁴;

...если, скажем, девочка Настенька или мальчик Петенька чувствует себя нашкодившими котятками, то никому от этого легче не станет...²⁵;

...еще раз повторю: грех видится как конкретное событие в жизни...²⁶

Что касается функций сравнения, то доминирующей для интернет-проповедей можно назвать интерпретирующую, когда с помощью этого тропа дается объяснение важных для темы пастьерского слова понятий:

...если очень сильно упростить смысл исповеди, то можно сказать, что она похожа на бинт с подорожником, которым перевязываются раны моей души, чтобы помочь мне в борьбе с грехом...²⁷;

...большинство верующих людей прекрасно понимают, что покаяние – это большой труд... это большая глубинная работа, которая требует времени, больших сроков, если хотите...²⁸

Сравнение в интернет-проповедании помогает не только более ясно и точно передать значение понятия, но и подчеркнуть его глубинный нравственный и духовный смысл:

...прощение есть акт не законный, а нравственный. Ведь посмотрите, по закону всякий, согрешивший против меня, должен быть наказан, а пока он не наказан, законность не восстановлена. А по совести, по совести, по закону нравственному, важно восстановление не законности, а вот этой целостности и любви, восстановить которое никакой закон не может. Это может сделать только взаимное прощение. И если мы прощаем друг друга, то и бог прощает нас...²⁹

---

²³ Проповедь «О церковной свече» протоиерея Александра (Кухты).

²⁴ Проповедь «О покаянии» архимандрита Саввы (Мажуко).

²⁵ Проповедь «О покаянии» протоиерея Александра (Кухты).

²⁶ Проповедь «О грехе» протоиерея Александра (Кухты).

²⁷ Проповедь «О покаянии» протоиерея Александра (Кухты).

²⁸ Проповедь «О покаянии» архимандрита Саввы (Мажуко).

²⁹ Проповедь «О молитве Господней» протоиерея Федора (Повного).

В ряде случаев священники используют сравнение, включающее несколько взаимодополняющих и уточняющих образов, как это происходит, например, в проповеди «О грехе» иерея А. Кухты. Священник раскрывает сущность ключевого для христианского вероучения понятия на основе развернутого сравнения «грех – болезнь»:

...мы смотрим на грех, как на болезнь, мы говорим о том, современное состояние человека неправильное. Человек болеет болезнью, которая называется «склонность ко греху». Очень хорошо ее симптомы описал апостол Павел, который о себе говорил: «Доброго, которого хочу – не делаю, а злое, которого не хочу – делаю». Поэтому грех – это не есть что-то эпизодическое, что совершают время от времени. Грех-поступок, который я совершаю, является симптомом греха-болезни, которая сидит во мне, которая требует систематического подхода к ее излечению...

Привлечение такого сравнения дает возможность представить абстрактное понятие в более доступной форме, конкретизировать его и сделать более определенным и однозначным при разъяснении в дидактической части проповеди. В данном случае можно говорить о текстообразующей функции этого тропа, поскольку сравнение «грех – болезнь» лежит в основе развертывания темы проповеди.

В нашем материале, наряду с традиционными для православной проповеди тропами, обнаруживается и ирония. Как известно, нет общепринятой точки зрения на статус иронии: в разных работах можно встретить рассмотрение иронии в качестве или приема, или тропа, или фигуры, что связано с многообразием способов ее выражения – фонетических, лексических, грамматических³⁰. Мы относим иронию к тропам, поскольку полагаем, что в ее основе лежит сущностный признак тропа – идея переосмысления. Отличительным признаком иронии является «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый»³¹.

В интернет-проповеди ирония может создаваться разными языковыми средствами:

- 1) фонетическими – за счет использования при описании бытовых явлений интонации, имеющей высокий, торжественно-приподнятый стилистический оттенок. Обычно это

---

³⁰ См. об этом, например в [Петрова 2011].

³¹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 92.

мелодическое чередование восходящих и нисходящих движений тона (ИК-5 и двувёршинных ИК-1 и ИК-2, сочетаний ИК-6 + ИК-2), например:

...осо³бенно/ это актуа³льно/ для же^(/)нщин в во²зрасте/ кото³рые уже на пе⁶нсии/ сидя⁶т/ и скучают до⁶ма/ они любят подро²бно рассказывать/ о то³нкостях/ своих взаимоотноше³ний/ с по⁽⁶⁾дру²гами/ ро⁶⁻²дственниками/ и сосе¹⁻²дками/ то есть большинство люде⁶й/ с которыми мне приходится ста³лживаться/ ви⁽⁶⁾дят гре⁽⁶⁾х именно как конкретное собы³тие/ просту³пок/ который они соверши⁶ли/ в своей жи³⁻²зни/ вчера⁶/ я поругался с сосе²дкой/ потому что ее ко³т/ хо⁽³⁾дит ко мне на огоро⁶д/ и подка⁽⁶⁾пывает мои огурцы¹/...³²;

2) морфологическими – благодаря использованию превосходной степени прилагательного:

...идея в том, что среди нас нет людей абсолютно безгрешных, даже самый фантастический праведник все равно имеет проявления греха в своей жизни...³³;

3) лексическими – например при лексическом противопоставлении реального изображаемому:

...и, как мною уже говорилось, слова эти очень часто понимали упрощенно, буквально понимали как некую гарантию непрерывного успеха, роста, благополучия и процветания христианства, как будто в евангелии не записано других слов об оскудении веры и любви, о бесконечной трудности узкого пути, ведущего в Царство Божие, о мощи демонических сил в мире...³⁴;

---

³² Проповедь «О грехе» иерея Александра (Кухты). Примеры приводятся в интонационной транскрипции, используются следующие обозначения: / – граница синтагмы; 2 – тип интонационной конструкции, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК; 3-2 – переходный тип ИК, сочетающий отдельные характеристики двух интонационных типов, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК; (/) – факультативный центр ИК, выделяемый усилением словесного ударения, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК; (3) – факультативный центр ИК, выделяемый тональными изменениями, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК.

³³ Проповедь «О грехе» иерея Александра (Кухты).

³⁴ Воскресная проповедь протоиерея Федора (Повного).

- 4) синтаксическими – в результате употребления перечисления, включающего логически слабо соотнесенные признаки:

...когда мы говорим о человеке, что он святой, мы имеем в виду, что в его жизни было что-то, что несмотря на прочие обстоятельства позволило человеку прийти к богу, и никто не говорил, что каждый вздох святого совершенен, что святые питаются амброзией и слушают радио «Радонеж». Наоборот, важно то, что святой – такой же человек, как и каждый из нас...³⁵

Наш материал дает основания говорить, что в интернет-проповеди ирония выполняет активационную и прагматическую функции. В первом случае привлекается внимание аудитории к важным для темы пастырского слова понятиям. Так, например, архимандрит Савва (Мажуко) начинает свою проповедь «О покаянии» с иронического пассажа:

Здравствуйте, друзья мои. Нас церковь к покаянию призывает так часто, что мы уже не знаем даже в чем каяться. Некоторые приходят и не успевают нагрешить, как уже приходит пора покаянию. Звучит, конечно, весело, смешно, но на самом деле покаяние – это большое дело, большое таинство...³⁶

Прагматическая функция иронии в интернет-проповедях проявляется в тех случаях, когда под видом насмешки выражается отрицательная оценка события, явления, поступка, о котором идет речь, и таким образом опосредованно формируется оценочная позиция слушателей:

...если вдуматься, действительно, что за дурацкая монополия на свечке? Почему нельзя прийти со своей? Зачем втридорога покупать храмовые свечи? Ведь, как учил дедушка Невзоров, свечка стоит меньше одного рубля, продается за минимум 15. Прибыль полторы тысячи процента!..³⁷

Использование иронии приводит к появлению новых для жанра проповеди стилистических компонентов – сниженности, разговорности, нивелированию характерного для классического пастырского слова торжественно-приподнятого оттенка звучания.

³⁵ Проповедь «О святых» иерея Александра (Кухты).

³⁶ Воскресная проповедь протоиерея Федора (Повного).

³⁷ Проповедь «О церковной свече» иерея Александра (Кухты).

Итак, система выразительных средств православной интернет-проповеди включает тропы и фигуры. Наиболее частотными тропами являются метафоры, эпитеты, сравнения и ирония, которая не входит в номенклатуру выразительных приемов классической проповеди и формирует особую стилистическую модальность проповедания в Интернете. Тропы выполняют в интернет-проповеди различные функции: прагматическую, активационную, концептуальную, моделирующую, эстетическую, интерпретирующую, текстообразующую. При этом доминирующую позицию занимают прагматическая и активационная функции, что позволяет усилить убеждающий и дидактический характер пастырского слова в Интернете.

Литература

- Агафонова 2019 – *Агафонова К.А.* Влияние православного христианства на формирование личности русского человека // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: Материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции: В 4 т. Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г. Т. 3. СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 11–14.
- Амельченков 2020 – *Амельченков В.Л.* Коммуникативная культура русской православной церкви в информационном пространстве современной России. М.: Изд-во РГСУ, 2020. 125 с.
- Баклыкова, Кондратьев 2024 – *Баклыкова Т.Ю., Кондратьев А.А.* Стратегии речевого воздействия в православном религиозном дискурсе // Петровские образовательные чтения, 2024. URL: <https://petrovskie-chteniya.ru/articles/strategii-rechevogo-vozdeystviya-v-pravoslavnom-religioznom-diskurse/?ysclid=mdaajkjt609826128> (дата обращения 12.04.2025).
- Дэвидсон 1990 – *Дэвидсон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
- Колобаев 2019 – *Колобаев П.А.* О некоторых особенностях и функциях тропов в святоотеческом наследии святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова // Научный диалог. 2019. № 5. С. 75–89.
- Лакофф 1990 – *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Лотман 1998 – *Лотман Ю.М.* Риторика // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 404–422.
- Маккормак 1990 – *Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
- Моллаева 2004 – *Моллаева А.А.* Лексико-синтаксическое своеобразие православной проповеди XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 249 с.

- Наумова 2024 – *Наумова А.В.* Символизм метафоры в христианском дискурсе и особенности его передачи при переводе (на материале перевода с русского языка на английский посланий патриарха Московского и всея Руси Кирилла) // Диалог культур. 2024. № 2 (57). С. 203–209.
- Петрова 2011 – *Петрова О.Г.* Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 3. С. 25–30.
- Прилуцкий 2013 – *Прилуцкий А.М.* Метафорика религиозного ритуального дискурса // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии. 2013. № 2. С. 21–38.
- Прохвятилова 1999 – *Прохвятилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 1999. 364 с.
- Прохвятилова 2007 – *Прохвятилова О.А.* Речевые средства религиозного стиля // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы II Международной научной конференции, Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2007. С. 640–644.
- Прохвятилова 2011 – *Прохвятилова О.А.* Выразительные средства современной православной проповеди // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Вып. 1 (13). 2011. С. 7–13.
- Рикер 1990 – *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
- Фролова 2021 – *Фролова Н.А.* Изобразительно-выразительные средства в языке русских проповедей XVIII века (на примере проповеди Ф. Прокоповича «Слово похвальное о флоте российском») // Интеграционные процессы в культурной и образовательной сферах. М.: МГУКИ, 2001. С. 16–24.
- Шабанова 2006 – *Шабанова З.Г.* Лингвистические средства воздействия православной проповеди: в историческом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 165 с.
- Шитиков 2011 – *Шитиков М.П.* Теория и практика перевода библейской метафоры // Дискуссия. 2011. № 4 (12). С. 60–62.
- Шитиков 2016 – *Шитиков М.П.* Реализация библейской метафоры «Я есть путь» в оригинале и переводах // Православие. Наука. Образование. 2016. № 1 (1). С. 73–78.
- Шукина, Хазанжи 2014 – *Шукина И.Н., Хазанжи Е.Н.* Средства воздействия в православном дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1 (25). С. 36–47.

References

Agafonova, K.A. (2019), "The influence of Orthodox Christianity upon forming the individual in a Russian person", in *Rossiia i mir v novoe i noveishee vremya – iz proshlogo*

- v budushchee: Materialy XXV yubileinoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia and the world in modern and contemporary times – from the past to the future. Proceedings of the 25th Anniversary Annual International Scientific Conference, St. Petersburg, March 22, 2019], Saint Petersburg, Russia, pp. 11–14.
- Amel'chenkov, V.L. (2020), *Kommunikativnaya kul'tura russkoi pravoslavnoi tserkvi v informatsionnom prostranstve sovremennoi Rossii* [The communicative culture of the Russian Orthodox Church in the information space of modern Russia], Izdatel'stvo RGSU, Moscow, Russia.
- Baklykova, T.Yu. and Kondrat'ev, A.A. (2024), "Strategies of speech influence in Orthodox religious discourse", in *Petrovskie obrazovatel'nye chteniya, 2024* [Peter the Great Educational Readings], available at: <https://petrovskie-cheniya.ru/articles/strategii-rechevogo-vozdeystviya-v-pravoslavnom-religioznom-diskurse/?ysclid=mbxcrqjptb3250669> (Accessed 12 Apr. 2025).
- Davidson, D. (1990), "What do metaphors mean?", in *Teoriya metafory* [Theory of metaphor], Progress, Moscow, USSR, pp. 173–193.
- Frolova, N.A. (2001) "Figurative-expressive means in the language of Russian sermons of the 18th century (based on F. Prokopovich's sermon 'Eulogy to the Russian fleet')", in *Integratsionnye protsessy v kul'turnoi i obrazovatel'noi sferakh* [Integration processes in cultural and educational spheres], MGUKI, Moscow, Russia, pp. 162–164.
- Kolobaev, P.A. (2019), "On some features and functions of tropes in the patristic heritage of St. Tikhon of Zadonsk and St. Ignatius Brianchaninov", *Nauchnyi dialog*, no. 5, pp. 75–89.
- Lakoff, D. (1990), "Metaphors we live by", in *Teoriya metafory [Theory of metaphor]*, Progress, Moscow, USSR, pp. 387–415.
- Lotman, Yu.M. (1998), "Rhetoric", in Lotman, Yu.M., *Ob iskusstve* [On art], Iskusstvo – SPb., Saint Petersburg, Russia, pp. 404–422.
- McCormack, E. (1990), "Cognitive theory of metaphor", in *Teoriya metafory* [Theory of metaphor], Progress, Moscow, USSR, pp. 358–386.
- Mollaeva, A.A. (2004), *Leksiko-sintaksicheskoe svoebrazie pravoslavnoi propovedi XVIII veka* [Lexico-syntactic distinctness of the 18th-century Orthodox sermon], Ph.D. Thesis (Philology), Makhachkala, Russia.
- Naumova, A.V. (2024), "The symbolism of metaphor in Christian discourse and features of its translation (based on the translation of messages by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia from Russian into English)", *Dialog kul'tur*, vol. 57, no. 2, pp. 203–209.
- Petrova, O.G. (2011), "Types of irony in literary text. Conceptual and contextual irony", *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 11, no. 3, pp. 25–30.
- Prilutskii, A.M. (2013), "Metaphorics of religious ritual discourse", *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo: Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii*, no. 2, pp. 21–38.
- Prokhavatilova, O.A. (1999), *Pravoslavnaya propoved' i molitva kak fenomen sovremennoi zouchashchei rechi* [Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of modern spoken speech], Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, Russia.

- Prokhvatilova, O.A. (2007), "Speech means of the religious style", in *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Volgograd, 24–26 aprelya 2007 g.* [Russian literature in the context of modern integration processes. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference, Volgograd, April 24–26, 2007], Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, Russia, vol. 1, pp. 640–644.
- Prokhvatilova, O.A. (2011), "Expressive means of the modern Orthodox sermon", *Science Journal of Volgograd State University, Linguistics*, vol. 13, no. 1, pp. 7–13.
- Ricoeur, P. (1990), "The metaphorical process as cognition, imagination, and sensation", in *Teoriya metafory* [Theory of metaphor], Progress, Moscow, USSR, pp. 416–434.
- Shabanova, Z.G. (2006), *Lingvicheskie sredstva vozdeistviya pravoslavnoi propovedi: v istoricheskom aspekte* [Linguistic means of influence in Orthodox preaching. A historical perspective], Ph.D. Thesis (Philology), Makhachkala, Russia.
- Shitikov, M.P. (2011), "Theory and practice of biblical metaphor translation", *Diskussiya*, vol. 12, no. 4, pp. 60–62.
- Shitikov, M.P. (2016), "Realization of the Biblical metaphor 'I am the way' in the original and translations", *Pravoslaviye. Nauka. Obrazovanie*, vol. 1, no. 1, pp. 73–78.
- Shchukina, I.N. and Khazan'ki, E.N. (2014), "Means of influence in Orthodox discourse", *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 25, no. 1, pp. 36–47.

Информация об авторе

Ольга А. Прохвятилова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; olgaprohvatilova@yandex.ru

Information about the author

Olga A. Prokhvatilova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; olgaprohvatilova@yandex.ru

Образ поэта и поэзии в «Беовульфе»: синтез культур в древнеанглийском поэтическом языке

Наталья Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия, ngvozd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация традиционного образа поэта в поэтическом сознании англосаксов в эпоху христианизации Англии. Предпринята попытка выявить представления о поэте и поэзии в древнеанглийской поэме «Беовульф» методом «пристального прочтения» эпизодов, связанных с поэтическим творчеством, в том числе через лингвостилистический анализ способов репрезентации фигуры нарратора в тексте. Проанализирована формульная фразеология и гномические пассажи, связанные с темой пира, с одной стороны, и бренности мира, с другой. Показан двойственный характер образа эпического поэта, который приоткрывает разные аспекты словесного творчества, сочетающего черты сказителя-скопа и поэта-скальда, а также христианского проповедника.

Ключевые слова: древнеанглийский поэтический язык, устно-эпическая традиция, «Беовульф», формульные выражения, христианская книжность, поэт и поэзия

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. Образ поэта и поэзии в «Беовульфе»: синтез культур в древнеанглийском поэтическом языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 109–122. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-109-122

The image of the poet and poetry in *Beowulf*. Synthesis of cultures in the Old English poetic language

Natalia Yu. Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia, ngvozd@yandex.ru

Abstract. The article considers the transformation of the traditional image of the poet in the poetic consciousness of the Anglo-Saxons in the era of the

Christianization of England. An attempt is made to identify ideas about the poet and poetry in the Old English poem “Beowulf” using the method of ‘close reading’ of episodes related to poetic art, including linguostylistic analysis of the ways of representing the figure of the narrator in the text. It analyses the formulaic diction and gnomic passages associated with the theme of the feast, on the one hand, and the frailty of the world, on the other. The dual nature of the image of the epic poet is shown, which reveals different aspects of verbal art, combining the features of a singer of tales (‘scop’) and a poet-skald, as well as a Christian preacher.

Keywords: Old English poetic language, oral epic tradition, “Beowulf”, formulaic expressions, Christian book culture, poet and poetry

For citation: Gvozdetskaya, N.Yu. (2024), “The image of the poet and poetry in *Beowulf*. Synthesis of cultures in the Old English poetic language”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 109–122, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-109-122

Восприятие поэтического творчества автором и аудиторией, тип авторского самосознания, характер и функции поэтического языка – все эти ключевые проблемы средневековой литературы обладают особой актуальностью для периода перехода от устной словесности к письменным памятникам, совершившегося в Англии VII–XI вв. под влиянием христианской книжности.

Древнеанглийская поэзия дошла до нас, за немногими исключениями, в составе четырех рукописей, созданных на рубеже X–XI вв., в эпоху расцвета в Англии монастырской культуры, вобравшей в себя не только позднеантичное наследие, но и устно-эпическую традицию аллитерационного стихосложения на древнеанглийском языке. Однако наиболее ранним свидетельством поэтического творчества англосаксов служит рассказ Беда (672–735) о неграмотном пастухе Кэдмоне, который, не будучи способен импровизировать под арфу светские песни на пирах, получил во сне дар воспеть Бога-Творца в кратком гимне, после чего сочинил ряд поэм на библейские сюжеты, став послушником в монастыре. Беда привел «Гимн Кэдмона» в «Церковной истории народа англоv» (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, IV, 24) в латинском переводе, однако вскоре на полях его рукописи был записан оригинал «Гимна» на диалекте Нортумбрии.

Фр.П. Магун выявил стереотипный, формульный характер фразеологии Гимна, приравняв Кэдмона к певцу-сказителю, который, согласно теории Пэрри-Лорда, не может обойтись без формул в процессе устного сочинения-исполнения [Magoun 1953].

Выяснилось, однако, что формулами изобилуют аллитерационные поэмы, созданные на основе латинских источников [Benson 1966], в их числе – восходящие к Кэдмону поэмы, сохранившиеся в рукописи конца X в. (Codex Junius). Использование письменными поэтами формульной фразеологии, сложившейся до знакомства англосаксов с христианской письменностью, невозможно связать с необходимостью «сочинять в процессе исполнения», на ходу подбирая выражения. Скорее можно говорить о потребности адаптировать чужеземные реалии к героико-эпической картине мира, запечатлевшейся в формульных выражениях.

Беда отличает «благочестивые» творения Кэдмона от тех «легкомысленных и пустых поэм», что пелись на пирах¹, противопоставляя религиозную поэзию поэзии мирской. А в конце VIII в. англосакс Алкуин прямо обличает мирскую поэзию, высказывая в одном из посланий негодование по поводу того, что в монастыре за трапезой звучат песни арфиста, прославляющего героев языческого прошлого: «Что общего между Ингельдом и Христом? Дом Божий не может вместить их обоих» (Ер. 80) [Смирницкая 2000, с. 315]. Однако само его предостережение говорит о том, что устная дохристианская поэзия была любима в монашеских обителях и не воспринималась как нечто чуждое. В начале IX в. использует героико-эпическую фразеологию поэт Кюневульф, который «вплел» свое имя рунами в концовки поэм на новозаветные и житийные темы².

Не только героико-эпическая фразеология находила себе место в христианских поэмах, но исконно германские героико-эпические сюжеты, получив развитие на письме, могли подвергнуться переосмыслению. Примером служит поэма «Беовульф», где мифологические темы (битвы с великанами и драконом) переплетаются с фрагментарными ссылками на распри засвидетельствованных в истории племен, благодаря чему возникает «образ сбивчивого, хаотического времени», разрушающий образ «абсолютного» эпического прошлого [Смирницкая 2011, с. 121]. История создания «Беовульфа», как и автор поэмы, неизвестны³. Поэтому целесооб-

---

¹ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов / пер. с лат., вступ. ст., коммент. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетей, 2001. С. 140.

² О тематике и языке этих фрагментов с «подписями» Кюневульфа см. [Гвоздецкая 2024].

³ Библейские аллюзии (упоминание Каина и Авеля), а также осуждение языческих обрядов не позволяет считать автора «Беовульфа» язычником, а отсутствие имени Христа и других элементов церковного вероучения препятствует отнесению поэмы к разряду христианского эпоса.

разно перенести акцент в ее изучении с фигуры анонимного автора на фигуру рассказчика (нарратора) и попытаться выявить те особенности поэтического языка и текста, которые позволяют понять отразившиеся в них представления о поэте и поэзии.

Кем же представляет себя в поэме нарратор? Формульные выражения с глаголом *hyran* «слышать» намекают на устную традицию, из которой певец-сказитель некогда черпал материал для рассказа: Ср.:

- *Hyrde ic þæt Yrse / wæs Onelan swen*, 62 «Слышал я, что Ирса была Онелы женой».
- *Ne hyrde ic sumlicor / ceol gegurwan*, 37 «Не слышал я, чтобы великолепно корабль украшали».
- *Hyrde ic þæt þam frætsum / feower mearas...*, 2163 «слышал я, что за украшениями четыре коня [последовали]».
- *Hyrde ic þæt he þone healsbeah / Hygde gesealde*, 2172 «слышал я, что ожерелье он Хюгд подарил»⁴.

Формула *'hyrde ic þæt'*, восходящая к устной традиции, когда-то, видимо, на самом деле сэкономила время сказителю, но также служила подтверждением истинности его слов и потому могла сохранить эту функцию (достоверности рассказа) в письменной речи. Конструкции с отрицанием (37) аналогична фраза *'ne seah ic wīdan feorh... / medodream maran'* (2014b–2016a) «не видал я в жизни... / большей медовой радости <радости на пиру>», где рассказчик выступает в роли свидетеля рассказываемого – кем он, разумеется, быть не мог. Поэтому в другом случае для подтверждения истинности рассказа употребляется фраза *'mære maðþumsweord manige gesawon'* (1023) «славный, драгоценный меч многие видели». В других случаях вместо глаголов слуха и зрения употребляется формула с глаголом *gefrīcgan* «узнать», ср.:

- *Ða ic wīde gefrægn*, 74a «Тут узнал я, что отовсюду...»
- *Ða ic on morgne gefrægn*, 2484a «Тут узнал я, что наутро...»
- *Ða ic æt þearfe gefrægn*, 2694a «Тут узнал я, что в беде...»
- *Ða ic snude gefrægn*, 2752a «Тут узнал я, что скоро...»
- *Ða ic on hlæwe gefrægn*, 2773a «Тут узнал я, что в кургане...»

(Ср. также ее варианты в строках 1–2, 1011–1012, 1027a и устойчивый оборот *mine gefræge* «насколько мне известно» в 776b, 837b, 1955b, 2837b.)

⁴ Оригинальный текст «Беовульфа» здесь и далее цит. по: Beowulf / ed. with an introduction, notes and new prose translation by M. Swanton. Manchester: Manchester University Press, 1990. 212 p. За цитатой следует номер поэтической строки без указания названия памятника. Перевод мой. – Н. Г.

Следует заметить, что параллельные выражения, образующие сердцевину формулы (*wide, on morgne, etc.*), относятся не к рассказчику, а к рассказываемому, обнаруживая «слитность» слова нарратора с сюжетом⁵. Наряду с этим, наречие *þa* «тогда» не указывает на какой-то определенный момент в повествовании, а выступает удобным средством перехода от одной темы к другой – повтор формульных выражений связывает повествование в единое целое. По-видимому, ту же роль играет и формула *'hyrde ic þæt'*. Таким образом, при использовании на письме формула начинает выполнять текстообразующую функцию, превращаясь в художественный прием⁶.

Опора на устную традицию, предполагающую непрерывную цепь сказителей, обнаруживается уже в зачине «Беовульфа», где нарратор говорит о себе во множественном числе: *Hwæt, we Gardena / in geardagum, / þeodcuniga / þrum gefrunon, 1–2* «Вот, мы копейных [воинственных] данов / в давние дни, / великих конунгов / славу узнали»⁷. Подобные зачины встречаются и в христианском эпосе, ср. *Hwæt, we feor ond neāh / gefrigen habbað* (Exodus 1); *Hwæt, we gefrunan / on fyrndagum* (Andreas 1); *Hwæt, we ðæt hyrdon / hæleð eahtian* (Juliana 1)⁸. И нередко включают ту же ссылку на «давние дни» (*on fyrndagum*), что и в «Беовульфе» (*in geardagum*), отмечая абсолютную «эпическую дистанцию», отделяющую рассказ от современности.

Применяя подобные формулы к собственному рассказу, в частности, формулу *'hyrde ic þæt'*, нарратор словно уподобляет себя тому безымянному поэту, который в эпизоде прославления Беовульфа (853–915) заводит песнь о подвигах Сигмунда, героя древних сказаний, ср.: *Welhwylc gescwæð / þæt he fram Sigemunde /*

⁵ Ср. «Эпическое слово неотделимо от своего предмета» [Бахтин 1975, с. 461].

⁶ Интересно, что в одном случае формула *'þa ic... gefrægn'* встречается в рассказе Беовульфа (2484а), что говорит об отсутствии границы между речью нарратора и героя.

⁷ Нерасчлененность «знания» и «слышания» содержится в самом значении глагола *gefricgan*: 'learn (orig. by inquiry), hear of' (Здесь и далее значения древнеанглийских слов даются по словарю Фр. Клэбера в издании: *Klaeber's Beowulf and the fight at Finnsburg / ed. with introduction, commentary, appendices, glossary and bibliography by R.D. Fulk, R.E. Bjork, J.D. Niles with a foreword by H. Damico. 4th ed. Toronto: University of Toronto Press, 2014. 498 p.*).

⁸ См.: *Andreas: An edition / ed. by R. North, M. Bintley. Liverpool: Liverpool University Press, 2016. P. 118, 217.*

secgan hyrde (874b–875) «Всё рассказал, / что он о Сигмунде / слышал, как говорили [или: что говорилось]». Слава (*dom*) Сигмунда – это, прежде всего, чье-то суждение, слово, молва о нем⁹ (ср. *Sigemunde gesprong æfter deaðdæge dom unlytel*, 884b–885 «о Сигемунде разошлась после дня смерти молва немалая»), без которой его подвиги были бы никому неизвестны.

Поэт в данном эпизоде, на первый взгляд, изображается как сказитель, поющий о древних временах, ср. *giddagemyndig, / se þe ealfela / ealdgesegena / worn gemunde*, 868b–870b «памятливый на песни, / он без счета / старых преданий / множество помнил». Начиная «(букв.) путь Беовульфа / умело продвигать / и мастерски слагать / рассказ подобающий, / слова изменять [варьировать]»¹⁰, он на самом деле рассказывает о Сигмунде (см. выше), т. е. восхваляет современника, сравнивая его с древним героем. Можно, однако, согласиться с О.А. Смирницкой в том, что сквозь образ эпического поэта проглядывает здесь иной образ: смысл этого отрывка «непостижимым образом двойится... Почти каждое слово в нем поддается по меньшей мере двоякому истолкованию: взглянешь с одной стороны – и перед нами портрет типичного эпического поэта (= скопа, сказителя); взглянешь с другой – и место скопа занимает скальд-славослов, сочиняющий стихи на случай» [Смирницкая 2004, с. 215]¹¹.

Певец, в частности, не получает здесь имени *scop*, как в других эпизодах, но именуется *cyninges þegn* (867b) «служитель конунга», *secg* (871b) «муж, герой», присоединяя свой голос к голосам прочих дружинников (*Þær wæs Beowulfes / mærdō mæned; / monig oft geswæd*, 856b–857 «Там была Беовульфа / слава воспета. / Многие часто говорили...»). Их хвалебные песни могли быть чем-то близки древнеисландским «драпам», сочинявшимся «дружинным размером» (дротткветт) и первоначально допускавшим амебежное исполнение [Стеблин-Каменский 1978, с. 66]. Тем более что и певец в данном эпизоде «Беовульфа» представлен как *guma gilphæden* (868a) «муж, хвалою нагруженный», где значение *gilp* ‘vow, boast, boasting’ может восходить к обычаю ритуализованной похвалы противников перед битвой [Смирницкая 2004, с. 218], т. е. к «актуальной», сочиняемой «на случай» поэзии.

⁹ *Dom* – это и ‘judgement’ и ‘glory’.

¹⁰ В оригинале: *sið Beowulfes / snyttrum styrian / ond on sped wrecan / spel gerade / wordum wrixlan* (872–874a). Глагол *styrian* многозначен: ‘stir up, disturb, tell of, recite’.

¹¹ Анализ семантики этих двусмысленных слов см.: [Смирницкая 2004].

Объяснение «двоению поэтического кода» следует искать не в исторической действительности (допуская существование местных скальдов при дворах англосаксонских королей) и не в осознанном намерении анонимного автора, а в «органической эволюции самой эпической традиции» [Смирницкая 2004, с. 214]. По-видимому, данный эпизод «Беовульфа» подспудно хранит память о тех малых жанрах, которые в эпоху христианизации были отвергнуты церковью «по причине своей актуальности, т. е. непосредственной связи с языческой практикой или просто обычаем» [Смирницкая 2000, с. 301]. Эпический жанр стал, так сказать, «лицевой стороной» древнеанглийской поэзии [Смирницкая 2004, с. 224]. В силу этого в «Беовульфе», с одной стороны, «не могут звучать иные песни, кроме эпических» [Смирницкая 2004, с. 221–222]. Поэтому даже набег Гренделя становятся известны людям благодаря «песням» (*gyddum*, 151a). Однако несмотря на диффузность значения слова *gydd* (вариант: *gidd*) ‘song, tale, (formal) speech, sententious utterance’, допускающую неотчлененность содержания от формы его передачи, иллюзорным оказывается представление о том, что здесь можно наблюдать картину зарождения эпического творчества, ведь набег продолжался всего «двенадцать зим» (*twelf wintra tid*, 147a)¹². Скорее можно думать, что эпический нарратив, благодаря своей универсализации, начинает восприниматься как единственная устная форма хранения знаний. Парадоксальный пример дает в этом плане поэма «Елена», где некто Иуда, у которого императрица по прибытии в Иерусалим пытается выведать место распятия Христа, представлен как знаток прошлого и потому назван *fyrngydda fröd* (Elene 542a) «умудренный в древних песнях»¹³.

Всякая «история», события давнего или недавнего прошлого, если они обладают общезначимой ценностью, неотделимы в древнеанглийской поэзии от песенного искусства. Однако в самом этом искусстве его «актуальная» составляющая – хвалебные или хулильные песни, стихи «на случай», давшие начало поэзии скальдов в Скандинавии – была вытеснена в Англии вследствие ограничений, налагавшихся церковью на сочинения «мирского духа». «Эпический размер спасла эпическая дистанция» в силу его

---

¹² Ср. в этой связи высказывание М.М. Бахтина: «тех гипотетических первичных песен, которые предшествовали сложению эпоей и созданию эпической традиции, которые были песнями о современниках и являлись откликом на только что свершившиеся события, мы не знаем» [Бахтин 1975, с. 457–458].

¹³ См.: Elene / ed. by P.O.E. Gradon. Revised edition. Liverpool: Liverpool University Press, 1996. P. 47. Перевод мой. – *Н. Г.*

«надмирности», которая создавала «возможности его переориентации на выражение ценностей христианского мира» [Смирницкая 2000, с. 301].

Подобную переориентацию можно наблюдать в образе нарратора в «Беовульфе». Хотя временами он изображает себя кем-то вроде сказителя, опирающегося на устную традицию, неожиданные переходы от рассказа к комментарию, пронизывающие собою текст поэмы, заставляют читателя увидеть происходящее иначе, чем это видится его героям. Так, в сцене похорон Скильда (26–52) нарратор вместе с персонажами любителю возложенными на погребальный корабль сокровищами (долженствующими обеспечить вождю почет в загробном мире), однако завершается эта сцена восклицанием, заставляющим усомниться в благой участи покойного: «и нет человека / из воинов этих, / стоящих под небом, / живущих под крышей, / кто мог бы ответить, / к чьим берегам / причалит плывущий» (49–52)¹⁴. Двойной смысл приобретает в этом контексте фраза: «сердца их печальны, / сумрачны души» (48–49)¹⁵, которая говорит о скорби героев, потерявших вождя, но, будучи обращена к читателю, намекает на печальную участь язычников, не ведающих вечной жизни¹⁶. Ср. далее ремарку о скоротечности земной жизни, перебивающую рассказ о победе Беовульфа над чудовищем: «Не властен смертный / спастись от смерти» (1002–1003)¹⁷. В ближайшем контексте поводом для этой ремарки служит бегство поверженного Гренделя, но ее обобщающий характер (в оригинале ссылка на весь род человеческий – *sawlberendra*, 1004b; *nīrða bearna*, / *grundbuendra*, 1005b–1006a) предрекают смерть самому Беовульфу.

Разумеется, голос нарратора, хотя и «не сливается с самим повествованием», вместе с тем, еще «не может вполне от него оторваться, объективироваться – например, в форме прямого авторского комментария» [Смирницкая 2004, с. 222]. Однако повторяемость ремарок рассказчика свидетельствует, что в «Беовульфе» «эпическое прошлое освещается из настоящего, теряя свою абсолютность» [Смирницкая 2004, с. 222]. Таким своеобразным комментарием «из настоящего» выступают ремарки нарратора во

¹⁴ Беовульф: Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 20. Нумерация строк следует указанному изданию.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ср. в этой связи эпизод из «Церковной истории народа англос» Беды, где решающим доводом в пользу крещения оказалась для короля Эдвина мысль о том, что язычество не обещает ему вечного блаженства за гробом (*Hist. eccl.*, II, 13).

¹⁷ Беовульф: Эпос... С. 85.

второй части поэмы, акцентирующие тему бренности мира, ср. описание скорбящего о смерти сына безымянного старца, чья фигура выпадает как из основной сюжетной линии, так и ее ответвлений. Завершающие этот эпизод строки предсказывают гибель героического мира: «Умолкли арфы, / и прежних пиршеств / не будет больше!»¹⁸. А в описании битвы Беовульфа с драконом снова вторгается голос рассказчика, предрекающий смерть героя: «и суждено ему / в край далекий / уйти, покинув / юдоль земную, / как и всякому смертному!» (2588–2590)¹⁹. В последнем примере гномический характер высказывания нарратора маркируется в оригинале повторением глагола *sceal* («дóлжно»), который в начале поэмы отмечает максимы героического кодекса, ср. «С детства наследник / добром и дарами / дружбу дружины / должен стяжать» (19–21)²⁰. Тем самым создается контраст между утверждаемыми в начале героико-эпическими ценностями и их переоценкой в плане нового мироощущения в конце. И речь идет не о безусловном принятии героем смерти как обещающей посмертную славу, а о тщетности земных усилий – неслучайно земная жизнь обозначается в 2591а как *læn-dagas* ‘transitory days’.

Обратимся к эпизодам поэтического творчества, представленным в самой поэме. Все они так или иначе связаны с пирами, но пиры эти, при всем их сходстве, различны, как различен и образ в них поэта-скопа.

Первый пир (или ряд пиров, которые привели в ярость Гренделя, строки 86–101) прославляет строительство Хеорота, дворца, воплощающего радости дружинного быта – их обозначает слово *dream*, ключевое в данном эпизоде, однако весь этот эпизод фактически сведен к песни о сотворении мира (90–98), о самом пире напоминают лишь застольные клики и звуки арфы. Хеорот – не просто дворец, а центр вселенной, символ гармонии и счастья, которые, по христианским представлениям, неотделимы от единого Бога. Именно библейского Бога, а не военного вождя, воспевают скоп, и песнь его напоминает по фразеологии «Гимн Кэдмона», первую известную христианскую поэму англосаксов:

«Поет он о том, / как Создатель устроил / сушу – равнину, / омытую морем, / о том, как Зиждитель / упрочил солнце / и месяц на небе, / дабы светили / они земнородным, / и как Он украсил / зеленью

¹⁸ Там же. С. 183. В оригинале: *Nis þær hearpan sweg, / gomen in gearдум, / swylce ðær iu wæron* (2458a–2459).

¹⁹ Там же. С. 191.

²⁰ Там же. С. 18.

земли, / и как наделил Он / жизнью тварей, / что дышут и движутся» (92–98)²¹. Радость связывается здесь не с дружинным образом жизни, а с самой жизнью как даром Творца.

В образе придворного певца, способного правдиво рассказать об «эпическом» прошлом, проглядывают черты проповедника, стремящегося поведать библейские истины (так что выражение *swutol sang scopes*, 90a «правдивая песнь скопа» обретает двойной смысл). Заметим, что библейский подтекст не дан здесь явно, так что не сразу можно догадаться, что имеется в виду. Так, перед началом песни сказитель характеризуется как «тот, кто умел (букв.) начало людей издалека рассказать» (*se þe cuþe frumsceaft fira feorran recsan*, 90a–91). Можно подумать, что речь пойдет о происхождении какого-нибудь древнего рода, и лишь смысл дальнейших слов указывает на акт «первотворения» (*frumsceaft* ‘beginning, origin, creation’).

Второй пир – это очередная трапеза, почти что бытовая сцена при дворе Хродгара, куда является Беовульф. Скоп предстает здесь только как представитель дружинного мира, а содержание его песни не оговаривается: *Scop hwilum sang, / hador on Heorote*, 496b–497a «скоп временами пел, / чистым голосом в Хеороте». Появляются детали антуража: скамьи, на которых сидят гости, вкушая медовую брагу; покрытые чеканным узором чаши с элем, которые подносит героям «кольцеукрашенная» (*beaghroden*) супруга Хродгара (491–496a, 620–624). Разумеется, быт этот – героический, и потому есть здесь эпитеты воинов-героев (*swiðferhþe*, 493a; *þryðum dealle*, 494a; *duguð unlytel*, 498a). Вся эта сцена представляется как *hæleda dream*, 497b «радость героев».

Третий пир посвящен победе Беовульфа над Гренделем и занимает центральное место в поэме. В его описании присутствуют все элементы пиршественного ритуала, в том числе песнь скопа. И вместе с тем, праздничное зрелище омрачается такими деталями, как побитые стены и сорванные двери в зале, где недавно кипело сражение. А сам пир становится в «отступлении» нарратора символом скоро преходящей жизни:

«Не властен смертный / спастись от смерти: / ему, гонимому / Судьбой, открыта / одна дорога – / в приют, готовый / принять земное / души вместилище / на ложе смерти, / где сон последний – / отдохновение / от буйного пиршества» (1002–1008)²².

²¹ Там же. С. 23.

²² Там же. С. 85–86.

Соответственно, двойится на этом пиру и содержание песни «Хродгарова скопа» (Hroðgares scop, 1066b), рассказывающей о распре данов и фризов: победу одерживают даны, однако их вождь Хнаф погибает в битве при Финнсбурге, а его сестра Хильдебург лишается и мужа, и сына. Скоп как будто с самого начала придает своей песне зловещий смысл, обещая рассказать, «как воину Хальфдана / Хнафу Скильдингу / смерть суждена была / на поле фризском» (1069–1070)²³. Действительно, далее на первый план в его рассказе выступает не доблесть сражающихся, а тема смерти. В центре оказывается сцена сожжения павших и плач Хильдебург:

«Погребальный плач / затянула она, / вой скорбящей жены, / и взметнулся дым, / в поднебесье огонь, / пламя под облака: / кости плавильсь, / кожа углилась, / раны лопались / и сочилась кровь. / Так пожрал дух костра, / пламя алчное, / лучших воинов / двух враждебных племен – / и не стало их» (1117–1124)²⁴.

В описании кремации слышится отзвук представлений о быстротечности земной жизни и бессмысленности военных побед. Трактовка сюжета в Финнсбургском эпизоде отвечает не героико-эпическим ценностям, а христианским представлениям о бренности мира. Сквозь песнь скопа слышится голос нарратора.

Четвертый пир посвящен празднованию победы над матерью Гренделя. Атрибуты его отмечены скупо, а в центре стоит описание рукояти волшебного меча, где рунами запечатлена история гибели восставших на Бога гигантов (1688–1698), и монолог Хродгара, предостерегающего Беовульфа от гордыни посредством примера несправедливого Херемода (1709–1724). Представляется, что оба эти продукта словесного творчества «восполняют» здесь отсутствие эпических песней, поскольку берут на себя их функции, отразившиеся в других эпизодах. В первом эпизоде виден библейский образ (потоп), сближающий руническую надпись с песнью о первотворении; во втором – христианская метафорика (наименования дьявола), которая присутствовала в песни дружинника о Херемоде, последовавшей за его песнью о Сигмунде в сцене скачек (901–915). Хродгар называет свою речь тем же словом (gid), каким обозначаются в поэме эпические песни (ср. выше многозначность gydd/gidd): Ic þis gid be þe / awræc, wintrum

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Там же. С. 93.

frod (1723b–1724a) «Я эту песнь [или: рассказ] для тебя / сложил, зимами умудренный»²⁵.

Пятый пир происходит по возвращении Беовульфа на родину. В центре его – монолог героя о приключениях в Дании, упоминающий пиры, где в роли певца выступает сам Хродгар: «Сам же Скилдинг / седой, многоопытный / нам поведывал / о былых временах – / и словам его / арфа вторила, / сладкозвучное древо» (2105–2108)²⁶. Однако едва ли можно уравнивать Хродгара с эпическим сказителем, ведь рассказывает он о минувших годах своей собственной жизни (2107–2113а). Другой интересный момент – это то, что повесть Беовульфа включает историю Ингельда, которая входила в эпический «репертуар», известный по поэме «Видсид». В речи Беовульфа эта история связана со сватовством Ингельда к Фреавару, дочери Хродгара, и выглядит как предсказание (о возобновлении распри между данами и хадобардами). Однако весь этот рассказ ведется в формах презенса, за которыми угадывается «историческое настоящее» (*praesens historicum*). Границы эпического жанра, вбирающего в себя разные виды словесного творчества, оказываются неясными, герой вторит голосу нарратора, а сюжет об Ингельде предвосхищает мрачные сцены распри, которые пронизывают собой последнюю часть поэмы.

Подведем итоги. В поэзии англосаксов синтез устно-эпической словесности и христианской книжности затронул способ использования традиционного поэтического языка (применение героико-эпической фразеологии к инокультурным реалиям), но также привел к изменению характера его бытования в произведениях на исконные сюжеты (поэма «Беовульф»). Наличие в тексте формул «устного сказа» еще не говорит о его устном происхождении: таковые из средства устной импровизации превращаются в художественный прием, обеспечивающий цельность композиции. Универсализация эпического жанра приводит в Англии к вытеснению поэзии, сочиняемой «на случай», и через переосмысление формульных выражений создает двойственность в восприятии поэтического творчества, допуская возможность его переориентации на христианскую систему ценностей. Благодаря этому усложняется как образ нарратора, так и образ традиционного эпического поэта, чьи песни обретают иной смысл.

²⁵ В переводе В. Тихомирова сохранен лишь один из смыслов слова *gid*, так как подобная «диффузность» значения отсутствует в современных языках: «Вот урок тебе, / мудрая притча, / слово старца, / вождя многозимнего» (1722–1724) (Беовульф: Эпос... С. 134).

²⁶ Там же. С. 160.

Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 810 с.
- Гвоздецкая 2024 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Древнеанглийская лексика и фразеология лирико-дидактических концовок поэм с руническими подписями Кюневульфа (опыт сопоставительного анализа) // Эмпирические исследования германских языков: Сб. статей. Вып. 7. М.: Языкознание, 2024. С. 74–89.
- Смирницкая 2000 – *Смирницкая О.А.* Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича // М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 297–317.
- Смирницкая 2004 – *Смирницкая О.А.* Неопознанные субъекты (две заметки по исторической поэтике) // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М.И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 203–228.
- Смирницкая 2011 – *Смирницкая О.А.* О второй части «Беовульфа» (из лекций по исторической поэтике) // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Вып. 9. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 117–137.
- Стеблин-Каменский 1978 – *Стеблин-Каменский М.И.* Историческая поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 176 с.
- Benson 1966 – *Benson L.* The literary character of Anglo-Saxon formulaic poetry // Publications of the Modern Language Association of America. 1966. Vol. 81. P. 334–341.
- Magoun 1953 – *Magoun Fr.P.* The oral-formulaic character of Anglo-Saxon narrative poetry // *Speculum*. 1953. Vol. 28. P. 446–457.

References

- Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years], *Khudozhestvennaya literatura*, Moscow, USSR.
- Benson, L. (1966), “The literary character of Anglo-Saxon formulaic poetry”, *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 81, pp. 334–341.
- Gvozdeckaya, N.Yu. (2024), “Old English lexicon and phraseology of lyric-didactic endings of poems with runic signatures by Cynewulf (An attempt of comparative analysis)”, in *Ehmpiricheskie issledovaniya germanskikh yazykov. Sbornik statei* [Empirical studies of Germanic languages. Collected articles], *Yazykoznanie*, Moscow, Russia, iss. 7, pp. 74–89.
- Magoun, Fr.P. (1953), “The oral-formulaic character of Anglo-Saxon narrative poetry”, *Speculum*, vol. 28, pp. 446–457.
- Smirnikskaya, O.A. (2000), “Two legends about the first poets: Caedmon and Bragi”, in *Drugie srednie veka: K 75-letiyu A.Ya. Gurevicha* [Other Middle Ages. On the 75th

- anniversary of A.Ya. Gurevich], Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 297–317.
- Smirnitskaya, O.A. (2004), “Unidentified subjects (two notes on historical poetics)”, in *Slovo v perspektive literaturnoi ehvolyutsii: K 100-letiyu M.I. Steblin-Kamenskogo* [The word in the perspective of literary evolution. On the 100th anniversary of M.I. Steblin-Kamensky], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 203–228.
- Smirnitskaya, O.A. (2011), “On the second part of Beowulf (from lectures on historical poetics)”, in *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poehtike* [Atlantica. Notes on historical poetics], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, iss. 9, pp. 117–137.
- Stebelin-Kamenskii, M.I. (1978), *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR, pp. 65–69.

Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19/3; ngvozd@yandex.ru

Information about the author

Natalia Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; 19/3, Bolshaya Lubyanka St., Moscow, Russia, 107031; ngvozd@yandex.ru

Сновидческий нарратив в условиях перехода к цифровой коммуникации

Лилия А. Усманова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, usmanova77@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются процессы адаптации сновидческого нарратива к условиям цифровой среды, затрагивающим ключевые когнитивные процессы: переработку информации, интеграцию опыта и коллективную интерпретацию. В результате рассмотрения текстов, представленных на площадках различных сновидческих форумов, были выявлены семантические доминанты данного вида дискурса и показаны тенденции речевых сдвигов и трансформаций данного нарратива, обусловленные влиянием цифровой среды. Определено, что современные рассказы о снах могут включать новые лексические единицы, связанные с технологиями или актуальными социальными темами, нестандартные грамматические конструкции, отражающие фрагментарный и ирреальный характер сновидений, характерные эмоционально-оценочные средства, направленные на компенсацию невербального эмоционального выражения. Выявляется, что эти изменения отражают синтез традиционных механизмов смыслообразования с новыми цифровыми практиками. Отмечается, что соединение традиции и инноваций позволяет данному жанру оставаться актуальным, совмещая глубину архаичных символов с динамикой цифровой культуры.

Ключевые слова: рассказ о сновидении, Интернет, мультимодальность, цифровая трансформация, цифровой нарратив

Для цитирования: Усманова Л.А. Сновидческий нарратив в условиях перехода к цифровой коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 123–134. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-123-134

Dream narrative in the transition to digital communication

Liliya A. Usmanova

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Russia, Kazan, usmanova77@rambler.ru*

Abstract. The article considers the adaptation processes of the dream narrative to the conditions of the digital environment, affecting key cognitive processes: information processing, integration of experience and collective interpretation. The review of texts presented on the sites of various dream forums, resulted in revealing the semantic dominants of the referred type of discourse were identified and in showing the tendencies of speech shifts and transformations in the narrative due to the influence of the digital environment. It is determined that modern dream narratives may include new lexical units related to technology or topical social themes, non-standard grammatical constructions reflecting the fragmentary and unreal nature of dreams, characteristic emotional-evaluative means aimed at compensating non-verbal emotional expression. It is highlighted that those changes reflect the synthesis of traditional mechanisms of meaning-making sensemaking with new digital practices. It is also noted that the combination of tradition and innovation allows the genre to remain relevant, combining the depth of archaic symbols with the dynamics of digital culture.

Keywords: dream narrative, Internet, multimodality, digital transformation, digital narrative

For citation: Usmanova, L.A. (2025), "Dream narrative in the transition to digital communication", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 123–134, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-123-134

Введение

Исследование языка сновидений – междисциплинарная область, охватывающая широкий спектр направлений – от когнитивной лингвистики и психоанализа до корпусных исследований и цифровой антропологии. В отечественной науке язык сновидений изучается преимущественно в контексте художественной литературы, психолингвистики и когнитивной лингвистики [Берестнев и др. 2024; Берестнев 2011; Буякас, Попов 2012; Мальцева 2011; Рассказы о сновидениях 2009]. Ю.М. Лотман, рассматривавший сон «в виде сложного и противоречивого семиотического клубка»,

«нулевого пространства», которое заполняется в зависимости от типа истолковываемой культуры, подчеркивал его хрупкую и многозначную природу, делающую его «резервом семиотической неопределенности» [Лотман 1992, с. 224–226]. Нереальная реальность, для описания которой естественный язык является средством метаописания образов сновидений, может быть истолкована благодаря когнитивным алгоритмам, опирающимся на языковые механизмы (символы, метафору, метонимию, прагматическое расширение, паронимические связи и др.) [Берестнев и др. 2024; Берестнев 2011]. Пересечение семиотического кода сновидений с естественным языком обусловлено единными когнитивными механизмами, действующими в человеческой психике, это и определяет актуальность ментальных моделей языка в отношении других семиотических кодов (в том числе образов сновидений) [Берестнев 2011, с. 405].

Сновидения в рамках психоаналитического подхода рассматриваются как один из основных путей для понимания бессознательных процессов, лежащих в основе эмоций, желаний и конфликтов. Согласно теории психоанализа З. Фрейда, образы сновидений предстают как знаки бессознательного в виде зрительных впечатлений, интерпретируемые через символы или созвучные слова¹. Таким образом через сновидения бессознательное рассказывает о скрытых потребностях человека, приоткрывая завесу к пониманию самых сокровенных, недоступных сознанию желаний и фантазий.

К. Юнг, продолживший идеи Фрейда, ввел понятие коллективного бессознательного, утверждая, что сны могут также отражать архетипические символы, общие для всех людей. По К. Юнгу, архетипы коллективного бессознательного, являя себя в сновидениях, указывают на глубинные содержательные доминанты человеческой психики. При этом представленные мотивы могут варьироваться и иметь различные формы выражения, оставляя целостное содержание².

Индивидуальная природа сна, подчеркиваемая исследователями, позволяет рассматривать данный феномен как «принципиальный язык для одного человека» [Лотман 1992, с. 225], исходя из этого, сновидец – единственный человек, кто может понять свой сон. Данный принцип лег в основу феноменологического подхода, который ориентируется не на внешний источник интерпретации, а ищет возможности для другого типа понимания и полагается на «собственное, непосредственное внутреннее видение <...> на

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2011.

² Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

собственную, имманентную сознанию очевидность, достоверность которой представлена в сознании чувством внутренней неотменяемой необходимости» [Буякас, Попов 2012, с. 70].

Признание сновидений как ценного источника для изучения языковой креативности, культурной идентичности и когнитивных процессов дает возможность подойти к данному феномену многоаспектно. В настоящее время используются методы корпусной лингвистики, контент- и кластерный анализ (LIWC, DreamBank и т. п.), что позволяет выявлять латентные структуры и социокультурные различия в сновидческих нарративах [Cariola 2010; Niederhoffer et al. 2017].

Современные работы объединяют анализ языковых особенностей с культурно-историческим контекстом, исследуют полисемию символов, влияние массовой культуры и цифровых технологий на язык сновидений³. Интеграция культурологических подходов дает возможность рассматривать тексты о сновидениях в аспекте кросс-культурных пересечений и мультилингвизма: анализируются сны билингов и зависимость переключения языков от контекста, изучается влияние доминирующего языка на эмоциональную окрашенность рассказа, выявляются культурные различия разноязычных нарративов и проч. [Niederhoffer et al. 2017].

В корпусных исследованиях когнитивная природа сновидений рассматривается в аспекте их вербальной репрезентации в устном дискурсе: просодическое и семантико-синтаксическое членение речевого потока, паузация, тональные акценты, темповые различия, иллокутивная и фазовая структура, полипредикативность, речевые сбои и затруднения и др. [Рассказы о сновидениях 2009]. Полученные результаты позволяют взглянуть с другого ракурса на устройство грамматической системы языка и обнаружить новые семантические связи в языковой структуре.

Известны корпусные исследования нарративов снов, размещенных в социальных сетях, которые проводились с помощью алгоритма LDA, предназначенного для автоматического обнаружения тем. Было выяснено, что доминантными темами в соцсетях, посвященных сновидениям, являются страхи, отношения и работа [Niederhoffer et al. 2017]. Также имеются описания метода LIWC-анализа лингвистического стиля текстов, позволяющего обнаружить в упомянутых социальных сетях аномальные паттерны, связанные с психическим здоровьем сновидца [Niederhoffer et al. 2017, pp. 17–18].

---

³ Dream linguistics. URL: https://www.academia.edu/29448862/Dream_Linguistics (дата обращения 20.04.2025).

Исследование сновидческого нарратива набирает обороты и становится актуальной областью изучения антропологических аспектов бытия.

В условиях цифровизации коммуникации сновидческие нарративы все чаще существуют в виртуальном пространстве – на форумах, в соцсетях и специализированных платформах. Это создает новые контексты для их лингвистического анализа, где сочетаются архаичные символы, цифровые метафоры и специфика сетевого взаимодействия. Онлайн-форумы сновидений сегодня становятся не только площадкой для индивидуального выражения, но и пространством коллективного осмысления, где язык сна отражает как глубинные личные переживания, так и тенденции цифровой эпохи.

В современных реалиях нарратив о сновидении как речевой жанр повседневного общения, переходя из сферы так называемой «житейской идеологии» бытовой коммуникации в пространство Интернета, становится гибридным образованием, неся отпечаток нового коммуникативного пространства. В цифровой среде сновидческий нарратив как поликодовый текст представляет собой сложное коммуникативное образование, объединяющее вербальные, визуальные и символические элементы, которые взаимодействуют для передачи многомерного смысла. Его анализ требует учета особенностей мультимодальности и семиотической интеграции. Сохраняя базовые дискурсивные стратегии устной монологической речи, данный жанр претерпевает трансформации в цифровом пространстве, обретая новые коммуникативные и структурные особенности. Данный аспект и стал предметом наших наблюдений, которые мы проводили на материале сновидческих форумов «Тонкий мир», «Мир снов», «Сны и Мы», «Сомнамбулятор» и др. На данных площадках пользователи размещают рассказы о своих снах, делятся образами и эмоциями, которые возникают во сне, другие пользователи или психологи-эксперты анализируют детали сновидений, пытаются разобраться в их значении, дают рекомендации по толкованию снов или пониманию психологических концепций, связанных со сновидениями. При таком взаимодействии существенно расширяются возможности понимания и интерпретации сновидческого опыта, поскольку индивидуальный опыт становится частью коллективного, а личные смыслы – частью общего культурного и психологического поля. Такой формат позволяет участникам не только глубже понять свои сны, но и расширить горизонты самопознания за счет коллективного осмысления, обмена ассоциациями и совместного поиска новых интерпретаций.

Основная часть

Рассказ о сновидении мы рассматриваем как вербальное представление «неверифицируемого психосоматического опыта» [Лазарева 2018; Сафронов 2016; Niebrzegowska 1996], который, пройдя через систему «коммуникативных фильтров», культурных и традиционных фреймов, воплощается в устных рассказах в соответствии с определенными жанровыми, сюжетными, композиционными моделями» [Сафронов 2016, с. 8]. Специфика нарративов о снах (на логико-семантическом, мотивно-образном уровнях вкупе с апелляцией к прагматическому, событийному и коммуникативному контекстам) позволяет отнести их к отдельной жанровой группе.

Структурно-композиционная устойчивость жанра, проявляющаяся в виде трехчастной структуры рассказа (завязка (обстоятельства сна), кульминация (ключевые события), развязка (пробуждение и интерпретация), своеобразная грамматика и диссонансный синтаксис сновидческого нарратива в цифровой среде часто заменяется фрагментацией, когда вместо классической структуры получаются краткие посты-впечатления («Приснился взрыв, потом я летал. Что бы это значило?»⁴). Такая редукция событийности напоминает «диффузный хронотоп» постмодернистских снов, представляющий путь к взаимодействию с бессознательным сновидца, «диалога с хаосом», в виде обрывочных сведений из области эзотерики, киноиндустрии, рекламы и проч. Аналогия с постмодернизмом наблюдается в подаче материала на упомянутых выше форумах, гипертекстуальность позволяет линейным устным нарративам замещаться нелинейными форматами: ветками обсуждений на форумах, интерактивными дневниками снов с тегами (#кошмар, #вещийсон). Это дает возможность участникам создавать сетевые ассоциативные связи, как в постмодернистской прозе, где сон становится «лабиринтом смыслов».

Из новейших достижений в области снотолкований можно отметить возросшую роль технологий в интерпретации сновидений и передачу полномочий снотолкователя искусственному интеллекту, сервисам типа ASRP, которые используют нейросети (ChatGPT4.5, Pinecone) для автоматической классификации снов, выявления паттернов и генерации интерпретаций⁵. При этом меняется ком-

⁴ Мир снов. URL: <https://forum.mirsnov.com/forums/34/page-2> (дата обращения 30.03.2025).

⁵ Сонники на базе ИИ: лучшие сервисы для толкования и визуализации снов с помощью нейросетей. URL: <https://skillbox.ru/media/code/sonniki-na-baze-ii-luchshie-servisy-dlya-tolkovaniya-i-vizualizatsii-snov-s-pomoshchyu-neyrosetey/> (дата обращения 30.03.2025).

муникативная ситуация: рассказчик превращается в соучастника алгоритмического процесса.

Трансформация коммуникативного контекста отражается в принципах интерпретации сновидений, когда личный опыт превращается в коллективный дискурс, формируется коллективный разум и интерпретация сна выглядит как диалог («Если бы это был мой сон...»). Происходит процесс децентрализации автора, грань между рассказчиком и аудиторией стирается, комментаторы становятся соавторами интерпретации, что перекликается с борхесовской идеей сна как «игрового поля»⁶.

Сновидец при этом может являться не пассивной стороной, а активным творцом смысла. Данный подход, основанный на принципах психотерапевтических нарративных практик Уайта/Эпстона [Epston 1989; Colic 2007], получил название «краудсорсинг смыслов», имплицитно подразумевается его ориентированность на сотрудничество и эмоциональную поддержку.

Коммуникативные особенности современного сновидческого повествования на форумах проявляются через мультимодальность, интерактивность и языковую гибридность. На данных площадках текстовые описания могут дополняться AI-визуализациями, графическими элементами пиктограмм (эмодзи, мемы), даются гиперссылки на культурные контексты, хештеги, приводятся скриншоты дневников, аудиозаписи и проч., что все больше напоминает постмодернистские «мистериальные хронотопы» с их пониманием сна как «пространства промежутка», фрагментарности, непостоянства и хаотичности.

Например, сон о полете наряду с традиционной подачей через лексические маркеры перемещения по воздуху: «...коврик немного **приподнимает** меня **над землей** и мы **летим**. Какая прелесть!»⁷ может быть представлен в виде поста с тегом #полет, генерации образа леса и комментариев: «Этот лес – как твой страх перед экзаменом?» + гифка с падающим котом⁸.

Или сон-кошмар («За мной гнался медведь, кричал, но голоса не было») в трансформированной версии может выглядеть как тикток-видео с субтитрами, звуком тяжелого дыхания, хештегом #кошмар. В комментариях к этому сюжету даются советы по медитациям и ссылки на статьи о тревоге⁹.

⁶ Борхес Х.Л. Письмена Бога. М.: Республика, 1992.

⁷ Сны и мы. URL: <https://luuna.ru/viewtopic.php?f=1&t=14888&p=62148&hilit=полет#p62148> (дата обращения 30.03.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Используемые мемы и эмодзи как способ компенсации отсутствия интонации, жестов, мимики в условиях виртуального общения призваны, с одной стороны, заменять вербальные описания эмоций. Это упрощает коммуникацию, в то же время усложняет глубину интерпретации повествования и создает многомерность восприятия, открывая новые грани состояний рассказчика. Но с другой стороны, за счет юмористических комментариев и мемов может смягчаться или усиливаться эмоциональная окраска снов. Например, *«Вчера приснилось, что нахожусь на берегу Байкала – каменистый берег усыпан небольшими круглыми гладкими камнями (наверное такие там и есть), чистойшая прозрачная вода но как будто в холодное время года – вода покрыта корочкой тонкого прозрачного льда. Байкал – он и есть Байкал. Я ходила в воде по щиколотку, но холода не чувствовала, ногам было просто приятно свежо. Скажу, что Байкал – мечта с детства, но пока ни разу там не была. Еще во сне присутствовал какой-то мужчина, у меня к нему были очень теплые чувства, что то схожее с влюбленностью... но не тот, кто сейчас рядом со мной.*

Девочки.... вот мой сон. В точности!!! пару дней назад познакомилась с мужчиной в инете – у него это фото. Сам с Байкала... Говорю, на фото в воде тоненьких кусочков льда не хватает... а он – “лед есть, просто на фото не видно. Сам фотографировал”»¹⁰ (здесь и далее орфография и пунктуация автора поста сохранены. – Л. У.).

Эволюция языковых средств в сновидческих нарративах, особенно в цифровом пространстве, демонстрирует синтез традиционных метафорических паттернов и новых технологических реалий. Это явление отражает адаптацию языка к вызовам информационной эпохи, сохраняя при этом связь с архетипическими символами. Наряду с традиционными архетипами (вода – эмоции, лес – неизвестность, дом – безопасность и т. п.) возникают цифровые метафоры (например, *«Сон глючил, как зависший ноутбук»* или *«...как старая игра»*), что приводит к когнитивному диссонансу и созданию новых паттернов смыслообразования, сближению самого сна с процессом игры. Рассмотрение сна и компьютерного виртуала – «сфер онтологически неукрепленных форм» можно объединить по ряду общих черт: спонтанность, фрагментарность, стремление выразить свое состояние на языке объективной реальности, изменение статуса личности и т. д.¹¹ Например, *«...сон был так похож на какую то компьютерную игру... как будто меня пере-*

¹⁰ Тонкий мир. URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения 20.08.2024).

¹¹ Метафора сновидения // Культурология: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1300–1303.

несли туда. все было таким как бы сказать утрированным, пейзажи нарисованные, краски яркие... потом это все как бы ступевалось... смысл игры слабо угадывался... человека переносят на остров, там обитают динозавры, но они не главные персонажи... суть в самом прохождении... помню как я ходила по каким то джунглям... со мной был еще человек... мне казалось, что это мой бывший муж, но я не уверена...такое ощущение, что человек, находящийся рядом со мной иногда меняется...»¹².

Культурно-историческая динамика образов сновидений представлена в их эволюции с культурными и научно-технологическими парадигмами, являясь отражением изменений в мировоззрении общества. Их интерпретация и значение варьируются от мифологического сакрального кода до инструмента психоанализа и цифровых метафор. Как индикаторы культурных сдвигов и способов адаптации к новому опыту и вызовам современности их набор может расширяться за счет номинаций виртуальной среды (например, интернет как символ связи, смартфон как расширение личности). Появление гибридных метафор в рассказах о сновидениях (например, «цифровой лес», «зависнуть в облаке») и метафор виртуальной реальности («аватар», «интерфейс», «глюк») отражают влияние технологий на язык и динамику его изменений в условиях Интернет-коммуникаций. Например: «...Перед глазами экран по типу зоот 5*5 ячейки. Сознание мое там <...> ловлю команду искать глубинные, корневые программы или задания. Ощущаю как тренировка внимания <...> Продолжаю наблюдать... при этом внешне не сплю, могу двигать руками и мое внимание там, на экране где 25 окошек, в каждом что-то происходит... <...> глубинные задачи ищу я или мое подсознание наблюдая за тем что на экране... Пытаюсь встать. Тело не слушается, ватное <...> Экран передо мной до сих пор»¹³. Термины, характерные для ИТ и цифровых интерфейсов (экран по типу зоот, 5*5 ячейки; команда искать глубинные, корневые программы; 25 окошек), используемые рассказчиком, представляют смесь техно-нарратива и метафизического поиска, где экран ассоциируется с окном в иную реальность, команда – с сигналом подсознания, а множество процессов видятся как параллельные потоки информации. Это демонстрирует, как язык цифровой культуры проникает в структуру подсознания и становится частью описания субъективной реальности.

¹² Сомнамбулятор: сны, толкования, сновидцы, разное. URL: <http://www.somn.ru/dreams/2006/october/7/smith/fiction/dream-70578-pochtikak-v-kompyuteroy-igre.html> (дата обращения 30.03.2025).

¹³ Тонкий мир. URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения 20.08.2024).

Заключение

Таким образом, сновидения остаются «семиотическим зеркалом, где каждый видит в нем отражение своего языка» [Лотман 1992, с. 222]), фиксирующим изменения в коллективном сознании и технологическом прогрессе. Взаимодействие с меняющимся миром и его восприятие ведет к его интерпретации в образах, наиболее близких и понятных для сновидца.

Мы являемся свидетелями адаптации сновидческого нарратива к цифровой среде, которая проявляется в виде трансформации когнитивных механизмов через мультимодальность и коллективную интерпретацию, упрощение семантизации опыта за счет алгоритмических инструментов, синтез архаичных символов с технологическими метафорами. Этот процесс отражает общую тенденцию цифровизации культуры, где даже интимный опыт сновидений становится частью публичного дискурса.

Литература

- Берестнев 2011 – *Берестнев Г.И.* Лингвистика сновидений // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 404–413.
- Берестнев и др. 2024 – *Берестнев Г.И., Васильева И.Б., Цветкова А.А.* Пророческие сновидения: языковая образность, когнитивные механизмы. Калининград, 2024. 224 с.
- Буякас, Попов 2012 – *Буякас Т.М., Попов С.А.* Феноменологический подход к пониманию сновидений // Консультативная психология и психотерапия, 2012. № 2. С. 66–109.
- Лазарева 2018 – *Лазарева А.А.* Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 335 с.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 272 с.
- Мальцева 2011 – *Мальцева Я.А.* Язык и когнитивная структура профетических текстов: античная и русская традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 23 с.
- Рассказы о сновидениях 2009 – Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Сафронов 2016 – *Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре: Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.
- Cariola 2010 – *Cariola L.A.* Assessing the latent linguistic structure of oral dream narratives. 2010 // The University of Edinburg. Edinburgh Research Explorer. URL:

- https://www.pure.ed.ac.uk/ws/portalfiles/portal/58246011/unpublished_2010_Assessing_the_latent_l.pdf (дата обращения 20.04.2025).
- Colic 2007 – Colic M. Kanna's lucid dreams and the use of narrative practices to explore their meaning // *The International Journal of Narrative Therapy & Community Work*. 2007. No. 4. P. 19–26.
- Epston 1989 – Epston D. Counter-dreaming // Epston D. *Collected papers*. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1989. P. 62–67. URL: https://www.researchgate.net/publication/329340518_Epston_David (дата обращения 20.04.2025).
- Niebrzegowska 1996 – Niebrzegowska S. *Polski sennik ludowy*. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. 296 s.
- Niederhoffer et al 2017 – Niederhoffer K.G., Schler J., Crutchley P., Loveys K., Coppersmith G. In your wildest dreams. The language and psychological features of dreams // *Proceedings of the 4th Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology. From Linguistic Signal to Clinical Reality* / ed. by K. Hollingshead, M.E. Ireland, K. Loveys. Vancouver: Association for Computational Linguistics, 2017. P. 13–25. URL: <https://aclanthology.org/W17-3102.pdf> (дата обращения 20.04.2025).

References

- Berestnev, G.I. (2011), “Dream linguistics”, in Arutyunova, N.D., ed., *Logicheskii analiz yazyka: Lingvofuturizm: Vzgl'yad yazyka v budushchee* [Logical analysis of language. Linguofuturism. A view of language into the future], Indrik, Moscow, Russia, pp. 404–413.
- Berestnev, G.I., Vasil'eva, I.B. and Tsvetkova, A.A. (2024), *Prorocheskie snovideniya: yazykovaya obraznost', kognitivnye mekhanizmy* [Prophetic dreams. Linguistic imagery, cognitive mechanisms], Kaliningrad, Russia.
- Buyakas, T.M. and Popov, S.A. (2012), “A phenomenological approach to understanding dreams”, in *Counseling Psychology and Psychotherapy*, no. 2, pp. 66–109.
- Cariola, L.A. (2010), “Assessing the latent linguistic structure of oral dream narratives”, in *Edinburgh Research Explorer*, available at: https://www.pure.ed.ac.uk/ws/portalfiles/portal/58246011/unpublished_2010_Assessing_the_latent_l.pdf (Accessed 20 Apr. 2025).
- Colic, M. (2007), “Kanna's lucid dreams and the use of narrative practices to explore their meaning”, *The International Journal of Narrative Therapy & Community Work*, no. 4, pp. 19–26.
- Epston, D. (1989), “Counter-dreaming”, in Epston, D., *Collected papers*, Dulwich Centre Publications, Adelaide, Australia, pp. 62–67, available at https://www.researchgate.net/publication/329340518_Epston_David (Accessed 20 Apr. 2025).
- Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., eds. (2009), *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream stories. A corpus study of Russian oral discourse], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.

- Lazareva, A.A. (2018), *Simvolika snovidenii v narodnoi kul'ture: fol'klornye modeli i lichnye narrativy* [Dream symbolism in popular culture. Folklore models and personal narratives], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnozis, Progres, Moscow, Russia.
- Mal'tseva, Ya.A. (2011), *Yazyk i kognitivnaya struktura profeticheskikh tekstov: antichnaya i russkaya traditsii* [Language and cognitive structure of prophetic texts: ancient and Russian traditions], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Kaliningrad, Russia.
- Niebrzegowska, S. (1996), *Polski sennik ludowy*, Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, Lublin, Poland.
- Niederhoffer, K.G., Schler, J., Crutchley, P., Loveys, K. and Coppersmith, G. (2017), "In your wildest dreams. The language and psychological features of dreams", in Hollingshead, K., Ireland, M.E. and Loveys, K., eds., *Proceedings of the 4th Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology. From Linguistic Signal to Clinical Reality*, Association for Computational Linguistics, Vancouver, Canada, pp. 13–25, available at: <https://aclanthology.org/W17-3102.pdf> (Accessed 20 Apr. 2025).
- Safronov, E.V. (2016), *Snovideniya v traditsionnoi kul'ture: Issledovanie i teksty* [Dreams in traditional culture. Research and texts], Labirint, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Лилия А. Усманова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420021, Россия, Казань, ул. Татарстан, д. 2; usmanova77@rambler.ru

Information about the author

Liliya A. Usmanova, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan; 2, Tatarstan St., Kazan, Russia, 420021; usmanova77@rambler.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 8
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 12 раз в год

Подписано в печать 08.10.2025
Выход в свет 15.10.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2247

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru